AYLIK MECMUA

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ŞİMALÎ·KAFKASYA
СЕВЕРНЫЙ·КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD

NORTH CAUCASIA

№ 55–56 2-ci teşrin - 1-ci kânun — 1938 — ноябрь-декабрь № 55–56

İÇİNDEKİLER — СОДЕРЖАНИЕ

KALEM HAKKI VERILMEZ
EL YAZILARI İADE EDİLMEZ

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ
РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

„ŞİMALÎ KAFKASYA“
MECMUASININ ABONE ŞARTI:

	6 aylık	1 yıl
Avrupanın her memleketinde . . .	0,75 dol.	1,5 dol.
Yakın ve Uzak Şarkta, Afrika ve Amerikada.	1 dol.	2 dol.

Tek nushası 3 fransız frankı.

Abone hakları mecmua müdürünün aşağıki adresine gönderilmelidir: ul. Belwederska 44 m. 1. Warszawa 12, Pologne.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ЗА ЖУРНАЛ
„СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ“ СОСТАВЛЯЕТ:

	на 6 мес	на год.
Во всех странах Европы	0,75 долл.	1,5 долл.
В странах Ближнего и Дальнего Востока, Америки и Африки . . .	1 долл.	2 долл.

Цена отдельного номера 3 фр. фр.

Подписную плату следует посылать по адресу редактора журнала: ul. Belwederska 44 m. 1. Warszawa 12, Pologne.

ŞİMALÎ • KAFKASYA
СЕВЕРНЫЙ • КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD | ОРГАН НАРОДНОЙ ПАРТИИ ГОРЦЕВ КАВКАЗА | NORTH CAUCASIA

№ 55 - 56 2-ci TEŞRİN - 1-ci KÂNUN — 1938 — НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ № 55 – 56

KEMAL ATATÜRK КЕМАЛЬ АТАТЮРК

KEMAL ATATÜRK

Kemal Atatürk artık yaşamıyor. Bu acı haber, bütün Türkiye'yi ve türk milletinin dostlarını derin bir mateme gark etti. Türk milleti, adı, Vatan Kurtarıcımın kahramanlık dastanı ve Yeni Türkiye ile sıkı sıkıya bağlı bulunan bir Önder'den mahrum oldu. Kemal Atatürk, kendi vatanını yalnız hicab veren bir sulhun ölüm pencesinden kurtarmakla kalmamış, ona yeniden hürriyetini iade ederek onu asırların karanliği içerisinden çıkarmak suretile kültür ve tarakkinin geniş yoluna çıkarmıştır.

Eski Osmanlı emperatorluğunun paytahtında zaif hükûmet galib kuvvetlere teslim olurken, uzun süren harpler neticesinde harabiye çevrilmiş Anadolu'da Atatürk'ün dehası Türkiye'yi yeni hayata davet ediyordu. Ve neticede Türkiye'nin şerefi korundu. Daha fazlasını söyliyelim: Türkiye'nin kendisi kurtarıldı.

1918-in son baharında Türkiye filen mevcud değildi. Mukadderatı halledilmişti. O, en azı, Avrupa'dan çekilmek ve Küçük Asya'daki yerlerinden çoğunu terk etmek mecburiyetinde idi. 1920-nin 10 Ağustosunda galib devletler sultan hükûmetini Türkiye'nin ölüm kararını - Sevr muahedesini imza etmeğe icbar ediyorlar. Bu muahede, Türkiye'yi tam manasile galib devletlerin kolonisi haline sokuyor.

Türk tarihinin hicab veren bu sayfaları, Atatürk'ün dehasından ilham alan türk milletinin vatanseverlik hamlesile temamen silinerek ortadan kalkmıştır. İşte, ruhen kuvvetli vatanseverleri arkasınca sürükliyen ve bütün milletin şayani hayret tahammül ve dayanıklığına istinad ederek Türkiye'yi hemen hemen ümidsiz bir vaziyetten çıkaran büyük adam, Atatürk idi. O, oldukca kısa bir zamanda Anadolu içerlerinde yeni bir devlet merkezi tesis ediyor, 1920-nin ortalarında ise, açıkca mukavemete imkân verecek bir orduya malik bulunuyor. Geregi gibi müsallâh ve mücehhez olmaktan çok uzak bulunan bu ordu, davasında haklı olduğundan gelen bir iman ve mukaddes millî heyecen ve dâhi bir başbuğun idaresi sayesinde, mükemmel surette mücehhez ve müsallâh bulunan düşman kuvvetlerini yenmek kabiliyetini göşteriyor.

1922-nin Eylûl'una doğru düşman kuvvetler her tarafta tepeleniyor. İtilâf kuvvetlerinin isteğini gerçekleştirmeğe çalışan müstevlî yunan kuvvetlerinin son bakiyesi de selâmeti denize atılmakta buluyor.

1922-nin 2 Son Teşrin'inde Ankara'daki Büyük Millet Meclisi, sultan Vahyeddin'in hakimiyetine nihayet vererek Büyük Millet Meclisi hükûmetinin, Türki'yede yegâne salâhiyettar bir hükûmet olduğunu ilân ediyor.

Ayni yılın 18 Son Teşrin'inde, sultanın firar ederek İngiliz gemisine sığındığını müteakib, Millî Meclis mahlu sultanı halifelikten de iskat ediyor ve Abdül-Mecid Efendi'yi halife intihab ediyor.

1923 ün 29 İlk Teşrin'inde Büyük Millet Meclisi, filen mevcut cümhuriyet rejimini resmen tasdik ediyor, 1924 de ise halifeliği ilğa etmek suretile, eski nizamin son müessesesini de ortadan kaldırıyor. Millî

КЕМАЛЬ АТАТЮРК

Кемаль Ататюрк скончался. Трагическая весть погрузила Турцию и всех друзей турецкого народа в глубокую печаль. Турецкий народ лишился Вождя, имя коего овеяно героической легендой Освободителя Отечества и стало синонимом Новой Турции. Кемаль Ататюрк не только освободил свое отечество из смертельных тисков постыдного мира, вернул ему вновь свободу, но и вывел его окончательно из мрака вековой темноты на широкий путь культуры и прогресса.

Когда в столице старой Оттоманской империи бессильная власть покорно подчинилась воле торжествующих победителей, в это время на опустощенных долголетними войнами полях Анатолии гений Ататюрка призывал к жизни новую Турцию. И честь Турции была спасена. Более того, спасена была сама Турция.

Осенью 1918 г. Турция фактически не существовала. Судьба ее была предрешена. Она, по меньшей мере, должна была уйти из Европы и лишиться большинства владений в Малой Азии. 10 августа 1920 г. державы-победительницы заставляют правительство султана подписать смертный приговор Турции — договор в Севр. Договор этот превращает Турцию в формальную колонию держав-победительниц.

Все эти постыдные страницы турецкой истории были сметены патриотическим порывом турецкого народа, вдохновляемого гением Ататюрка. Это он увлек за собой сильных духом патриотов и, опираясь на изумительную выносливость нации в целом, вывел Турцию из почти безнадежного положения. С необычайной быстротой он организует в глубине Анатолии новый государственный центр и к середине 1920 года располагает такой армией, которая позволяет приступить к открытому сопротивлению. Плохо вооруженная и снаряженная армия, вдохновляемая священным энтузиазмом и верой в правоту своего дела, руководимая гениальным вождем, наносит многочисленному и прекрасно снабженному врагу ряд поражений.

К сентябрю 1922 года противник был всюду разбит. Последние остатки греческих оккупантов, выполняющих волю Антанты, были сброшены в море

2 ноября 1922 года Великое Национальное Собрание в Анкаре лишает верховной власти султана Вахэддина и провозглашает единственно правомочным правительством Турции правительство Великого Национального Собрания

18 ноября того же года, после бегства султана на борт английского дредноута, Национальное Собрание лишает его и звания халифа, избирая халифом Абдул-Меджид Эфенди — его двоюродного брата.

29 октября 1923 года Великое Национальное Собрание формально утверждает существующий уже фактически республиканский строй, а в 1924 г. уничтожает халифат, ликвидируя этим последние остатки старого порядка. Пожизненным президентом республики провозглашается основатель и

Kurtuluş hareketinin bânisi ve önderi Kemâl Atatürk — o zamanki maruf adile Gazi Mustafa Kemal Paşa — kaydi hayat şartile Reisicümhurluğa intihab olunuyor.

Türkiye devletinin dahilî bünyesini kökünden değişen ve Osmanlı emperatorluğunun çılız bakiyelerini genç enerjili Türkiye Cümhuriyetine çeviren hadiseler işte, bu şekilde cereyan etmişti.

Bütün bu hadiseleri tarihî perspektif bakımından mütalea etmek imkânında bulunan bizler, itiraf etmek mecburiyetindeyiz ki, Türkiye devletçiliğinin bu harikülade tahavvülü, ancak tek bir şahsın-Atatürk'ün, enerji ve dehasi ile mükün olabilmiştir. Bu suretle, şu eski hakikat bir daha teeyyüd etmiş oluyor: Tarih, cansız amillerin kuvvetile değil, ümidsiz, çıkılmaz diye sanılan bir vaziyetten galib çıkmağı başaran insan dehasının kuvvetile yaratılır.

Atatürk, yeni, kendi kemalist Türkiyesinde yaptığı islâhatlarla derin izler bırakmıştır. O, değil yalnız mükemmel bir kumandan ve devlet adamı, ayni zamanda yeni hayatın islâhatcısı ve dâhi bir kurucu olduğunu dahi göstordi. Kadınların hürriyet, yeni alfabenin kabulu, cemiyet ve devlet hayatının çağdaş telâkilere göre yeniden kuruluşu—işte, bir sürü yenilikler ki, gelecek nesillere Kemal Atatürk dehasinin ölmez eserleri gibi intikal edecektir. Onun idaresi altında Türkiye, yeniden hür dünya milletleri sırasında şerefile mütenasib bir yer işğal etmeğe başladı. Üfulundan bir müddet evvel, kadim Hatay vilâyetini Türkiye'ye iade etmek suretile, vatanına son büyük hizmetini yapmış oldu. Onun ve müsteid iş arkadaşlarının emeğile yeniden kurulan Türkiye, yeniden istikbale büyük bir ümid ve inançla baka bilir.

Kemal Atatürk, artık yaşıyanlar arasında değildir. Fakat, Yeni Türkiye, bir çok on yıl ve yüz yılların boşluğunu div adımlarile dolduran, diğer müslüman ülke ve milletlerinin büyük bir ümidle seyr ettiği Türkiye, Onun yaratıcı dehasının ebedî bir abidesi olarak kalacaktır.

вождь национально - освободительного движения Кемаль Ататюрк, тогда еще известный под именем Гази Мустафа Кемаль Паши.

Такова была последовательность событий, совершенно изменивших внутренюю структуру турецкого государства и превративших жалкие остатки Оттоманской империи в полную молодой энергии республиканскую Турцию.

Имея возможность рассматривать эти события под углом некоторой исторической перспективы, мы не можем не признать, что чудесное преображение турецкой государственности стало возможным благодаря энергии и гению одного лица — Ататюрка. Таким образом, еще раз подтвердилась истина, что история творится не неумолимой силой бездушных факторов, но силой гения человеческого, выходящего победителем из, казалось бы, безнадежной обстановки.

В новой, своей, кемалистской Турции Ататюрк оставил неизгладимый след своими реформами. Он оказался не только выдающимся полководцем и государственным мужем, но и гениальным реформатором, строителем новых устоев жизни. Раскрепощение женщин, введение нового алфавита, переустройство всей общественной и государственной жизни на современных началах — вот те мероприятия, которые навсегда останутся в памяти потомков, как дело гения Кемаля Ататюрка. В его правление Турция снова заняла подобающее ей положение среди свободных наций мира. Незадолго перед кончиной, он оказал последнюю великую услугу своему отечеству, вернув Турции древнюю Хатайскую провинцию. Турция, благоустроенная его трудами и трудами его талантливых сподвижников, снова с надеждой и верой может смотреть в будущее.

Кемаля Ататюрка нет уже среди живых. Но Новая Турция, Турция, гигантскими шагами восполняющая упущения многих десятков и сотен лет, Турция, к которой с надеждой обращаются взоры иных мусульманских стран и народов, останется вечным памятником его творческого гения.

Mirza - bek Kulatti

MÜNİH GÖRÜŞMELERİ

Son on yılın beynelmilel hayatında göze çarpan bariz hususiyet, hadiselerin fevkalâde bir sür'atle inkişaf edişi keyfiyetidir. Şöyleki, ekseriyetle müstesna tarihî bir ehemmiyeti, bazen de cihanşümul bir kıymeti haiz hadiseler, bir birini takib etmekte gecikmiyor.

Hatta, denile biliriki, bu kabil bir sensasyona karşı bir nevi itiyad bile hüsule gelmiştir. Bu yüzden dir ki, bilhassa Avrupa efkâri umumiyesi, cografî bakımdan uzakta bulunan, fakat cihanşümul bir ehemmiyeti göz önünde bulunan mes'eleler şöyle dursun, hatta doğrudan doğruya kendisinini alakadar eden mes'elelerin hallinde bile kâfi derecede bir alâka göstermekten uzak bulunuyor. Buna mukabil, Münih'de vuku bulan dörtler görüşmesi ve bundan doğacak muhtemel neticeler tam başka bir alâka ile karşılanmış oldu.

Avrupa saraheten anladıki, Münih müzakereleri, mevcud müvazeneyi tâ temelinden sarsan ve cihan harbinden sonra ilk defa olarak yeni umumi çarpışma tehlikesini öne süren birikmiş kuvvetlerin inikâsından başka bir şey değildir. Bu suretle, gerçi en sonda iş kanlı müsademeye varmadı ise de, ne de olsa geniş halk kütlelerinin haleti ruhiyesi gündelik sakin hayat vasfını kaybederek derin gizli ihtilafların mevcud olduğu şuuruna taraf çevrilmiş oldu.

„Dörtler görüşmesi„nin bir dönüm noktası olduğunu, sade bu cihet, yani pisikolojik tebeddülat değil diger cihetler de bariz surette göstermektedır. Her şeyden evvel, bu görüşmeler, mevcud statukonun kö-

künden sarsıldığına hükmedeceğimiz bir hudut tesbit etmiş ve ya yeni bir müvazenenin tesbitine ve yahut da yeni mevziî yahud umumî bir harp patlayıncaya kadar Avrupa'nın geniş mikyasta erazice yeniden kuruluşu işinin esasını vaz'etmiştir.

Bundan başka, münih görüşmeleri, eskilerinin nakiselerini ortaya koyarak beynelmilel siyasette yeni prensipler ve diplomaside yeni üsuller vaz'etmiştir.

Bilahere umumî bir buhran halini alan çeh-alman buhranı, haddi zatında Avrupa müvazenesinde tatbik edilen Versay sisteminin sona ermesinden başka bir şey değildi. Kuvvetlerde hüsule gelen yeni nisbet, mevcud beynelmilel münasebat sisteminde oldukca esasli bir değişikliğe vesile verdi. Şöyle ki, bu sistemin yaratıcıları, zimanları bu yeni hadiseyi mefluc bırakmak şöyle dursun, az kala kendileri de umumî çarpışmaya sürüklenmiş bulunacaklardı. Eski sistemin zimanları, kendi müttefiklerine ihanet bahasına ve onların hesabına kendilerine „sulh" temini için, nüfuzu kaybetmek ve beynelmilel hayatın mukkades an'anesi hilafına hareketle beraber fevkalâde diplomatik bir gayret sarf etmek ve tahammül göstermek zaruretinde kaldılar. Buna mükabil, muhalif taraf, yani Alman diplomasisi vazettiği mes'eleyi muvaffakiyetle müdafaa kabiliyetini gösterdi. Çünkü, bir taraftan mükemmel hazırlanmış askerî bir kuvvete dayanıyor, diger taraftan da kendi muhasımlerının hakikî vaz'iyet ve kuvvetlerine dair iyi ve doğru bir malumata malik bulunuyordu. Bundan başka, çek siyasetinin zayif taraflarından ve yaptığı gaflarından ustaca istifade etmeği dahi ihmal etmedi.

İşte, muhtemel alman aleyhdarı askerî ittifakının azalerinden birinin ordusu, bu suretle zararsız bir hale getirilmiş oldu. Mükemmel bir şekilde müsellah ve yüksek teşkilatlı bir miliyon asker bir kurşun atmadan teslim oluyor ve Almanya'nın Çeh içerlerine kadar açılışının yegâne siperi olan müstahkem Bogumin murabbaını terk edip gidiyor. Siyasî zaf, orduyu tam bir infirada sürüklüyor.

Bu suretle, munhasıran diplomatik müsademeler, icabında üç büyük devletin Almanyaya karadan ve havadan taarrüzü için bir baz gibi istifade edileceği „Çek yarasını" ne bahasına olursa olsun ortadan kaldırmak emelini göze alan alman stratejisinin sıradaki mes'elesini halletmiş oldu.

Neticede, Almanya, yeni tarihde ilk defa olarak Bogumini öyle bir şekilde çevirmiş oldu ki, burası ister istemez Almanya'nın iktisadî sistemi içerisine dahil bulunacak ve kendi yüksek sanayi kuvveti ve genişce yayılmış demir yolu ağlarile Üçüncü Reihin taarrüz kudretini takviye edecektir. Bu vaz'iyet, Merkezî Avrupa'da mevcud vaz'iyeti kökünden değişerek tamamile yeni bir şerait vücude getirmiş ve çerçevesinin şimdiden tahmin edilmesi zor olan geniş yeni siyasî kombenezon imkânları doğurmuştur.

Şüpheye mahel bırakmıyan bu muvaffakiyetten başka, Almanya'nın oldukca cesur manevrası bilâvasıta olsa da diğer bir hedefe de ulaşmıştır: o, Avrupa'daki kuvvetlerin hakikî nisbetini nümayiş ettirmiştir. Biz, Garb devletlerinin maddî ve manevî zafini mukni bir surette gösteren kuvvetlerin genel bir provasına şahid olduk. İşte, ismi geçen devletlerin passif taktikleri dahi bu zâf ile izah edilebilir.

Rejimlerin rüştü ve „sulh bloku„nun ikinci amîli SSSR bu imtihanda döndü. Hem de „dünyanın altıda birinin" perestişkârları şöyle dursun hatta bir çok reybilerin beklemediği bir rezaletle döndü. Moskva bu sefer de „kendi çokluğu ile büyük, ancak dilde kuvvetli" olduğunu isbat etti. SSSR in tam zâfi sade devletin dahilî hayat teşkilâtı sahasında değil, ayni zamanda Stalinin gürültülü teminatına ragmen beynelmilel-siyasî sahada dahi meydana çıktı.

Dörtler görüşmesi SSSR i ihmal ile Fransa onun marksist müttefiki arasında canlı bir köprü olan ÇSC i (Çek sovyet cumhuriyeti) ortadan kaldırdı ve SSSR in tam kenarda kalmasını temin ederek onu ileride Berlin—Tokyo—Roma müsellesinin bir objesi haline getirdi. Bu cihetin bizim için büyük bir ehemmiyeti vardır. Zira, bu, SSSR mahkûmu milletlerin kurtuluş mes'elesinin aktif—beynelmilel bir karakter alışını gösteren bir cihettir.

Bütün bu tarihde en dikkate degeri, SSSP in tehdidine rağmen Zaolza mes'elesini halleden ve Merkezî Avrupa'da oldukca aktif bir rol oynamakta devam eden Lehistanın aldığı vaziyettir. Kendi mahiyeti itibarile temamen milliyetçi olub, mükemmel surette teşkilatlandırılmış bir orduya ve millî tarihin kahramanca an'anesine dayanan bu devletin tesir ve nüfuzu pek tabiî olarak hesaba katılacaktı. Kantsler Hitlerin Lehistanla iyi komşuluk münasebetlerine dair mükerreren vermiş olduğu teminat bu bakımdan oldukca mühimdir. Bize göre, alman siyaseti şarkta Lehistani Rusyaya tercih etmeli ve SSSR mes'elesini Lehistanla birlikte halletmelidir.

Tabloyu tam olarak vermek için, Avrupa için çok buhranlı olan bu günlerde Milletler Cemiyetinin rolunu dahi hatırlamak gerektir. Yalanci demokratik şiarların çocuğu olan bu müessese, malûm günlerde, bundan evvelki ihtilâflarda oynadığı ehemmiyetsiz rolunu bile oynamaktan aciz göründü. Milletler Cemiyeti hatta, temamen unutuldu. Söz söyliye bileceği yegâne beynelmilel müessese olan Milletler Cemiyetinde fırsattan bilistifade çıkışta bulunan Litvinoften sonra bile vaziyette bir tebeddülat vuku bulmadı. Münih'ten sonra katiyetle denile bilirki, Litvinof bu imkânı dahi kaybedecektir.

Büyük mikyasta vuku bulan her hangi tarihî vak'a gibi Münih gürüşmesi dahi talimî bir ciheti haizdir. İşaret ettiğimiz gibi, dörtler görüşmesi, demokratik ve totaliter devletlerin beynelmilel siyaset üsullerini ortaya koydu. Totaliter devletler psikolojik bakımdan kendilerini daha ziyade metin, daha iyi müteşekkil, müteşebbis aktivizmle dolu ve icabında fedakârlığa hazır olarak gösterdiler. Demokrasi devletleri ise, plan ve iradeden mahrum bir şekilde filen totaliter devletlerin arkasında yürüdüler. Şayani dikkattir ki, doğrudan doğruya harp tehlikesi pek te her iki tarafın tasavvur ettiği gibi yakın değildi. Bu tehlikeyi her iki taraf muayyen bir gaye ile yakın göstermege çalışıyordu: bir taraf muhasiminin sinirleri üzerine katî bir manevî tazyik yapmak zaruretini hissediyor, öte taraf ta harb tehlikesi ve bundan doğacak felaketlerle kendi milletlerini korkutarak bu suretle geçmişte işlemiş oldukları günahları ve mağlubiyetle, teslimiyetle neticelenen halı hazırdaki hatalerini perdelemek istiyordu.

Hadiseler esnasında her iki tarafın müracaat ettiği propaganda silahinin dahi mühim bir yeri vardı.

Totaliter devletler bu cihete bilhassa ehemmiyet verdiklerinden icabında katî bir lisanla konuşmak kabiliyetini göstermeğe muvaffak oldular. Bununla beraber onlar bir çok sistematik propaganda diversiyon hareketlerine baş vurarak bu suretle muhasimi manen kırmak ve iradesini arzu edildiği gibi kullanmak gayesini dahi gütmüşlerdir.

Alelumum, şunu kayd etmek gerektir ki, millî devletler, milletlerin dahilî ve haricî emniyetini daha yüksek bir şekilde temin edebilecek vaz'iyette olduklarından, en yüksek bir medeniyet şekli vücude getiriyorlardır. Muhtelif çaşnide internasyonal humanistler „dünya medeniyeti zevalinin" millî devletlerin doğuşu ile başladığını isbata gayret ediyorlardır. Beşeriyetin medenî degerlerini derinleştirmek hususunda dahi, dene bilirki, çağdaş milliyetçilik milletlerin yaratıcılık kuvvetlerinde eşsiz bir inkişaf ve açılma vücude getirmiş ve bu sayede umumî ruhî terakkiyi daha bir çok nesiller için temin etmiştir.

Son hadiselerden alınacak dersler mes'elesine avdet ederken, şunu da kaydetmek lazımdır ki, beynelmilel siyasette hakimiyet sistemi „önderlik" prensipi üzerine kurulmuş devletler oldukca faik bir vaziyette bulunuyorlardır. Zira, bu takdirde diplomasi, çare yolları aramak için temsil müesseselerine müracaat etmek külfetinden kurtularak tesbit edilmiş hat üzerinde yürümek suretile degişen şeraite göre derhal vaz'iyet almak imkânini elde ediyor.

Bize göre, millî hakimiyet, bilhassa bu tarzda bir idare prensipinde kendi ifadesini bulmuştur. Zira, halk kütlelerinin aktif bir hale gelişini planlı olarak bir istikamette yürüyüşünü ve bir şekilde aksülamel gösterişini temin, ancak bu idare prensipini tahakkukla kabildir. Totaliter devletlere has ve zamanımızda saraheten kendini gösteren yeni siyasî doktrin— haricî siyasette dinamizm, bize göre, ancak bir az evvel temas ettiğimiz prensipten doğmuştur. Bunun içindir ki, ileride Avrupa'nın mukadderatını şu veya bu şekilde tayin edecek bir çok hadiselerin zuhurunu beklemek lazımdır. Bu hususta, mühim olan Almanya'nın müteşebbis dinamizmi ve henüz hazır olmadıklarından dolayı İngiltere ve Fransa'nın bu dinamizmin önüne geçmek imkânından mahrum oluşudur. Hiç şüphesiz Almanya, kendisi için münasib fırsatı hiç te elden kaçırmıyacaktır. Binaenaleyh, şimdiki vaziyette bütün mes'ele almanya metalibatının hangi istikamete doğru yol alacağı mes'elesinden ibarettir. Bu suale cevab vermekle beraber Münih'de dörtler görüşmesinin tesbit etmiş olduğu zemini dahi tayin etmiş olacağızdır.

Bize göre, her şeyden evvel, Almanya'nın bu yakın yıllarda Avrupa hegemonisi mes'elesini katiyetle vazedeceği ihtimaline yol vermemek gerektir. Bunun da bir çok sebebleri vardır.

XX-ci asır tarihi mükerreren göstermiştir ki, askerî tekniğin bu günkü vaz'iyetinde „yıldırım süratlı" harb imkânsızdır. Zira, her harb en nihayet maddî imkânların yarışına müncer oluyor. Almanya'nın bu maddî imkânları ise oldukca mahduddur. Halbuki, Avrupa'da mutasavvır düşmanlar bu hususta hesapsız ihtiyata malik bulunmaktadırlar. İşte, Almanya'nın Avrupa'da mutedil bir siyaset takib etmesinin sebeblerinden biri.

Sonra, büyük harbın taze tecrübesi gösterdi ki, bu kabil bir harb mes'eleyi katî surette hall etmiyerek ancak Avrupayı zayıf düşürürmeğe yarıyor ve galib tarafa ekseriyetle verilen kurbanlara değmiyen nisbî bir kâr kazandırmaktan başka bir şeye yaramıyor. Alelumum medenî milletler, bilhassa büyük milletler, muvaffakıyetsiz bir harbten sonra bile siyasî nüfuz ve tesirini kaybetmiye bilir ve er geç yeniden eski kudretine sahib ola bilir. İşte, 1870—71 yıllarının harbinden sonraki Fransa böyle olmuştu, harbten sonraki Almanya da ayni yoldan yürüdü.

İşte, bu cihetleri nazara alarak, diye biliriz ki, alman sanayiinin muhtac olduğu ham mal ve pazarı Garbde aramak, alman dinamizminin hiç te işine gelecek ve hesabına uyacak bir şey değildir. Binaenaleyh, Almanya'nın Garbi Avrupa'da hiç bir erazi davası olmadığına hakikaten de hükmetmek lazımdır.

Bu metalibin temini için iki imkân mevcuddur.

1) kolonilerin iadesi, 2) S.S.S.R. i Avrupa iktisadî sistemine idhal etmek.

Fazla ham mal ihtiyatına malik olsa da pazar olmak itibarile mahdud bir saha olarak kalan koloniler, mahrukat mes'elesini, bilhassa Almanya için birinci derecede ehemmiyetli sayılan petrol mes'elesini hiç te hall edecek vaziyette değildir. Bundan maada kolonilerden istifade mes'elesi, neticede ecnebî malî kuvvetlerinden asılı bir vaz'iyete götüre bilecek muazzam sermayeye bağlı bulunuyor. Şüphesiz, kolonilerin Alman imperatorluğunun büyük devlet pozisyonunu takviyeye yarıyacak deniz ve hava bazlarının vücude getirilmesine yararlı olması gibi, müsbet bir ciheti de yok değildir.

İkinci yol—S.S.S.R. i dünya iktisat sistemine idhal—icab eden ham malı ve muazzam, geniş bir pazar vermesi bakımından birinci yolu tekmil ediyor.

Oldukca mudil olan bu mes'elelerden hangisinin daha evvelce halledileceği, umumî beynelmilel vaz'iyetten ve her şeyden evvel Avrupa'nın hakemi olan İngilterenin alacağı pozisyondan asılı bulunacaktır. Şunu da kaydetmek lazımdır ki, koloni mes'elesinin Almanya için elverişli bir şekilde halledilişi keyfiyeti, S.S.S.R. in bugünkü şekilde ortadan kaldırılması ve Avrupa hayatında iktisadî rolleri müsellem olan mahkûm milletlerin kurtuluşu mes'elesini müzakeratı yevmiyeden hiçte kaldırmış olmuyor.

Tekrar ediyoruz, İngiltere ötedenberi Avrupa'nın hakemi rolunu oynuyor. Son yıllardaki ademi muvaffakiyetine rağmen, bu vaz'iyetini buğüne kadar muhafaza etmektedir. Binanaleyh, Şarkî Avrupa mes'elesinin halli İngiltere'nin şu ve ya bu şekilde iştiraki, hiç olmazsa tasvibi olmadan kabili tasavvur değildir. Bunun için dir, ki Münih dörtler görüşmesini S.S.S.R. i tabiî kısımlarına parçalamak mes'elesini aktuel bir şekle sokmak yolunda ilk reyel bir adım gibi telâkki edersek, hiç te hakikatten inhiraf etmiş olmayiz.

Bu suretle, dene bilirki, „Promete" milletleri için yeniden katî günler yaklaşmaktadır. Mevcud vaziyete göre hükmedilirse, S.S.S.R. mes'elesinde değil yalnız Almanya ve İtalya, hatta Lehistan başta olmak üzre Sovyetler İttihadının komşuları Türkiye ve Nippon alakadar görünüyorlardır. Tabiî İngiltere de alakasız değildir.

Bu vaz'iyet, promete milletleri kâfi derecede **millî bir rüşt gösterdikleri takdirde, Şarkî Avrupa**

V. Bonçkovski

Almanya'nın rus siyaseti hakkında kayıtlar*)

1.

Bu mekalede, Almanya'nın prometeizm idesine karşı münasebetini tetkik edeceğizdir. Bu ideyi de zamanımızda Rusya'nın şu ve ya bu suretle tehdid ettiği ülkeler tarafından takib edilecek her türlü siyasetin temeli olarak alıyoruz. Promete idesini biz, Rusya'yi (kızıl yahud bayaz—hiç fark etmez) bir sıra müstakıl millî—devletî taazzüvlere parçalamağı göze alan siyasî konsepsiyonun maşrut olarak kısaltılmış bir şekli gibi anlıyoruz. Binaenaleyh, biz alman raison d'étre'in Rusyanın millî devletlere parçalanması idesi karşısındaki vaziyetini anlatmağa çalışacağız.

Evvelâ, şunu kaydetmek lâzımdır ki, bu ide Almanya'da pek te populer değildi. Almanya, ta eski zamanlardan beri Rusya ile iyi münasebet tesisini arıyan devletler meyanına dahil ola gelmiştir. Bu da her iki devletin leh baryerile ayrıldığı için müşterek bir hududa malik olmamasından, her kesce malum olan Almanya'nın „koalisyon kâbusu" karşısında hissettiği tehlikeden ve nihayet Prusya'nın romantik rusofilliğinden ileri gelmiştir. Bu son noktada her iki ülkeyi bir birine yaklaştırmağa yarıyan bazı cihetler, ruhî yakınlık mevcud idi. Leh felsefe tarıhçilerinden ve şark hırıstiyanlığı bilğiçlerinden Prof. Bogumil Yasinski, XIV-ci asırda yaşamış Ekhart'tan, „Theologia Deutsch" den, „philosophus teutonicus" diye anılan Böm'den ve nihayet Şelling'ın yaratıcılığından bahsederken bu ciheti isbat etmektedir. Bütün bu feylesoflarda rus mistisizmi ve moskof dinî dünya görüşüne has panteist ve gnostik zihniyetin, insan yığınları kültünün mümessillerinden başka bir şey değildir.

Alman ve rus hayatının bazı sahaleri Baltik boyunda, Peterburg'da ve alelumum garbî Rusya'da aşağı yukarı müşterek bir hat üzerinde inkişaf etmiştir. Prusya leytnantı ile rus gvardiya zabiti, alman baronu ile rus eşrafı mükemmel bir surette uyuşmuş ve hemen hemen bir birini tekmile yaramışlardır. Bir taraf, Rusya'nın azemetine, kemiyete aid gösterişlere hayran olmuş, öte taraf da kendisini rus devletının almanlar, nordlar tarafından yaratıldığı „şuuruna" kaptırmıştır. Bu son cihet, menşei itibarile alman olan rus müverrihlerinin, meselâ, Şletser, Bayer, Miller v. s. nin eserlerinde mühim bir yer tutmuştur. İşte bu müverrihlerin hepsi, rus devlet kuruluşunun menşeini varyaglara—Kiyef Rusi devrine aid varyaglar—ve almanlara — Moskva civarındaki Alman Slobodası almanlarına — bağlamışlardır. XIX-ci asrın ikinci yarısı, Almanya'ya „büyük" psikolojik edebiyat şeklinde rus sârî hastalığının yeni bir nevini sokmuştur. Dostoyevski ve Tolstoy, Almanya'nın ruhî zeminini işliyerek bilahere 1918-den sonra rus - sovyet edebiyatının kuvvetli akınına yol açmışlardır.

Daha evvelki devirlere gelince, şunu kaydetmek lazımdırki, Lehistanın XVIII-ci asırdaki sukutu ve neticede hüsule gelen müşterek rus — prusya hududu rus—alman dostluğunu hiç te bozmamıştır. Bilakis „Leh mes'elesi, bu dostluğu daha ziyade takviye etmiştir. Rus—alman dostluğunu perkiten ikinci amil de Rusya'nın sivilizasyonca geriliği ve kolonize imkanlarına sahib oluşu keyfiyeti olmuştur. Alman münevveri ve mutahassıs teknisyenleri Rusya'da pek alâ para kazana bilecek vaziyette idiler. Alman ve rus sarayları arasındaki akrabalık, aşağı tabakaların yaklaşmasına yardım ediyordu. Rus emperatorlarından biri, yararlı hizmetlerde bulunmuş bir yüksek memure, „emeginize karşılık olarak sizi nasıl mükâfatlandırayım? diye tevcih ettiği suale, memurdan şu cevabı almıştı: „İmperator hazretleri beni almanlığa terfi etmenizi rica eylerim". Rusya'da alman olmak çok elverişli idi. Palemov, fon Benkendorfov, Renenkampov ve yüzlerce bu kabil alman isimlerinin rus idare ve iktisadî hayat tarihinin sayfalarında bolca bir yeri vardır.

Almanya'da ancak mahdud bir kaç kişinin önceden görmüş oldukları 1914 senesi, gittikce kuvvetlenen alman-rus hudud tasviyesinin bu harikulâde ameliyesini bir darbede bozmağa yaradı gibi telâkki edildi. „Telâkki edildi" diyoruz, çünkü, rus-alman harbının kaynağını, pek te rus-alman münasebetleri teşkil etmiyordu. Bu, daha ziyade Avustrya—Macaristanla Rusya arasındaki antagonizmden, Rusya'nın Karadeniz boğazlarına doğru açılarak ilerilemesinden v. s. den çıkmış bulunuyordu. Bunun içindirki, Rusya ve Almanya'nın mağlubiyeti ve Lehistan'ın yeniden doğuşu, az bir zamanda bu iki memleketi yeniden Rapallo'da birleştirdi, neticede Sovyetler Avrupa'ya girerek Almanya'yi harpsonu dünyasında temamen tecerrüd halinde bulunmaktan kurtarmış oldular. İşte, tam bu sırada hiç beklenilmeden rus-alman ihtilâfının yeni mühim bir kaynağı ortaya çıkıyor. Göte tarafıdan nefis bir şekilde formüle edilen ve „beşerin bütün faaliyeti dinî hakikatlara daynıyor"

*) Bonçkovski'nin bu mekalesi, „Vshud" (№ 3, 1938) (Şark) mecmuasından alınmıştır. Müellif, bu yazısında endişe doğuran mes'elelere, değil yalnız leh prometeçilerini, promete milletleri mümessillerini de daha ziyade endişeye düşüren mes'elelere temas etmektedir. Promete idesinin muvaffakıyet elde etmesi işinde Almanya'nın alacağı vaziyetin mühim bir rolu vardır. SSSR. in milletlere göre parçalanması idesinin muvaffakiyeti bakımından şu cihet oldukca mühimdir: Aceba kuvvetli dinamizm gösteren yeni Almanya, haricî siyaset sahasında ancak dünya komünizmi ile mücadele eden bir merkez olarak mı kalacak; yoksa, burası her türlü Rusya ile mücadele etmek ve bu ülkenin müstakil millî devletlere parçalanması fikrine en başta bir yer ayıracakmıdır? „Almanya'nın rus siyaseti hakkında kayıtlar" müellifi, Hitler Almanya'sının yolunu tahmin etmeği tecrübe ediyor. Bu, ve müellifin lehli oluşu ciheti, promete karii için mekalenin ehemmiyetini bir kat dahaa artırmış oluyor. Bunu kaydederken, şunu da ilâve edelim ki, müellifin bahsettiği „Rusya almanları" meyanına, istiklâl devrinde kafkasya cumhuriyetlerinin en sadik vatandaşları olmuş Kafkasyalı almanları idhal etmiyoruz. İdare.

---

mes'elesinin promete emelleri ruhunda yani çağdaş Arupa'nın iktisadî sistemine girerek ve kendi an'anevî kültürel münasebetlerini tesis ederek kendi siyasî istiklâlini muhafaza etmek şeklinde halledileceği ümidini bahş ediyor.

24. İlk Teşrin 1938.

fikrinden ibaret olan ezelî hakikat bu vak'a ile tam manasile teyid edilmiş oluyor. Alman-rus hüsumeti arkasında siyasî antagonizm saklanan ideolojik bir zemin üzerinde kendini gösteriyor. Bolşevik Rusya'sının avrupalı çehresini ortadan kaldırmak yolundaki gayretler, Baltık boyu Rusya'sının ölü cevvinde asılı duran Sankt Petersburğ'un sukutu; Almanya'ya sokulan ve burasının Almanya ile harb esnasında muvaffak olunamıyan imhasını sona erdirmeği göze alan rus komunizmi — işte, hep, alman-rus işbirliği idesinin inhilâlni doğuran amillerdi.

Bunuinla beraber tam siyasî motiflerde de nakiseler yok udğildi. Beş yıllık planların ve dünyaya hakim olma planlaernın tertib edildığı Rusya, artık Almanya için istismar ıiçin tesbit edilmiş bir ülke olmak üzre, ehemmiyetini kaybediyordu. Böylece, rus-alman işbirliği idesi, harpsonrası Almanyasının yeni hayatından çekilerek uzaklarda, „sönen dünyanın" çıkmaz sokaklarında, Rusyalı almanlar arasında ve en fazla kaybetmiş olan Prusya eyaletinde saklanıyor. Bu sönen dünyayi parçalıyan çekiç, arkasından Kominternin, doğrusu Moskvinternin ve daha doğrusu ise komşu ve ayrı ayrı devletleri çürütmek ve kendine tâbi etmek gayesile komünizmin boğucu gazlarını kullanan rusmoskof akınının yeni şeklinin sırıttığı komünizmle boğaz boğâza gelen nasyonal-sosyalizmdir.

Bu suretle, mikdarını başlıca üçe irca edeceğimiz şu kuvvetler meydana geliyor: 1) komünist Rusya, 2) nasyonal-sosyalist ve antisemit Almanya ve 3) Almanya'nın, (ve bayaz rus muhaciretinin) alman-rus ittifakı idesini halâsa çalışan sönen dünyası. Bu iki sonuncu kuvvetin mahiyetini sırasile gözden geçirelim.

2.

Nasyonal-sosyalizm amili, yakalanması en zor bir unsurdur. Çünkü, günlük hayat ölçülerinin çerçivesine sığmıyan Adolf Hitlerin irade ve şahsiyeti ile temsil ediliyor. Hitlerin yazıları ve nutuklarile âşına olmak ciheti bile bu unsuru yakalama işini kolaylaştırmağa yaramıyor, zira, bütün bunlar A. Hitlerin siyasî mutiliği zamanına ve kendi dillerile söylersek, celb edilmesi elzem olan alman halk kütlelerinin haleti ruhiyesini işlemek devrine merbut bulunuyorlardır. A. Hitlerin ve nasyonal-sosyalizmin Rusya'ya bakışını her halde alemşümul bir azamete doğru yol almak isteyen ve kendi metotlarında ayrı ayrı sınıfların, eyaletlerin ve geçmiş günlerin itiyatlarını rededen Hitler Almanya'sının hakikatlarını tahlilî bir tetkike tâbi kılmak suretile tesbit etmek gerektir. Bu tarz, rusdostluğu ruhundaki tarihî hatıraların, atavizmin ve siyasette inersyonun gayrimesul unsurunu zayiflattığı, hatta temamen redettiği için, alman şark siyaseti görüşünü anlamak işini oldukca kolaylaştırıyor.

Bize göre, A. Hitler'in ve nasyonal-sosyalizmin bariz rus aleyhdarı görüşü, siyasî tefekkürün şu reyel temellerine dayanıyor:

a) Bilhassa anşlus ve Sudetenland'ı işgal keyfiyetinden sonra Avustrya — Macaristan'ın rus aleyhdarı zihniyetini tavarüs. Cenubî Almanya'nın artan kudreti sayesinde Prusya ve alman şimaline has rusdostluğu zihniyetinin zayifliyerek kölgede kalması.

b) Karadenizde, Balkanlarda v. s. gibi yerlerde Rusya ile karşı karşıya gelinen cenubi şarkî istikametine doğru açılmaktan ibaret olan eski açılma siyasetinin değişmesi;

c) Potansyal bir kuvvet olması itibarile Rusya'yi küçültmek ve yahut ortadan kaldırmak işinin elverişli olacağını idrak. Aksi takdirde, Rusya ileride Fransa yahud diger devletlerle beraber Almanya'yi ölüm çemberi içerisinde bogabilir. Büyük rus kimyaçısı gibi tanılarak „Vasiyetamiz fikirler" unvanlı (S. Petersburg, 1904—1905) şayanı dikkat siyasî fikirlerin müellifi sifatile meçhul kalan D. Mendeleyef diyor ki.

„Rusya'nın en büyük vazifesi Çin ve Fransa ile ittifak aktetmek, ayni zamanda tabiî artıma yardım etmek suretile rus milletini sayca çoğaltmaktır".

Şayani dikkatır ki, D. Mendeleyef'in vasiyetini Sovyetler tam manasile yerine yetirdiler. 7—yıl harbinin misali gösteriyorki, Prusya'nın Rusya ile Leh hudutları dahilindeki harbi Almanya'da rus — fransız taarrüzünün reyel tehlikesini görmek şuurunu uyandırabilir;

d) 80 yıl sonra 350 milyonu bula bilecek ve Almanya'nın Baltik denizinde, cenubi—şarkta ve hatta merkezî Avrupa'daki kudretini kıra bilecek müstakbel rus emperatorluğundan endişe etmek.

Bu kaydettiklerimizi, prestij mes'elesini de ilâve etmek suretile tekmil etmek gerektir. Bu prestij mes'elesi de şundan doğuyor: Rusya'nın potensyal kudreti, Almanya'yi üçüncü dereceden kuvvetler sırasına geçirerek kölgede bırakacak ve bu suretle, ilk sırayı İngiltere, ikinci sırayı ise Rusya işgal edecektir. Rusya'nın mağlubiyeti Almanya'yi, İngiltereden sonra gelen muazzam bir cihan devleti seviyesine yükseltecektir. İdeolojik cihetler de yok değildir: mesela, devletlerin milliyet esasi üzerine teşekkülünü propaganda eden ve amoral, inhilâl ettirici bir hadise olması dolayisile Rusya tipinde çokmilletli ve merkeziyetçi devletleri rededen volkischer Prinzip; rus kültürünün, bilhassa rus edebiyatının (A. Rozenberg tarafından dostoyevskiçiliğin tenkid ve takbihi) demoralize edici bir karakteri haiz oluşunu hesaba katış ve, nihayet, Avrupa'nın patronu olarak burasını rus tehlikesi ve komünizmden korumak arzusu hep ideolojik cihetlerdir.

Kantsler A. Hitlerin menşe itibarile cenubî-katolik ruhî sahasına mensub oluşu, „prusyaçılığa" karşı nefret besleyişi, ordu ve siyasî hayatta rusdostluğunu imha edişi, XIX-ci asır idelerine nisbeten yeni ideler getiren bir adam oluşu ve nihayet yaptığı mülakatlarından birinde, Müthiş İvan'dan başlıyarak „çar vazifesini ifa eden" Stalin'e kadar, rus tarihindeki silsile ve bağlılığı mükkemmel bir şekilde anladığını ortaya koyuşu ve bolşevizmi, Rusya ruhî mahiyetinin en parlak tezahürlerinden biri gibi telâkki edişi—hep alman-rus husumeti kaynağının istikrar kesb edişine yarıyacak şeraitin daha fazla kuvvet kazanacağı ihtimalini bir daha teyid eden amillerdir. Gerçi, bu, Rusya ile eskide olduğu gibi işbirliğine avdet etmemeği tazammün etmez. Fakat, ne de olsa, Lehistan'ın taksiminden 1914-e kadar mevcud olan eski rusdostluğu siyasetinin katiyetle bozulduğuna delâlet eder.

Kısmen mevcud ve kısmen de oluş halinde bulunan bu vaziyet içerisinde en mühim eleman şuki, Rusya ile mücadele ve burasını millî devletlere parçalama ide-

sinin de Almanya'da bir tarihi mevcuddur. Bunun izlerini alman romantizminde 1831 leh isyanına iştirak edenlerin Berlin sokaklarında hararetle karşılanması vak'asinde, bâzi almanların leh, ukraynalı, gürcü, ermeni, tatar v. s. ye besledikleri sempatide görmek mümkündür*) Bununla beraber, Rusya'nın parçalanmasını güden çağdaş idenin başlıca tarihî delili, harbi umumî sıralarında Rusya'nın millî devletlere parçalanmasi idesini oldukca esaslı ve mantıkî bir şekilde propaganda etmiş olan, bugün artık yaşa dolmuş maruf âlim ve siyasî Paul Rorbah'ın siyasî dünya görüşü ve eserleridir. Rorbah, „Woher es kam?" unvanlı degerli eserinde (1937) 1914 yılı devlet adamlarının Rusya mes'elesine çok sathî bir âşinalık gösterdiklerine hatta, Rusya'nın hariçte bir faaliyet göstermek kabiliyetinden mahrum olduğu anlarda bile rus tehlikesini geregi gibi takdir etmediklerine işaret ediyor, Almanya'nın şarkta muzaffer olduğu sıralarda Rusya'nın tam imhasını sona kadar götürmek işini akim bıraktıran sahta prensipi yersiz buluyor ve nihayet, Rusya ile harbte her hangi bir idenin mevcud olmadığına işaret ediyor. Müellife göre, bu ide ancak, Rusya'yi millî devletlere parçalamak yolu ile onun kudretini hiçe indirmekten ibaret ola bilirdi. Zira, Rusya bir portakala benzer: dilimleri zor kuvvetile birleştiren çarizm kabuğu soyulub atıldığı zaman, onu ayrı ayrı parçalara ayırmak kabildir. Diger başka bir avrupa devletinde vücudun zehirlenmiş, yahud yaralanmış bir yerini kesip atmak ameliyesi, neticede kan sızan bir hudud bırakır. Rusya'yi ise bu ameliyata tâbi tutmağa ihtiyaç yoktur, onu inhilâl ettirmek gerektir. Rusya'yi parçalamak işi, harbın yeğâne ve yüksek emeli olmalı idi, zira mevcud halkların millî hudutlarına göre parçalanmış Rusya, bütün ve tek bir devlet halinde yeniden doğamaz ve, neticede Almanya, Rusya'ya dahil bulunmuş parçalları tehdidaltında bulundurmak imkânını elde etmiş bulunur. Yeni teşekkül etmiş devletlerden bazıları hatta Almanya'nın yardımını bile araya bilirdi. Binaenaleyh, Almanya kendi şark hudutlarını emniyet altına almış olurdu.

Almanya'nın Rusya ile yaptığı harbin idesiz karakteri, 1915 taarrüzünün durdurulması üzerinde müessir olmuş ve erzak petrol, uzun teneffüs devri verebilecek Ukrayna ve Kafkasya'yi işgal etmek işini akim bıraktırmıştır. Bütün bunlar ancak Rusya'yi parçalama gibi büyük bir emel mevcud olduğu takdirde tahakkuk ettirilebilirdi. Finlandiya'dan Kafkasya'ya kadar ki milletler, Almanya'nın „Moskva'dan kurtuldunuz! Nereye gideceginizi ve nasıl bir idare tarzile yaşıyacağınızı kendiniz tayin ediniz!" yollu şiarını işitecеklerdi. Bu, Almanya'nın Şarktaki manevî nüfuz ve tesirini takviyeye yaramış olacaktı. Almanya'nın faydasına olarak gelecek maddî kazanç da bunun arkasından kendi kendine gelecekti. En sonda Rorbah, bütün bu mes'elelerin Almanya'da kimse tarafından idrak ve realize edilmediğine teessüf etmektedir. Almanya'nın harbi umumideki mağlubiyetinde bu işi ihmal edişinin mühim derecede bir rolu vardır.

Milletler mes'elesinin ve Rusya'ya karşı mücadele işinin akislerine, genç —hitlerçiler matbuatında dahi rastlıyoruz. Bu işi bilhassa, maruf simalerden ve rus dilini bilmesine ve sabik Rusya emperatorluğu erazisinden çıkmasına rağmen rus ruhunun bozucu tesiri altına düşmemiş olanlardan biri bulunan Alfred Rozenberg idare etmektedir. Rozenberg, „Pest in Russland" nam eserinde, marksizmin „slavyanofil", avrupa—asya karakteri taşıdığını, Rusya merkeziyetçiliğinin mehanikî bir sıfatı haiz olduğunu, rus devletçiliği içerisinde zorla tutulan milletlerin esaret içerisinde olduklarını iyice anladığını göstermektedir. Rozenberg, yahudiliğin rus ihtilâlindeki rolunu oldukca kabartmakla beraber, rus kültürü üzerindeki mogol tesirine, mütemadiyen bir birile mücadele eden Garple Şark halitesine de mühim bir yer ayırmakta ve bolşevizmi, Rusya'da asyayî unsurların zaferi gibi telâkki etmektedir. Rozenberg, en sonda, rus kaosunu tanzim etmenin zarurî olduğu neticesine varmaktadır.

Georg Laybbrand'ın „Moskva'nın Avrupa'ya karşı taarrüzü" nam eserinde dahi, şayani dikkat fikirlerle karşılaşıyoruz. Laybbrand, bu eserinde S.S.S.R tarafından propaganda edilen ve arkasında Moskva başta olmak üzre, eski, dünya emperatorluğu planının sırıttığı dünya ihtilâlinin maskelenmiş manası etrafında derin mütalâaler yürüterek, bolşevizmi bir avrupamoskva halitesi gibi ele alıyor ve gayet dogru olarak „bolşevizm, Rusya'da ancak rus—turan elemanlarının birleşmesi sayesinde yerleşe bilmiştir" diyor. O da, rus devletinin çok milletli vasfını olduğu gibi, Rusya'daki milletlerin rus devletî merkeziyetçiliği ve terrorunun tahakküm altında bulunduklarını kabartmaktadır.

Nasyonal-sosyalizmin ve ileri gelen mümessillerinin Rusya'ya ve Rusya'nın millî devletlere parçalanması fikrine karşı münasebet ve alâkalerine dair serd etmiş oldukları fikirlere bir yekûn vururken şunu kaydetmek gerektir, ki, bu mehafilde Rusya'nın parçalanacağı idesini idrake yarıyacak şerait vücuda gelmek üzeredir. Mamafi, bu şeraiti her şeyden evvel, nasyonal sosyalist ihtilâli zaferinin inkişaf ve derinleşmesine ve mürteci mehafil tesirlerinin ortadan kalkışı keyfiyetine bağlamak lâzımdır.

3.

Şimdi de Almanya'daki rus dostü elemanlar mes'elesini tetkik etmek gerektir. Bu elemanlar hususunda fazla bir şey söylenemez. Mekalemizin ilk kısmını tekmil maksadile şunları ilave edelimki, Almanya'daki rus dostluğunun başlıca ve mütaassib merkezi, Rusyalı almanlardır. Alman vatanına karşı beslenen vatanseverlik hissile bir arada yaşıyan gizli rus vatanseverlik hissile bir grup haline gelen ve birleşen bu almanlar, oldukca bozucu ve dağıtıcı bir elemandan başka hir şey değillerdir. Bu hislerini gıcıklayan başlıca şey de, eski Rusya'daki „serbest" ve „geniş" hayat hasretidir. Onlar, muhat bulundukları „darlıktan", büyük vazifelerden ve harpsonrasının yeni Almanyasında elde saat ve not defteri olarak yaşamak zaruretinden memnun değillerdir. Onlar, Rusya'daki „imtiyaz'ara", yarım vatan adettikleri memlakete aid vazifelerde „yarısabotaja" alışdıklarından, nasyonalsosyalizm rejiminin üzerlerine yüklettiği ağır vazifeleri kolaylıkla ifa etmekten âciz bulunyorlardır.

Rusya ve alelumum şark mes'elelerile alâkadar daire ve müesseseler bu kabil adamlarla dolu olmasaydı, yukarıda söylediklerimiz belki de o derece fecaat ve ciddiyeti haiz olmazdı. Bunlar şuursuz olarak

*) Türkolog ve Moskva mahkûmu türk halklarının dostu prof. dr. G. Yeşke de bu meyana dahil bulunmaktadır.

ve farkına varmadan ve şark işleri mutahassısı maskesile karşısına çıktıkları muhitin nazari dikkatını celb etmeden hemen hemen rus ajanı rolunu oynamağa başlıyorlar. Bunun üzerine bu rusyalı almanların, milyubofçılığın kızıl patriyotizmi, yahudi „Posledniya Novosti" gazetesinin ruhu ve GPU ajanlarının talimatile beslenmiş bayaz rus muhaciretinin bolca alman hayatına sokulmasını temin eden bir köprü vazifesini gördüklerini ilâve edersek, „tek, bölünmez ana Rusya'yi" halâs etmek istiyen rus-alman siyasî gayrî meşruiyeti mümessillerinin menfi rollerine aid tabloyu tamemlamış oluruz. Başta antisemitizmle maskelenen kızıl — bayaz rus imperialisti muharrir Soloneviç olmak üzre bunların Lehistana karşı yaptıkları intirik, „sarı" japanlara ve bir tarəftan Tunaya, Karadeniz boğazlarına, Çargrada, slav Balkan istikametine dogru can atan diğer taraftan da Baltık kıyılarında kuvvetlenen her çeşit Rusya için şarkî Avrupa'da büyük bir tehlike olan ve ileride de bu sıfatını muhafaza edecek olan nasyonal sosyalizme karşı hiç şüphesiz besledikleri nefret hissi, bayaz rusların Almanlara karşı almış oldukları siyasî pozisyonunun asılı vechesini ve iç yüzünü bariz bir surette göstemektedir. Rusyalı almanlarla beraber bu ruslara Rusya'nın muhtelif milletlerden terekkübüne dair Almanya'da mevcud yanlış noktai nazar için dahi teşekkür etmek gerektir. Rusyalı almanlar, her halde bunların ekseriyeti ve yerli ruslar nazarında, ukraynalı „hohol„dan; gürcü, moskva'nın „gruzinişka„sından; tatar — „tatarvi„nin mümessilinden (polak ise – polyaçişkadan) başka bir şey olmıyacaktır. Gayri rus milletlerin mümessili olmaları itibarile Japonya'ya Rusya ile mücadelesinde samimî müttefik ola bilecek Rusya mahkûmu millî muhaciret gruplarını şuurlu olarak kasten küçük düşürmege çalışan Uzak Şark „rus faşistleri" ve rus millî menfaatlerinin bu kabil mümessillerinin telkinile yapılan Japonya aleyhine müteveccih uydurmalar hep yukarıda işaret ettigimiz Rusya'ı alman „mutahassısları" muhitinden çıkmaktadır.

Yukarıda taadad ettigimiz elemanların, hitlerizme düşman gizli ve alenî muhalefet, eski Almanya'nın „sönen dünyası" tarafından müzaheret ve yardım gördügüne, şahit olmasaydık yukarıdanberi söyliyegeldiklerimizde gene de bir tehlike görmiyecektik. Fakat, ne yaparsın ki, muhalifetin yardım ve müzaheretine mazhar oluyorlar. Her halde, hepsi bir arada, nasyonal-sosyalizm başçıları tarafından imhası pek te kolay olmıyacak mühim ve ciddî âmillerdir. Fenası şuki onlar ırkçılık ve yahudi aleyhdarlığının göz boyayıcı perdesi ile örtünmüşlerdir. Irkçılık ve yahudi aleyhdarlıkları da dahilî — alman ihtiyaç ve vaziyetinden doğan bir hadise değil,belki malum olduğu üzre eski Rasya'yi ihtilâldan halâs edemiyen ve yahudilerin ihtilale başcılık etmelerine hiçte mâni olmıyan eski rus yahudi „pogromları" an'anesinden gelen bir hadisedir.

Tabiî, bütün bunları söylerken, mütalealerimizi teşmil etmek niyetinden uzak bulunuyoruz. Rusyalı almanlar içerisinde, Moskva'nın inhilâl ettirici tesirine kapılmamış ve kendilerie beraber Müthiş Ivanlar, Petrolar, „büyük" Lenin ve Stalin'lerin vatanına aid geniş faydalı malumat getirmiş olan bir çok değerli şahsiyetler de yok değildir.

4.

Varacağımız netice aydındır. Tarih ve „Alman Slobodası" mefhumlarına göre formüle edilmiş şark siyasetile münasebatını kateden ve Rapəllo'yu rededen bir Almanya, ister istemez leh siyasî görüşünce dostca karşılanan bir âmildir. Zira, alman — rus işbirliği Lehistan için hiç te arzu edilmiyen bir şeydir. Buna göre dirki, oldukca bir taraflı olan antikomünist siyasetinde yapılacak zarurî bir tashih olmak üzre Almanya'da Rusya meselesinin rus aleyhdarı bir anlayışta tetkik ve derinleşmesini sevinçle karşılıyoruz.

Üç sembolik „M" (Moskva, Masonluk ve Marksizm)—İşte, üç harf ki, Avrupa'nın maruz kaldığı en büyük tehlikeyi ayni zamanda Lehistan ve Almanya'nın (İtalya, Japonya v. s. ülkelerin) müşterek düşmanlarını mükemmel surette tayin ve ifade ediyor. Bu düşmanlara ayni zamanda taarrüz etmeli ve bunlara karşı ancak tek bir „M" le mücadele taktikini değil, belki diğer „M" lerle mücadele taktikini de tatbik etmek gerektir.

Rusya mahkûmu milletlerin cephesi, Kafkasya, Ukrayna, Türküstan, Kareliya, Edil-Ural, Buryat-Mogolistan ve diger ülkelerin canlı vücullarından emilen maddî ve manevî kuvvetlerin yardımile dünyaya hâkim olmağa can atan bu sembolik amillerin en büyük kurbanlarlndan birini teşkil eder. Bu üç „M" le mücadele ederken bu potansyal müttefiki unutmamak gerektir. Dünya ışığını görmesi için ona yardım etmek lazımdır. Ve bu işde Almanya'nın siyasî hakikatı, hüriyetin vatanı, XIX ci asır dünya kurtuluş hareketindeki faaliyetin an'anesini muhafaze eden ve Juzef Pilsudski tarafından tamamlanan kniyaz Adam Çartoriyski'nin mektebine malik Lehistanla anlaşmak için yeni bir delil bula bilir.

K. K.

İMAM ŞAMİL

(Doğumunun 140-ncı yıl dönümü munasebetile)

İmam Şamilin doğumu hakkında iki fikir vardır. Birinciye göre İmam 1797 de, ikinciye göre ise 1798 de anadan olmuştur. Sovyet hakimiyeti yıllarında Dağıstanda yapılan en yeni tahkikat sonuncu noktai nazarı teyid etmektedir. „Dağıstanskaya Pravda" gazetesinin Eylûl sayılarından birinde büyük İmamın hatırasına hususî bir makale hasreden tarihî ilimler namzedi R. Muhammedofun iddiasına göre Şamil 1798 senesinin Eylûl ayında dünyaya gelmiştir. Bu tarih, yakın zamanlara kadar mechul bulunan, yalnız son yıllarda büyük İmamın silah arkadaşlarının ve muasırlarının haleflerinden elde edilmiş vesaik üzerine tayin edilmiştir. Hakikata çok yakın bulunan bu tarihi biz dahi kabul ediyor ve Şimalî Kafkasyanın istiklâli için çarpışmış olan dâhî mücahad'n hayat ve faaliyetini, doğumunun 140-ncı yıl dönümünde, bir mecmua makalesinin müsaade ettiği imkân dahilinde, tenvir etmek istiyoruz.

Evet, Şamil 1798-in Eylûlunda Gimri aulunda doğmuştur. Onun dünyaya gelir gelmez aldığı ad Ali idi. Babası Dingou Muhammed ve anası Pahu Mesedu, Şimalî Kafkasyanın kurtuluş tarihinde haklı bir şöhret kazanmış olan aulun halkı arasında umumî bir hürmete malik idiler. Daha çocuk iken Ali ağır surette hastalığa tutuldu. Hastalık uzayor ve yerli tabiblerin yardımı fayda vermiyordu. Ailesi yeğâne çâre olmak üzre eski halk tebabet usuluna müracaat ederek çocugun ismini değiştiler ve onu Şamil adlandırdılar. Hasta eyileşti ve bu hadise, şüphe yok, ki halk tebabetinin esrarengiz tesiri hakkındaki imanı ahali arasında bir kat daha tekviye etti.

Şamilin çocukluğu hakkında malumat çok noksandır. Bununla beraber mevcud malumat bile Şamilin tercümei halini yazan rusların iddialerini rettetmeğe kâfidir. Rus biograflarından bâzıları Şamilin çocuk iken hasta ve zaif olduğunu iddia ederler. Şamilin damadı ve muallimi Camalettinin oğlu Abdurrahim rus matbuatındaki bir yazısında diyor, ki: „Şamil hılkaten demir bir sıhhate malikti. „Ayni neticeye gelen R. Muhammedef dahi şunları yazıyor:

„Daha genç zamanlarında Şamil kuvveti, boyu ve zekâsı ile tebarüz ederdi."

Kuvveti ve sıhhatı sayesinde müstakbel İmam genç yaşlarında idmanla meşğul oluyor ve bu işde bütün arkadaşlarını geride bırakırdı Şamilin ciddiyetle meşğul olduğu ilimler onun vücuden inkişafına asla mâni olmıyordu. Ona göre, uzun yıllar İmamın yanında bulunmuş olan Çohlu Hacı Alinın aşağıdaki satırlarını hiç hayret etmeden okuyoruz:

„Şamil âlim, nâfiz, cesur, kahraman, enerjik, ayni zamanda mükemmel bir binici, atıcı, yüzücü, koşucu bir adamdı. Bir sözle, onunla kimse yarışamazdı. O Dağıstanın halkını ve toprağını çok eyi tetkik etmiş ve teşebbüs etmek istediği her şeye muktedirdi."

12 yaşında iken Şamile, ondan bir az büyük olan ve bilâhere ilk tarikat imamı intihab edilen Kazı-Muhammed muallimlik etmiştir. Şamil Kazı-Muhammedle bundan sonra da yakın bir dostluk ve fikirdaşlık devem ettirmiştir. Bir müddet sonra gerek Şamil, gerekse Kazı-Muhammed Dağıstanın en maruf alimleri bulunan İrganalı Hacı Muhammedın, Hunzahlı Liçinilaunun, Kazı-Kumuhlu Camalettinin ve başkalarının bilğilerinden ve derslerinden istifade etmişlerdir. Şamilin hayatının, bu devrini tasvir eden R. Muhammedof yazıyor ki:

„Şamil riyazıyat, mantık, arab dili derslerini muvaffakiyetle ikmal etti ve 20 yaşında iken felsefe ve ilahiyat derslerine başladı. Genç Şamili bilhassa Yunanistanla Romanın kadim kahramanlarının hayatlarına aid hikâyeler celbediydrdu." Muhammedof devam ederek diyor, ki; „Şamilin öğrenmek şevki o kadar kuvvetli idi, ki okuduğu derslerle iktifa etmiyerek, malumatını artırmak ve takviye etmek için daima yeni âlimler arıyor ve kendi üzerinde mütemadiyen işliyordu."

Müstakbel imamların ikisine de Camalettinin tesiri bilhassa kuvvetli idi.. Tarikatı ondan öğrendiler ve, İmam olduğu zaman Şamil, müşkül anlarda daima ona müracaat ederdi.

1830 de Kazı-Muhammed rus istilâsına karşı mücadeleyi idareye başladığı zaman Şamil İmamın yakin silahdaşları ve müşavirleri sırasında bulundu.

1832 de Gimri muhasara ve zabtedildiği zaman Şamil İmamla sona kadar kalan bir kaç adamdan biri idi ve aula giren ruslara karşı İmamla birlikte kılıç savaşına atılmıştı. Kazı Muhammed yaydığı ve teblig ettiği şiarları bu muharebede bizzat şehadetile ebedileştirmiş oldu. Şamil ağır süngü yarası aldı fakat ölmedi. Bayğın bir halde ölüler ve enkaz arasında kaldi. Nihayet onu Gimri aulundan Muhammed-Ali nam bir ezançi bularak, kendi hayatını tehlikeye koymak suretile Untsukul auluna götürdü.

Kazı-Muhammedin vefatinden sonra imamlığa Gotsatlı Ali İskender-Bey'in oğlu Hamzat-Bey ittihab edildi. Gimrinin sukutu esnasında aldığı ağır yaradan daha tamamile kurtulmamış olan Şamil yeni İmamın yanında yakın müşavir ve emekdaş vazifesine girdi. Leh tetkikçilerinden Mateuş Gralevski Kafkasyada geçirdiği 12 yıllık menfa hayatı hatıralarına tahsis ettiği „Kaukaz" nam eserinde Hamzat-Beyle Şamilin iş arkadaşlığına aid dikkate değer kayitler zikretmektedir.

„Hamzat-Bey Şamil gibi bir müşavire zaten muhtac idi. Hamzat-Bey cesurdu ve askerî kabiliyeti yük-

sekti. Askerî kıtaat arasında onun bayraklarla muhat olan şövalye heykeli bütün güzelliğile temayüz ederdi. Onun dinamizmi, emri altında olanlari teshir ediyor ve faikiyetini kabule mecbur kılıyordu. Fakat bu faikiyet geçici ve nisbi idi. Hamzat-Bey kendi silah arkadaşlarını harbe sevketmek için yaratılmıştı, buna mukabil o ne derin bir taktik, ne uzak gören bir stratek, ne administrator ve ne de siyaset adamı idi.

Nâdir tesadüf edilen bir şahsiyet olmak üzre Hamzat-Bey gurur ve tekebbürden uzaktı (hayatının sonuna kadar öyle de kaldı—K. K.), Çok ihtimal noksanlarını müdrük olduğu için Şamili yanına çağırmış, onun meşveret ve yardımlarından istifade etmek istemişti. Eski dostluk ve mütekabil anlaşma, artık yeni şeraite tâbi bulunan bu yeni münasebetleri âzemî dercede kolaylaştıra bilirdi."

Hamzat-Beyin cebrî ölümü bu itilaflı iş ortaklığını bozdu. Yeni imam seçmek icab ediyordu. Halkın sevki tabiîsi en liyaketlisinde durdu. İmamlığa Şamil seçildi. Seçği 1834 senesinin Eylûl ayında (başka me'hazlara göre Temmuzda) Aşilta aulunda yapıldı. Bu andan itibaren Şimalî Kafkasya ile Rusya arasındaki savaş tarihinin en şanlı bir devri başlıyor.

Hasan Elkadarî „Asari Dağıstan" nam eserinde Şamili aşağıdaki tarzda karakterize ediyor:

„Umumiyetle Şamil-Efendi, kuvvetli bir düşmanın hücumları karşısında müstahkem bir yerde gizlenib ibadetle meşğul olan âdî bir şeyh ve âlim bir mürşid değildi. İlme ve irşad kabiliyetine malik olmakla beraber o ayni zamanda harb san'atına ve siyasî ilimlere daha ziyade malikti ve devrinin kahraman ve müstesna şahsiyetlerinden biri idi."

Daha sonra fıkrini izah eden müellif diyor, ki:

„Şimdi vilayet nüfusunun yarısını teşkil eden lezği ahalisile birlikte, Rusya gibi kuvvetli ve muazzem bir devletin yagmur gibi durmadan yagan mermi ve güllelerine karşı yigirmi beş yıl duran bir adamın fevkalâde kabiliyetini isbat için başka delile ne ihtiyaç vardır? Hatta daimî muharebelerde iştirak eden mua vin ve mücahitleri öldürülmüş ve onları avez edecek kuvvet meydana gelmemişti. Onun teslimi ve Rusyaya, tam muvafik bir vaz'iyette, itaatı bile onun kahramanlığına ilave bir delil teşkil eder."

Tarikatçılık manasında Şamil bir şeyh değildi. Kalugada iken, rus hükûmeti namına yanında bulunan polis komiseri Runovski'ye bu hususta Şamil bizzat itirafta bulunmuştur. Runovskinin anlattığına göre söhbetlerinden birinde Şamil tarıkatın mahiyetini izah ederken demistir, ki.

„İhtiyar Cemalettin Dağıstanda sonuncu mürşiddir." Yâni Şamil kendisi kendini mürşid addetmemiştir. Bu da tarikatçılığın, bilhassa onun o zaman Şimalî Kafkasyada çok münteşir bulunan, nakşbendi kolunun mahiyetile çok muvafik idi. Malum olduğu üzre tarikat insanın ahlaken yükselmesini ister ve cebri müdafaai nefis mevkiinde bile kabul etmez. Ona göredir, ki ta ilk günden itibaren Şamilin karargâhinde bulunan Şeyh Cemalettin ruslar aleyhine olan muharebelerin hiç birinde iştirak etmedi, hatta hiç bir zaman silah taşımadı.

İmam olmakla beraber Şamil ayni zamanda tab'asının siyasî ve ruhani reisi idi Fakat siyasî ve askerî reislik daima ruhanî reisliğe galebe çalmıştır. Tab'alerinin dinî hislerini. İmam millî mes'elelerin realizasyonu için istifade etti. Bu millî mes'elelerin de başında o zaman rus istilâsına karşı askerî mukavemet teşkili ve, defalerle faik düşmanla mücadeleyi kolaylaştıracak olan devletin siyasî teşkilatı mes'elesi idi. Ona göre idi, ki İmam Şamil her şeyden evvel Şimalî Kafkasyanın askerî ve siyasî bır rehberi idi.

Yukarıda eserinden istifade ettiğimiz Gralevski Şamilin mükemmel karakteristikini vermektedir. Gralevski İmamın meziyetlerinden bahsederken diyor, ki:

„Onun kuvvetli hitabeti peygamberlik kıymetini alıyordu, çünkü o kendi sözlerini şahsî hayatile müdafaa etmekte idi. Elbisesi âdî yerli kumaştan yapılımıştı. Parlak tezyinat gibi lüzumsuz şeyler ne kendisi taşır, ne de ailesine müsaade ederdi. Yemeği çok sâde idi. Sabah ve akşam yemekleri çay veya süt ile ekmekten ibaretti. Gündüzler ise prinç, bal ile ekmek veya meyveden ibaretti. Daima yalnız yerdi ve ona karıları hizmet ederdi. Şamilin mütevazı hayatı netice itibarile umumî veznede büyük bir tasarruf yapardı. O umumun olan kuruşu esirger ve onu artırmaga çalışırdı.

Şamilin bu sıfatleri ahali üzerinde, mahir ve tecrübeli bir diplomattan daha kuvvetli tesir yapıyordu. Zaten Şamil ona göre de mahır bir diplomat idi. Daima müstakil olmuş, kendi başına mücadele etmiş ve hiç bir kayda boyun eğmemiş olan Çeçenistanın 1837 de müridizme tabi olmaya karar vermesini temin eden yalnız o idi. Çeçenistanın necib ve kahraman reisi Taşav Hacı Dağıstana gelerek bütün millet namına imam önünde başını egdi."

Rus menabii Şamil idaresini ekseren istibdad şeklinde tasvir ederler. Hakikat halde ise bu iddia hiç te doğru değildir. Şamilin kurmuş olduğu idare şeklı siyasî hikmetin yüksek derecesine muvafik olduğu gibi asrının ruhu ile de ahenkdar bulunuyordu. İmam ne müteassib idi, ne de müstebiddi. İmamlığa seçildiği güden itibaren mukavemetin muntazam teşkili ve Şimalî Kafkasyanın devletî birliğini tahakkuk ettirmeğe çalışmıştır. Onun nazarında, bu program tamamile tahakkuk ettiği takdirde rus istilasına nihayet verilmiş olacak ve Şimalî Kafkasyanın istiklâli temin edllecektir, ki bu da netice itibarile bütün Kafkasyanın kurtuluşuna sebeb olacaktır. Bu işi yaparken şiddetli tedbirler ittihaz etmek mecburiyeti karşısında dahi bulunmuş, fakat İmam hiç bir zaman hududu aşmamıştır.

Şamilin kurucu dehası kendisinde askerî kabiliyetle teşkilatçılık zekâsını birleştirmekte idi. Şamilin, imam seçildikten sonra tatbika başladığı siyasetin ana hatları daha Hamzat-Bayin idaresi esnasında belirmeğe başlamıştı. Şamil, Hamzat-Beye ruslarla açık musademeden çekinmeyi ve dahilî teşkilatla meşğul olub ahaliyi kazanmağa bakmayı tavsiye ederdi. İmametin memleket dahilinde kuvvetlenmesinden sonra haricî düşmana karşı büyük ölçüde çıkış yapmak lâzımdı. Miralay B. Hurş un, bir müddel evvet neşrettiği eserinde inandırıcı bir şekilde meydana koyduğu gibi, Şamil imam seçildikten sonra bu fikri tahakkuk ettirmeğe çalıştı.

Doğrudur, rus kumandanlığı İmama dahilî teşkilatını ikmale imkân vermedi ve onu ayni zamanda hem harb etmek, hem de icab eden islahatı yapmağa mecbur ediyordu.

Şamilin devri zamanımıza tesadüf etmiş olsaydı, imametin vojdizm prensipleri üzerine kurulduğu ve

totaliter bir devlet olduğu şüphesiz, ki iddia edilecekti Fakat, o zaman daha krepostnoy (kölelik) rejimi yaşıan Rusyanın tetkikçileri Şamil devletini, her şey hükmüdarın keprizinden asılı bulunan zalim bir şark istibdadı halinde tasvir ediyorlar. Halbuki, Büyük İmam

İmam Şamil — Имам Шамиль

âkilane şiddetle beraber, yalnız kendi vatandaş ve dindaşlarına karşı değil, kenardan gelen yabancılara dahi adaletin yüksek derecesini tatbik ederdi. Bu kadarla da bitmiyordu, Gralevskinin şehadetine göre, imametin erazisi çar idaresinin zulüm ve takibatına duramıyanlar için bir melce olmuştu.

Gralevski bu hususta yazıyor, ki:

„Bir çok yehudiler onun (İmam Şamilin—K. K.), himayesi altında kendi dinî ayinlerini serbest surette, icra etmekte idiler. Resmî ortodoks dini tarafından ihtilâlçı addedilen Moskva raskolnikleri onun himayesine sığınıyor ve yalnız burada serbest surette Razin ve Pugaçof hakkında konuşa biliyor ve patriark Nikon tarafından men'edilmiş kitablarını ve ayinlerini muhafaza ede biliyorlardı. Onların Dargoda hususî mabetleri vardı. 1845 de Şamil bu mabedi, kendi karargâhı ile birlikte askerî mülahazalerle yakmakla beraber devlet hesabına Şubut aulunda bir başkasının yapılmasını emretti."

Eserinden istifade ettiğimiz müellif başka bir yerde İmamın, yalnız rus ordusundan kaçıb teslim olanlara değil, harb esirlerine karşı dahi gösterdiği yüksek nsanî muameleden bahsetmektedir. Halbuki, bütün Kafkasya muharebesi başından sonuna kadar rus kıtaatının yerli ahaliye karşı icra ettiği mânasız ve hududsuz vahşetten ibaret idi.

Alman muharirlerinden Avgust von-Gasthauzen Kafkasyaya dair yol hatıralarında Şamili böyle karakterize ediyor:

„O daha genç yaşlarından itibaran demir bir irade kuvveti ve hiç bir şeyin sarsıtmıyacağı ve bütün hareketlerinde tebarüz eden gururlu sükût göstermeğe başlamıştı... Tabiat ona cazibeli ve ateşin bir hatiblik kabiliyeti vermişti. Cesaret, nüfuz v. s. bu gibi evsafında kimse şüphe etmazdi .. Umumiyetle o partizan muharebesi yürütüyordu, fakat öyle bir meharet ve kuvvetle, ki emsalini tarihde nadiren göre biliriz. Şamilin askerî hiyle ve kahramanlığını temin eden bilhassa onun, bu kadar muharebelerle beraber milletinde tesis etmiş olduğu teşkilat ve intizam idi."

Bu tarifte İmam Şamilin yalnız partizan muharebesi yürüttügü iddiası hakikate muvafik değildir. İmamlığının başlangıcında ve son yılılarında muharebelerin karakteri bilhassa partizan usulunda idi. Maddî vesaitin tam denilecek derecede yokluğu İmamı böyle bir taktike sevketmişti. Fakat, şöhretinin en kuvvetli yıllarında İmam, her hangi muntazam bir orduya ve dâhi bir reise şeref verecek derin askerî planlar tanzım ve tahakkuk ettiriyordu. Çok az bir kuvvetle düşmanı vurarak maksada ermesine mâni oluyor ve sayısız muntazam muharebelerde kaç yıl evvel için tanzim edilmiş askerî harekat planını hayate geçirmeğe tmuvaffak oluyordu. Bütün bunlar, her hangı bir partizan muharebesinin hakim unsurunu teşkil eden improvizasyondan çok uzak bulunuyorlardı. Diğer hususta Gasthauzen, bir avuç vatanseverlerin dünyanın en kuvvetli devletile vuku bulan kanlı, fakat şanlı savaşta İmamın ehemiyet ve rolu hakkındaki yazdıkları temamile doğrudur.

Bu kadar devamlı ve kahramanca mukavemet yalnız başına halkı ateşin nutku ile ve hareketlerile ruhlandıran tabiî rehber Şamil, dâhi devlet adamı ve ordu kumandanı Şamil durduğu için mümkün olmuştu.

Şamil administrativ teşkilat işine intihabının hemen ertesi günü başlamıştır. Bu çok ta kolay işlerden değildi. Şimalî Kafkasya, bilhassa Dağıstan dahilî igtişaş içinde yanıyordu. Daha birinci İmamın tesisine başladığı birlik filen dağılmıştı. Hunzahda ve daglık Dağıstanın diğer bazı yerlerinde rus kıtaatı duruyordu Çar orduları, Stavropol — Heorgiyevsk — Yekaterinograd —Vladıkavkaz —Tiflis yolunu ellerinde tutuyor, bununla da Şimalî Kafkasyanın şark kısmındaki kal'elerle garb kısmını birbirinden ayırıyorlardı. Dağıstanın feodal hükümdarlarından çogusu rus hakimiyetini kabul etmişlerdi. Rus altını Kafkasyanın merkezile garb kısmında büyük tahribat vücude getirmişti. İmam bütün bu manialari yıkmalı idi. Ayni zamanda hem kendine taraftar kazanmak, hem düşmanla harbederek işgal ettiği mintakaleri temizlemek ve bu yerlerde devlet idaresi teşkilatı yapmak icab ediyordu.

1840 senesinde İmam Dağıstanın dağlık kısmı ile Çeçenistanın büyük bir kısmında hakimiyetini esaslı surette kurmağa muvaffak oldu. Düşman kuvvetlerinin daimî tehdidi altında bulunan ve büyük bir kuvvet taleb eden mücadeleden bir an için bile olsun

farig olmıyan İmam idaresi altındaki mıntakalerde muntazam bir devlet teşkilatı kurmağa muvaffak olmuştu.

İmamet toprakları naibliklere ve vilayetlere taksim edilmişti ve bunların da her biri aul, nehir ve mahal ismile tesmiye edilmişlerdi. Aullar mahallelere bölünmüştü, böyle ki, bir cami ve otuz ev bir mahalle adlanıyordu. Takriben bin evden ibaret bir kaç aul naiblik teşkil ediyorlardı. Üç veya dort naiblik bir vilayet idi. Naibliklerin ve vilayetlerin başında naibler duruyordu, bir farkla, ki sonuncunun başında duran naibin rütbesi ötekinden yüksek olacaktı. Bu naib ayni zamanda bir naibligin de başında duruyordu. Böyle yüksek rütbeli naibler sırasında şu isimleri okuyoruz: Hakverdil – Magoma, Şuaib (Şuaib—Molla), Hacı—Murad, Kibit—Magoma, Daniel—Bey, Taşav—Hacı, İmamin ikinci oğlu Kazı - Muhammed ve başkaları. 40 ncı yıllarda naibliklerin sayısı 32-yi buluyordu. Küçük rütbedeki her naibin yanında kadı, yüksek rütbedekilerin yanında bir müfti bulunuyordu. Kadılar ve müftiler adalet makamını temsil ediyorlardı. Mahkeme kararı için naib de müracaat ede bilirdi, fakat kararı ve hükmü bizzat kadı verecekti. Müşkülat baş verdiği zaman kadı müftiye müracaat ediyor, o da İmamin kendisine ve onun yanındaki divana müracaat ediyordu. Hem sivil, hem de askerî makamı temsil eden naibler için dahi ayni nizam mevcuddu. İdare teşkilatını yoklamak için „muhtasib" namı altında gizli müfettişler heyeti vardı.

İdare teşkilatı ile beraber İmam verği sistemini de yoluna koymuştu. İmametin hazinesi şeriat mucibince toplanan zekâtlerle ve eskide hanlara verilen otlakların ve bâzı köylerin verğilerile doluyordu. Bundan başka harbda alınan ganimetlerin de beşte biri, gene şeriata göre, hazineye viriliyordu. Bütün bunlar netice itibarile çok ehemmiyetsiz bir meblağ teşkil ederdi ve mukabil tarafın gelirlerile kat'iyen kabili kıyas değildi. Çohlu Hacı-Ali yıllık geliri şöyle hesab etmektedir: 523.102 ölçü bugday*). 3200 baş koyun ve 32.000 rubleye yakın para; otlak ve bâzı köylerden alınan müstakim verğilerden 4500 rubleye yakın bir şey toplanıyordu. Harbda alınan ganimetlerden 1850—52 senelerinde hazineye giren gelir şöyle idi:

1850 de 1000 ruble, 1851 de 1013 ruble, 1852 de 15.230 ruble (o yıl Gence yakınlığında rus para postası elde edilmişti) Gralevskinin yazdığına göre beytulmalin geliri orta halli bir leh mülkedarının gelirinden fazla değildi. Böyle ehemmiyetsiz bir vesaitle İmam 25 yıl harb yürütmeğe muvaffak oldu.

1845 senesinde. Kabarda ile Osetiyayı zabtetmek için İmam cesurane bir teşebbüs yaptı. 5 bin piyade 4 bin suvarî ve 7 topla Tatartup mahallinde (Elhot ile Ardon arasında) Terek nehrini geçerek Büyük Kabarda aullarına doğru yürümeğe başladı. Halk İmamın ordusunu sevinçle karşılamakla beraber Kabarda ve Osetiya isyan etmedi. Bu suretle Şarkî ve Garbî Şimalî Kafkasyayı ayıran rus kuvvetlerini mahvetmek ve Garbî Adige ile birleşmek hususunda İmamin yapmış olduğu cesurane hamle baş tutmadı. Be sefer esnasında — gerek ileri yürüyüşte, gerekse geri çekilişte — İmam, harb tarihi sahifelerinde şerefli bir yer tutmağa layık muvaffakiyetli bir çevirme manevrası yapa bilmiştir.

İmamin bu seferi Garbî Adigeyi imamet dahiline almak maksadile bir müddet evvel oraya gönderilmiş olan Muhammed — Eminin teşebbüslerini takviye için yapılmıştı. Muhammed — Emine, Hacı—Muhammed ile Salman—Efendinin işlerini devam ettirmek vazifesi terettüb ediyordu. İmam 1845 de ve ondan sonraki yıllarda rus ordusunu merkezî Kafkasyadan çıkarmağa ve Garbî Adige ile bilavasıta irtibat tesisine muvaffak olmadı ise de Muhammed—Emın kendi vazifesini muvaffakiyetle ifa etmekte devam etti. Muhammed—Eminin Garbî Adigedeki rolunu Gralevski „Şamilin naibi ve canişini" tabirile tarif etmektedir. Bu tayinde onunla bağlı bulunan umidlerde gene İmamin uzak gören iradesi tezahür etmektedir. İmamin hakimiyetini Garbî Adigeye teşmil etmek gayreti, kurtuluş hamlesinin birleştirilmesi yolunda ileri atılmış pek mühim bir adımdı.

Muhammed—Emin adıgelilere mürüdizm esaslarını aşılamağa ve içlerinde imametin şarkındaki nizamatı tesise muvaffak oldu. İmamin mümessili bilhassa, en büyük adığe kabilesi olan ve mücadelenin sonuna kadar müridizm esaslarına merbut ve sadık kalan, abadzehler arasında kuvvetle yerleşmişti.

İmamin askerî teşebbüsleri idarî islahatından daha az âkilane değildi. O vakta kadar nizamsız

İmam Şamil, Kazı Muhammed (soldan) ve Muhammed-Şafi (soğdan) Kaluğa'da.
Имам Шамиль, Кази-Магомет (слева) и Магомет-Шафи (справа) в Калуге.

*) Dağıstanın her ölçüsü pudun altıda beşini teşkil ederdi.

yıgın halinde hareket eden kuvvetler yerine muntazam askerî teşkilat vücude getirildi. Muntazam piyade ve suvarî alayları teşkil olundu. Ordu ve muharib kuvvetler, yüz, beşyüz ve bin halinde birleşen ve başlarında reisleri bulunan onluklara taksim olundu. En büyük birleşmiş kuvvete naib kumanda ediyordu.

Gralevskinin yazdığına göre içlerinde bir çok leh ve ukraynalı bulunan rus ordusu kaçaklarından teknik kıt'aler teşkil olunmuştu. Munhasıran ruslardan ganimet edilen toplarla ikmal edilmekte olan batarya teşkil olunmuştu. İmamın emrile untskullu Cebrail tarafından top imali yoluna koyulmuş idise de yalnız 40 ncı yıllarda Dağıstanda ruslardan 40 top ganimet alınmıştı. Ayni Untskul'de, Gimri'de ve başka yerlerde barıt imali de tanzim edimişti.

Ordu efradı için hususî teltif ve mukâfat nişanları tesis edilmişti. Hasan Elkadrî bu hususta yazıyor, ki:

„Naib ve başka reisler için ve âlimlere mahsus rütbelerine göre hususî bir kumaştan nişanlar tayin edilmişti. Büyük kahramanlık gösteren cesurlara dahi takdir nişanı vermek ve taşımak usulden idi. Meselâ bâzı nişanlar saf gümüşten olub üzerinde şu sözler yazılı idi: „Sonunu düşünen cesur olamaz", bâzı nişanlar altınla suvarılmiş gümüşten ibaret olub üzerinde „Cesaret sahibi ve Yalınkılıçlı" sözleri yazılıydı.

Gralevskiye göre başlıca naibler gögüslerinin her iki tarafında gümüş nişanlar taşıyorlardı, başka naiblerin nişanları ise yalnız bir tarafında oluyordu.

500 kişiye kumanda edenlerden başlamış küçük reisler muhtelif büyüklükte dört köşeli nişanlar taşırlardı. Harbda gösterilen kahramanlık için at, silah, para gibi mükâfat dahi verilirdi. En maruf naibler ve yigitler ayrıca hususî nişanlarla teltif edilmekte idiler. Meselâ cesur Hakverdil—Magoma, rütbesine mütenasiben aldığı nişandan başka hususî bir nişan dahi almıştı, ki üzerinde „Hakverdil—Magomadan daha cesur bir adam ve kılıcından daha keskin bir kılıc mevcud değildir." Bu kısım nişanlardan bâzıları küçük mıkdarda bir aylık tahsisata hak kazandırıyordu. Efrad ve hatta bütün bir aul da mükâfat ve nişan ala biliyordu. Bu hallerde icab eden yazılar taşıyan hususî bayraklar veriliyordu. Aullarda, bundan başka, cami avlularında veyahud meydanlarda aulun veyahud bütün naibliğin fedakârlığini tasvir eden kitabeler vaz'olunuyordu. Böyle kitabelerden biri Gergebil auluna verilmişti. Bu aul 1847 de, Kafkasyadaki rus ordularının baş kumandanı knyaz Vorontsofun bizzat idare ettiği muhasarayı yaşamış ve rettetmişti.

1847 senesinin ilk bahar iptidalerinde İmam bütün naiblere, âlimlere, maruf simalere ve, yüzbaşılar da dahil olmak üzre, başka reislere, icra edilmiş islahatı tahkik ve tekmil için, Andı'da toplanmayı emretti. Bu toplantıda İmamin ikinci oğlu Kazı - Muhammed varis kabul edildi, Şamilin vefatinden sonra hükûmetin ona geçmesine karar verildi. (İmamin büyük oğlu Cemalettin 1839 den itibaren, maruf Ahulgo muhasırasından sonra rus esaretinde bulunuyordu) Ayni toplantıda İmamin kurmuş olduğu teşkilatın hukuk ve vazifelerini tayin eden „Nizam" tastik edilmiştir.*) Cuma namazından sonra hutbeyi müteakib okunacak bir dua metni de tastik edilmiştir.

Andı kurultayında imamlığın ırsî bir usula tabî tutulması hakkında alınan karar, Şamilden sonra imamlık makamını tutmak istiyen bâzı haris naiblere hoş gelmedi ve ademi memnuniyetlerini mucib oldu. Çohlu Hacı—Alinim şehadetine göre memnun olmıyanlar bilhassa Kibit—Magoma ve Elisulu Daniel—Bey idiler. Onlar İmama karşı açık muhalefetin başında duruyorlardı ve, bilahere, harbin nihayetinden bir az evvel, naibliklerini rus askerî kıtaatına ilk teslim eden de onlar oldu. Bu suretle, İmama en yakın olan simaler makam ve vazifelerine mütenasib bir seviyede bulunmadılar ve millî işin aleyhinde olarak şahsi hırslarına kapıldılar.

İmamın askerî teşebbüsleri hakkında hususî kitablar yazıla bilir. Düşman tarafın 200 000 den fazla askerî kuvvete ve bir çok kazak alaylarına malik 25 yıllık bir muharebede İmamın başlıca rol oynaması onun askerî dehasını göstermeğe kâfidir. Fakat biz yer azlığından dolayı İmamın askerî faaliyeti üzerinde durmıyacağız. Bu hususta mecmuamız sahifelerinde defalerle yazılmıştır. Yalnız şu kadar diye biliz, ki Şimalî Kafkasya tarihinin en şanlı sahifesini teşkil eden 25 yıllık hamaset dastanı, Şimalî Kafkasyanın en büyük evladının askerî dehasini isbata kâfi bir delildir.

Çohlu Hacı - Ali Gunib faciasını başlıca olarak bâzı naiblerin hiyanetile izah etmektedir. Hacı—Alinin iddialerinde, bizce, hadiselerde bizzat iştirak etmiş olan bir adamın subjektivizmi tarihçi objektivizmi üzerinde hakim bulunmaktadır. Hakikat halde ise bâzı naiblerin menfî rolları müellifin iddia ettiği derecede mühim olmamıştır. İmamın, rusları Osetiya ile Kabardadan çıkarıb bütün Şimalî Kafkasyayı kendi idaresi altında birleştirmek ve düşmanın Gürcustanla Azerbaycana yollarını kesmek uğrundaki teşebbüsleri akim kaldıktan sonra maglubiyet muhakkaktı. Cenubî Kafkasya ile munakalatın kesilmesi rus hakimiyetine automatik surette nihayet veriyordu. Ve bunun neticesinde Şimalî Kafkasya bulunduğu abluka halkasından kurtulmuş olacaktı. Ablukanın kaldırılması techizat için geniş imkânlar açacaktı. Bunun neticesinde müsellâh kuvvet ve ahali son on yıl zarfındaki sefaletten kurtulacak, maglubiyetin başlıca sebebini teşkil eden müthiş açlık ortadan kalkacaktı.

Gunibden sonra, İmam, esareti münasebetile yapılan bir çok resmi kabullar geçerek ailasi ve bâzı yakın adamları ile birlikte Kaluğada oturtuldu. Kalugada İmamdan başka iki karısı da bulunuyordu: hocası Cemalettının kızı Zahidat ve Mozdok ermenilerinden Uluhanofun kızı olub esir alınmış ve esirlikten İmamın karısı olmuş Şuanat; sonra iki ogulları Kazı—Muhammed ve Muhammed Şefi ailelerile birlikte İmamın yanında idiler. Birincinin karısı Elisulu Daniel—Beyin kızı Kerimat, ikincinin karısı Çohlu İnkov—Hacının kızı Eminat idi. İmamın ailesi efradından 5 kızı da Kalugaya gelmişti: Nafisat, Fatimat, Necabat, Pahu—Mesedu ve Şaniat. Nafisatla Fatimat Cemalettinin iki oğlu olan kocaları ile beraber idiler. Nafısatın kocası Abdurrahman, Fatinatın kocası Abdurrahim idi ve Abdurrahmanla Nafisatın küçük kızları Magavzat dahi getirilmişti. İmamın yakın adamlarından sabik hazinedar Hacio vardı, ki Kalugada

*) Şamilin „Nizamının" arabca olan metninin rusca tercümesi geçen sayımızda neşredilmiştir. Tercümeyi „Kafkasya dağlıları hakkında malumat" mecmuasının III ncü cildinden alıyoruz.

dahi mesarifatı idare ediyordu. Çocukların mürebbiyesi ayni zamanda İmamın uzak akrabası Hanum, oğlu Ömerle birlikte, Gimrili ve İmamın akrabası Cemalettin Hüseyin oğlu, hizmetçi: kızlardan Vali—Kız ve Farizat, Heratlı efgan Hayrullah dahi getirilmişlerdi.

Kalugaya ilk önce Şamil, Kazı —Muhammed ve Hacio geldiler, diğerleri Temir—Han—Şura'da kalmışlardı (Şuanat Mozdokta akrabalarında idi). 1860 in ilk yarısında esirlerin hepsi Kalugaya getirilmiş bulunuyorlardı. Zaman geçtikce Şamilin maiyetinde bulunanların heyeti de değişiyordu. Bir tarafran çoğu ölüyordu (10 yılda Şamilin Kalugadaki aile ve maiyetindekilerden 17 kişi vefat etmiştir), diğer taraftan bazıları Kafkasyaya dönüyor, yerlerine başkaları geliyordu. Kalugada yaşamak şeraiti fevkalâde ağırdı. Esirler yalnız manen değil, maddeten de iztirab çekiyorlardı. 19 yarası olan İmam da iklimin sertliğini hissetmeğe başlamıştı. En ağır vaz'iyette olan kadınlar idi. Bunların arasında ölüm nisbeti daha fazla idi. İlk önce Kazı—Muhammedin refikası Kerimat vefat etti (1862 de), onu İmamın çok sevdiği kızı Nafisat takib etti, sonra İmamın akrabası Hanum ve ilh... Rus hükûmeti lmamın aile ve maiyeti için iptidade 10 bin ruble veriyordu, sonralar bunu 12 bine kaldırdı. Fakat, gerek aile efradını, gerekse maiyetindekileri nazara alacak olursak bu meblağın o kadar da çok olmadığı anlaşılmış olur.

İmamın üzerine koyulmuş olan memurların muamelesi vaz'iyeti daha ziyade ağırlaştırıyordu. Daha 1860 de İmamı Kalugaya getirmiş olan miralay Boguslavski Nafisatın kocası Abdurrahmanı geri Kafkasyaya göndermeğe çalışıyordu. Boguslavski onu „Şamilin yanına verilmiş adamlar için çok tehlikeli" addetmekte idi. Şamil var kuvvetile buna mâni olmağa çalışıyordu. 1862 de, Nafisat öldükten sonra Abdurrahman Tiflise sürüldü ve 1871-e kadar, yâni Dagıstana dönmesine müsaade edilinceye kadar orada yaşadı. Runovskiyi avez eden memur Pavel Prjetslavski İmama en çok eziyet vermesile tanınmıştır. İmamın evini fesat ağıle bürümuş olan bu memur yalnız uzun teşebbüslerden sonra geri çağırılmıştır. Prjetslavski Şamil hakkında bazı yazıların müellifidir („Kafkaz" gazetesinde, „Russkaya starına mecmuasında).

Bütün bu kaba muamele Büyük İmamın menfa deki hayatını çekilmez bir hale getiriyordu.

Kalugada iken yakın adamlarının vefatından başka Şamilin ailesinde başka degişiklikler dahi baş vermişti. Zahidat oğlu Muhammedi dünyaye getirdi. Bilâhere Muhammed—Kâmil Paşa olan bu oğlu hâla İstanbulda berhayat bulunuyor. Sonra, çarın hususî emrile Muhammed—Şefi çar konvovuna girmeğe mecbur oldu. İmam bu fedakârlığa ağır yürek acisile gitmişti. Yanında kalan Kazı—Muhammed ihtiyar babasını yalnız bırakmamak bahanesile rus hizmetine girmeği şiddetle rettetti. Fatimatın kocası Abdurrahim de askerî hizmete girmek mecburiyetinde kaldı.

Daha Gunib felaketinden bir az sonra Şamil Baryatinskiye müracaat ederek Mekkeye gitmesine ve her müslüman için mukaddes olan bu şehirde hayatını bitirmesine müsaade edilmesini rica etmişti. Sonralar bu ricasını bir kaç defa tekrar etti: 1861 de Peterburgde iken, 1866 de gene ayni Peterburgde üçüncü Aleksanderin izdivac merasimine davet edilmiş olduğu zaman ve nihayet 1868 de Kafkasya valiiumumisi namına gönderdiği mektubda Mekkeye gitmesi için müsaade temin etmesini rica etmekte idi. İmam bu mektubunda ailesile beraber gitmesine müsaade edilmesini, dini vazifesini ifaden sonra Rusyaya dönmeyi bir vazife addettiğini yazmakta idi.

Fakat İmamın bütün teşebbüsleri akim kalmış, müsaade almaya muvaffak olmamıştı. Rus hükûmetinin bu işdeki motivleri çok maraklı idi. Bu motivleri İmam Şamilin müracaatı münasebetile Kafkasya valliumumisinin harbiye nazırına gönderdiği mektubda okuyoruz.

Valii umumî yazıyordu, ki:

„Alelumum Kafkasya işlerinin bugünkü vaz'iyeti de dahil olmak üzre, hali hazırda dağlı ahalinin hayatında, Şamilin arzusunu tatmine mâni olmak için hiç bir sebeb bulmıuyorum. Şamilin bügünkü vaz'iyetine aid mülahazaları ve Rusyaya sürüldükten sonraki bütün hareketlerini, ayni zamanda müsaade rica ederken oğullarını Rusyada bıraktığını nazari itibare alarak ben onun samimiyetine şüphe edemiyorum ve bu seferinden hükûmetin menfaatleri aleyhinde gizli bir maksad görmege meyal değilim. Buna mukabil Şamilin Türkiyeye bırakılmasında bir mahzur tasavvur ediyorum, ki o da bizim Türkiye ile olan münasebetimizin gayri muayyen ve kesilmesi muhtemel olmasile alakadardır. Bu takdirde çok ihtimal, ki gerek Türkiye hükûmeti, gerekse Türkiyede yaşıyan sayısız düşmanlarımız Şamilin Türkiyede bulunmasından istifadeye ve onu Kafkasya müslümanlarına tesir için kullanmağa var kuvvetlerini sarfetmeği ihmal etmiyeceklerdir."

Valii umumî ilave ediyor, ki „Şamilin, malik bulunduğu kuvvetli karakterile bu halde bile rus hükûmetine verdiği söze sâdik kalması çok muhtemeldir." Bununla beraber „Türkiye ile münasebetlerimizin, hasmane çarpışma yakınlığı hakkında uyatmakta olduğu endişe ortadan kalkıncaya kadar" İmamın seferine mâni olmak daha münasibdir.

Bu kabil mülahazalardan hareket eden rus hükûmeti yalnız 1870 senesi başlarında Şamilin Mekkeye gitmesine müsaade etti. Bundan bir az evvel, 1869 senesi Teşrini evvelinde Şamil Kiyefe nakledilmiştir. Bu suretle Şamil ailesile beraber yalnız esaretinin 11 nci yılında Kaluganın öldürücü ikliminden kurtula bilmiştir.

Mekke seferi İstanbulda tevekkuf etmek suretile devam etmiştir Kazı Muhammede ve Muhammed—Şefi haric olmak uzre İmam bütün ailesini beraberinde almıştı. (Kazı—Muhammede 1871 de müsaade edildi, fakat o babasını ölüm yatagında bulmuştu). Abdurrahim de sefere iştirak etmişti. Ona İmamı Istanbula kadar teşyi etmek müsaadesi verilmişti.

İmam Istanbulda muallimi Cemalettinin dul karısı, Abdurrahimin analığının evine indi ve rus sefaretinde hazırlanan hususî daireden imtina etti. Türkiye hükûmeti İmama rus parasile 21 000 rubleye müsavî bir maaş kesti. Sonra sultan ona hususî bir resmi kabul tertib etti. Bu hususta S. Şulgin, Abdurrahimden rivayeten şu sözleri yazmaktadır („Kafkasyanın mahallerini ve kabilelerini tasvire aid materyallar mecmuası" (rusca) cild: 32):

„Bütün bu ihtiram ve dikkate ragmen (Türkiye

hükûmeti tarafından — K.K.) Şamil padişah ile görüşmege acele etmiyordu. O diyordu, ki:" Eğer emrederse sultanın huzuruna giderim. „Nihayet Abdul - Mecidin arzusu üzerine resmi kabul yapıldı İmamla selam merasimini yaparken sultan heyecanla dedi, ki:" Şamil, sen benim için babam Mahmudsun!"

Bir müddet İstanbulda kaldıktan sonra İmam yoluna devam etti. Yol esnasında her yerde büyük hürmetle karşılanıyordu. Ceddeye kadar ona o zamanki Mısır hidivi, Ceddeden itibaren Mekke şerifi refakat ediyordu.

Geri hareketinde İmam, sıhhatı seyahate müsaid olmadığı için, Medinede tevekkuf etti. Bu mukaddes şehirde, koca rus imperatorluğunu 25 yıl titreten Büyük İmam, 17 Şubat 1871 tarihinde, vefat etti. Ölümü rus çarına verdiği sözünü ifaye ve Rusyaya dönüb gene muhterem esir vaz'iyetine girmesine mâni oldu.

Temur Bazırıkho

SONSUZ İSTİHALER

Daha kuruluş devrinde bulunub kendi inkişafı için müstakil bir devlet gibi möhkem bir esasa malik bulunmıyan bir millet, millî isteklerinin propagandasında çok dikkat ve ihtiyatla hareket etmelidir. Böyle bir devirde — bilhassa — propaganda, hakikî vaz'iyetle ve milletin hakikî imkânları ile kesgin bir tezad halinde bulunamaz. Bu devirde propaganda, halk kitlesini yalnış bir ruhta terbiye etmemelidir, en mühimmi ise dost bulunması çok muhtemel yerlerde yoktan düşman kazanmak doğru değildir. Bu şeraite riayet etmiyen millî propaganda provokasyon adlanmalıdır.

Maalesef, „Promete" klubu etrafında birleşen milletlere mensub ictimaî mehafilin bazıları, milliyet propagandasının esasını bizim gibi ve bizimle el - elç çalışan bu milletlerin mümessilleri gibi düsünmiyorlar. Bunu söylerken biz. „ilmî objektivizm" ve Ukrayna milletinin kurtuluş hamlesi gibi maskeler arkasında gizlenib hakikatta ise müstakbel Ukrayna gasibligini propaganda eden bâzı ukrayna mehafil ve teşkilatlarını kastediyoruz.

Bir kaç yıl bundan evvel biz Londrada „Ukrayna bürosu" (The Ukrainian Bureau in London) tarafından çıkarılmış bir harıta ile tanış ola bilmiştik. Bu harıtaya, yalnız Çekoslovakya ile Romanyanın bütün şark kısımları değil. Lehistanın da mühim bir kısmı, Kırım ve, Suyunç—Kale (Grozni) da dahil olmak üzre, Sulak sahillerine kadar bütün Şimalî Kafkasya millî ukrayna toprakları diye idhal edilmişlerdir.

Bir müddet evvel, Lvov üniversitesinin doçenti gibi ilmî unvan tasıyan Kubiyyoviç nam birisi „Leh— Ukrayna bülteni" sahifelerinde "SSSR de Ukraynanın etnik toprakları„nı nümayiş ettirdi. Buraya Don, Edil-Uralın bir kısmı ve başkalarie birlikte Kırım ve Şimalî Kafkasya dahi idhal edilmişti.

Küçük Lehistan (Galiçia) köylerinde ukrayna ahalisi arasında beyinsiz şövenistler tarafından „halkın okuması" için kitablar yayılıyor. Bu kitablarda Şimalî Kafkasyanın „ukraynalı" mahiyetinden ve "Cenubî Ukrayna„dan—yâni mevcudiyeti hiç bir vesika ile isbat edilmemiş olan Tmutarakan knyazlığından bahsedilmektedir.[1])

Ukrayna gasibliği propagandasında bilhassa deriden çıkan, bir müddet evvel intişar etmiş olan „Ukrayna istatistik yıllığı" müellifleridir. Bu eserde ismi yukarıda geçen Kubiyyoviç[2]) ve ciddî olması lâzım gelen galiça - ukrayna aylığı „Vistnik"[3]) sahifelerinde çalışan Hanuk-Bek nam (ihtimal, ki kuban kazağı — ukraynalı) birisi dahi vardır.

Bu sersem propagandanın iki misali üzerinde daha mufassal durmak isterdik. Çünkü deliller ve rakamlarla objektiv görünmeğe çalışan bunlar çok karakteristikdirler.

Hanuk—bekin iddiasına göre „Şimalî Kafkasya" denilen devlet Pariste, hem de 1934 senesinde teşekkül etmistir. Gerçi şunu da kabul ediyor, ki: „beyazların istilâsından evvel kısa bır müddet için olsa da Şimalî Kafkasya Dağlıları cumhuriyeti vardı ve bu cumhuriyet takriben Dağıstan vilayetini işğal edib 800 — 900 bin nüfusa malikti. Bu cumhuriyeti ilk önce general Denikinin orduları istilâ etti ve idaresi için dağlıların kendi içlerinden adamlar da bulmağa muvaf-

*) Bu mekale, mecmuamızda 1935 de rusca olarak neşredilmişti. Şimdi, yani Ukrayna mes'elesinin aktuel bir şekil aldığı ve ukrayna maksimalistlerinin kendi propagandalarını, 1935 de takbih ettiğimiz bir ruhda devamdan çekinmedikleri bir sırada bu mekaleyi bu sefer türkce olarak tekrar etmek mecburiyetini hissediyoruz. Bu tekrarı zarurî kılan sebeblerden bir mühimi de şu ki, okurlarımızca belli ve Paris'de „Kafkas" mecmuasının naşiri Bammat, ukrayna maksimalistlerinin bütün taleblerini kabul ve hoş görerek mecmuasının son nushasında (İlk Kânun 1938) iş arkadaşlarından birisinin kalemile yazılmış mekalede „her hanki bir şekilde" Ukrayna'yi, yani Ukrayna'nın Şimalî Kafkasya'ya karşı vazettiği metalibati alkışla karşılamaktadır. Bu metalibata ve buna karşı Bammat mecmuasının almış olduğu vaz'iyete bilhassa eski muhaciretimizin nazari dikkatını celb ediyor ve bu muhacireti aktiv bir va'ziyet alarak, ecdadımızın topraklarını kimseye vermek niyetinde olmadığımız gibi, bu erazi üzerine ticaret yapmağa da kimseye müsaade etmeyiz yolunda kat'î bir beyanatta bulunmağa davet ediyoruz.—İdare.

[1]) Yegâne „vesika" Tamanı işgal ettiklerinin daha ilk günlerinde (1792 de) rus askerlerinin „bulmuş" oldukları yazıdır. Bu yazıda deniliyormuş, ki knıyaz Gleb 1068 de Tmutarakanla Kerç arasındaki mesafeyi „buz üzerinde" (her ihtimale karşı!) ölçtü ve mesafe zikrolunmaktadır. Sayısız hafriyatın meydana koyduğu bir çok iskit-sarmat (Şimalî Kafkasya), yunan ve roma (Ceneve ve Venedik) eserleri arasında, burada ukraynalı değil, esasen islav unsuru bulunduğunu isbat edecek hiç bir eser bulunmamıştır. Bulunan" yalnız Glebe atfedilen taştır. Unutmamalıdır, ki elde mevcud vesaikaya göre Tmutarakan zamanında zengin ve mamur bir şehir imiş ve mabed, şehir duvarları v. s. gibi bir çok eserlar daha zamanımızda meydana çıkmıştır. Şunu da unutmamak gerektir, ki „knyaz Glebin yazısı" çarlık Rusyanın işine geliyordu. Çarlık Rusya Kuban nehrinin her iki tarafında yaşıyan çerkeslerin ve noğayların topraklarını istilâ etmek için bu taştan „hukukî bir vesika" gibi istifade ediyordu. Bolşevikler de ayni surette ondan istifade ediyorlar.

[2]) „III ukraynski Statistiçni Riçnik", — „III Ukrainian Statistical Annual" — 1935. Tahrir heyeti: Dr. V. Kubiyyoviç. Lukaseviç, E. Çehof—Lvov.

[3]) „Vistnik" № 7—8, 1935, Lvov.

fak oldu. Muhacirette „Kafkasya Dağlıları", 1933 den itibaren ise „Şimalî Kafkasya" mecmuası çıkarmağa başlıyan bir grup dağlı sabik cumhuriyetin erazisini Kubanın sol sahilile karadenize kadar genişleterek topraklarını bir kaç defa, ahalisini ise 4 defa artırdılar. Bu genişleme neticesinde Kuban ölkesinin büyük bir kısmı 2,5 milyon nüfusu ile beraber işgal edilmiştir.[4]) Yeni devlete „Şimalî Kafkasya" ismi verllmiştir. Bütün bu hayalî şeyler hayat tecrübelerine tahammül edemiyorlar."

„Hanuk-bek„in meydana koyduğu „keşfiyatın" başka yerinden öğreniyoruz, ki „Kuban ölkesinin" bütün milletleri (o cümleden olmak üzre, kendilerine hayat hakkı tanımadığı şimalî kafkasya milletinin mümessilleri dahi) „Kuban ölkesinin" „loyal" vatandaşları imişler ve „yakın geçmişte kendilerine personel muhtariyet bile taleb etmiyor" imişler. Kubanı o kadar sevmişler imiş.

„Hanuk-bek„in, safdil ukraynali okuyucuyu igfal için getirdiği „objektiv" delil bunlardan ibarettir.

Şimdi hu iddialerin ne kadar doğru ve esaslı olduğunu tetkik edelim..

„Hanuk-bek„in yaptığı gibi, çok da uzak olmıyan geçmişin, yâni Şimalî Kafkasyanın kendi istiklâlini müdafaada gösterdiği sebat ve inadın bütün dünyayı hayrete saldığı zamanların tarihî hakıkatlarını bir yana atıb ancak „Hanuk-bek„in bizzat şahidi bulunduğu ve iştirak etmiş olduğu zamanlardan hareket edecek olsak bile gene kat'iyetle iddia ede biliriz, ki „Şimalî Kafkasyanın millî iradesi, „Hanuk-bek„in inatla ukrayna vilayeti gibi göstermeğe çalıştığı „Kuban Ölkesi"-nin iradesinden daha büyük bir kuvvetle tezahür etmişti.

Şimalî Kafkasya cumhuriyeti („Hanuk-bek„de— Şimalî Kafkasya Dağlıları cumhuriyeti) „Şimalî Kafkasya" mecmuasının müdafaa ettigi hududlar dahilinde teessüs etmişti („İstiklâl beyannamesine" bakılsın). Bu cumhuriyet „kısa bir müddet için„ yaşamış ve Denikin „dağlıların kendi içlerinden adamlar „bulmuş olsa da gene bu cumhuriyetin istiklâli „Kuban ölkesinin" istiklâli ile kıyas kabul etmiyecek derecede tam idi.

Unatmamalıdır, ki Denikin orduları Şimalî Kafkasyanın daglık kısmını asla işğal edemediler, Denikin arkada, Şimalî Kafkasya âsîlerile kanlı muharebeler yapan mühim kuvvetler bulundurmak mecburiyetinde kalmıştı ve Denikinin dağlı ahaliden teşkil ettiği kıt'alerden hiç biri âsî dağlı partizanlarına karşı gitmediler.

„Hanuk-bek", „Kuuban Ölkesinde" ise ta ilk günden son güne kadar bütün hakimiyet Denikinın elinde idi. Kuban ölke radası (meclisi), (11 kişiden ibaret „istiklâlçılar" hariç olmak üzre), bu vaz'iyete karşı değıl, ki hiç bir ses çıkarmadılar, bilâkis resmî kararlarla Denikınin hareketlerini takdir ediyorlardı. Kalabuhofun kurban gitmesile neticelenen sahneyi tertib edenler bizzat kubanlılardı—Denikin yalnız rejisordu. Baş rolu ifa eden Pokrowski „Kuban Ölkesinin" yerli vatandaşı olmakla beraber Kuban ölke meclisinin „büyük ve zengin iltifatlarile" teltif edilmişti.

[4]) „Hanuk-bek", bu rakamları nereden aldınız? Kuban vilayetinde harbden evvel ancak 3.000.000 nüfus olduğu malumunuz olmalıdı.

Bu facialı anda „Kuban ölkesinde" yükselen yegâne protesto sesi b i r, ç e r k e s g e n e r a l ı n ı n s e s i i d i. Facianın geniş bir ölçü almasına mani olan işte bu ses oldu.

Fakat bu ses hiç te „Hanuk-bek„in bahsettiği „loyallıktan" gelmiyordu. O zamanlar „Kuban ölkesine" karşı „loyal" olmak Denikine itaat demek olurdu. Çünku o zamanki Kuban ölke meclesinin ekseriyeti ve kuban hükûmeti Denikinin elinde iradesiz bir alet idiler. „Loyal", Denikinin emrile dağlı köylerini ateşe veren ve Kalabuhofun katledildigi gün „Kuban ölkesinin" paytahtını muhasaraya alan kuban alayları idi. Çerkeslerin ise „loyallığı" başka neviden idi. Bu „loyallık" çerkes alaylarına 1919 in baharında, XI-ci kızıl ordu imha edildiği zaman, çerkes köylerine karşı hareket etmeğe müsaade etmedi. Bu „loyallık", çerkes alaylarını Denikinin emirlerini bozmağa, Gürcüstan üzerine yürümek için verilen emre itaat etmemeğe sevketti. Nihayet bu „loyallık" kuban meclisinin çerkes azalarinin ve yukarıda bahsettigimiz çerkes generalının hareketlerinde kendisini göstere bildi.

„Kuban ölkesi" vatandaşlarının ekseriyeti tarafından iltizam edilen „loyallığa" benzememekle beraber bu, „Hanuk-bek„in tasvir etmek istediği neviden de değildi. Denikine olan alaka, kuban şimalî kafkasyalılarının Denikin merkeziyetçiliğile yaptıkları mücadele imkânlarından doguyordu. „Hanuk-bek" „loyallık" adını verdiği, hakikatte ise kuban istiklâlcılarına sempatiden ibaret olan alaka ise, „Şimalî Kafkasyayı" çıkaran bir grup dağlının" taşıdıkları duyğudan neş'et ediyordu. Kuban istiklâlçıları Şimalî Kafkasya siyasî çalışanları nazarında, haklı millî davamızı takdir eden müstakbel savaş müttefiki gibi tasavvur olunmuşlardı (şimdi de öyle tasavvr olunuyorlar).

Şimalî Kafkasya, yalnız tarihî adaletin, hakkın ihyası ve milletin birleşmesi için değil, o ayni zamanda kendi yaşamasını ve inkişafını temin için icab eden moral bir şerait yaratmağa dahi çalışmaktadır. Buna kimse—hatta ukraynalılar bile—mâni olamazlar. „Hanuk-beklerden" bunu unutmamalarını rica ederiz.

„Ukrayna istatistik yıllığı" müelliflerinin taktikieri ise „Hanuk-bek„in taktikinden esaslı surette farklıdır. Burada izah ve tahlil yoktur ve her şey uzun rakam sutunlarile ihsaî diagramlara dayanıyor. Fakat ruh ve zihniyet aynidir. „Karpattan Urala kadar" bir Ukrayna „yaratmış" olan müellifler, hiç bir zaman Ukraynaya dahil bulunmamış olan geniş toprak sahalerinin ukrayna karakterini isbata çalışıyorlar.

Gerçi başta yalnız ukraynaca kısa bir mukaddimede („yıllık" ayni zamanda ingilizce müvazî metne maliktir) bir kayıd vardır ve burada tetkik olunan yerlerin hepsi „tamamile Ukrayna toprakları" olmadığı ve, meselâ „Şimalî Kafkasya ölkesi" kısmen ukrayna toprağı addoluna bileceği, geçen cilde „temamile" ukrayna addedilen Kırımın da bu cilde „kısmen" sırasına geçirildiği zikredilmektedir. Bununla beraber ilave ediliyor, ki yalnız Tuapse, Maykop ve ilh değil „Grozni—Mahaç-Kale", „Grozni—Tuapse" neft borusu ile Sadon madenleri v. s. dahi „Ukrayna erazisi dahilindedir".

Biz neden Kanadanın „Ukrayna toprakları" ve Çikago'nun ukrayna şehri sayılmadığına hayret ediyoruz. Halbuki o yerlerde yaşıyan ukraynalıların

sayısı Kırımda ve Şimalî Kafkasyada yaşıyan ukraynalılardan çok fazladır. Belki bu ondan ileri geliyor, ki yaradacakları „Ukrayna" nın nazırlar rütbesinde bulunacakları zaman Kubiyyoviçler yaz tatillerini Flolidada değil, Soçide veyahud Yaltada geçirmek fikrindedirler ve otomobilleri için maykop veyahud Suyunç-Kale benzini kullanmaği arzu ediyorlar.

„Ukrayna toprakları" ahalisinin milliyet bakımından tetkiki de hayretimizi mucib olmaktadır. Bu istatistik metodu neticesinde „Karpattan Urala kadar" bütün „Ukrayna erazisinde" ukraynalı ahalinin sayısı 70,5% nisbeti buluyor ve „tamamile ukrayna toprakları" üzerindeki ahalinin sayısından bu rakam yalnız 5,5% nisbetinde farklı oluyor Kubiyyoviçe göre „tamamile Ukrayna topraklarında" ukraynalıların nisbeti 75,8% imiş)

Kubiyyoviçin burada açıktan açığa rakamları şişirdiği aşikârdir.

Bu cihet bilhassa Kırıma ve „Şimalî Kafkasya ölkesine" aid kısımlarda bilhassa göze çarpmaktadır.

Kırım hakkında şunu diye biliriz, ki burada 16 idarî mıntakadan y a l n ı z b i r i s i (İşun) ukrayna mıntakasıdır. Binaenaleyh Kubiyyoviç cenabları buraya esasen burun sokmıyacaktı.*) Şimalî Kafkasya ölkesi" ndeki ukraynalıların sayısına gelince, bu hususta etraflı malumatımız yoktur. Bu malumat Kubiyyoviçde de mevcud değildir. Kayıdlerinden birinde 1926 de yapılan sovyet nüfus sayımından istifade ettiğini yazmaktadır. Başka bir haşiyesinde ise O. K. Konstantinofun „Mıntakalarla SSSR—Şimalî Kafkasya" (rusca) nam eserinden istifadelendiğini kaydetmektedir. Bu eserde Konstantinof dahi ahalinin milliyet itibarile sayımı için 1926 tahriri nüfusundan istifade etmektedir.

Konstantinof ise „Şimalî Kafkasya ölkesindeki" (Dağıstan muhtar cumhuriyeti hariç olmak üzre) ukraynalıları „takriben 11% nisbet", „tuzemets" dediği asıl dağlı ahaliyi ise 10,94% nisbet göstermektedir. Bunun üzerine Dağıstan muhtar cumhuriyetinin „tuzemetslerini" de ilave edecek olursak (gene sovyetlerin gösterdiği mıktarda) „Şimalî Kafkasya ölkesi" nin ahalisi 17—18% nisbeti bulmuş olur. t

Sovyet istatistikinin bilhassa ahalinin milliyeitibarile teşekkülünden bahseden kısmına asla inanmıyoruz. Sovyet istatistikinin, çarlık istatistiki gibi, rus unsurunu her yerde ön safa çekmekte olduğunu biliyoruz. Ona göre Konstantinofun (binaenaleyh 1926 nüfus sayımını dahi) verdiği rakamları doğru bulmıyoruz. Bu rakamlar şimalî kafkasyalılar hakkında olduğu gibi, „Şimalî Kafkasya ölkesinde" yaşıyan ukraynalılar hakkında dahi yanlıştır.

Bizim için çok ehemmiyeti olan 1927—1933 senelerinde „Şimalî Kafkasya ölkesinin" bâzı mıntakalarında ciddiyetle yapılan ve sonra ayni ciddiyetle durdurularak likvide edilen „ukraynalılaştırma" hakkındaki malumattır. O zaman ukraynalılaştırma hareketi 20 mıntakayı ihtiva ediyordu. Ve bunlardan da Kuban nehrinin sol sahilinde, yâni asıl Şimalî Kafkasyada, yalnız birisi—en küçügü—Abin mıntakası bulunuyordu. Bu tedbirler antirus mahiyet taşıyor ve

*) „SSSR—in administrativ—territorial bölümü" (rusca). Moskva 1934.

ukrayna komünistleri sıfatında yüksek sovyet mehafilinin himayesine mazher idi.*)

Şimalî Kafkasyada ve ona mücavir bulunan Don, Kuban ve Stavropol eyaletlerindeki hakikî vaz'iyetle aşina olanlar, ukrayna patriotu bulunduklarına şüphe olmıyan ukraynalılaştırma müelliflerinin faaliyetlerini başka mıntakalara teşmil edemediklerini kabula mecburdurlar. Çünkü bu mıntakalarda, bilhassa Şimalî Kafkasya erazisi dahilinde ukraynalılar zaif bir akalliyet teşkil ediyorlar

Şunu da unutmamak lâzımdır, ki Şimalî Kafkasyada etnik ukrayna unsuru olarak iskân edilmiş olanlar çoktan ukraynalılıktan ayrılmışlardır. Ukraynalılarla ayni köy ve stanitsalarda iskân edilmiş olan velikorus unsurları ukraynalıları çoktan eritmiş ve yutmuştur. Ona göre ukraynalılaştıracak kimse kalmamıştır

Nihayet, ukrayna imperyalizminin propagandaçıları bilmelidirler, ki iştihalerini çok tahrik eden Garbî Adığe bir ukrayna mıntakasına mukabile üç eyalete, bir şapsug mıntakasına, bir alman (Vannovski), bir yunan, bir yunan ermeni (Goryaçoklyuç) nahiyelerine maliktir ve sabik Karadeniz vilayetinin cenub kısımları (Gelencikten başlıyarak) ekseriyetle yunan ve ermeniler tarafından meskündür, Armavir mıntakasında çerkes—ermeniler oturuyorlar, Anapa mıntakasında yaşıyan gene çerkeslerdır Bundan başka bütün dağlık kısmı çerkeslerin elindedir. Buralarda ihtilâle kadar çerkes „koşileri"—otlakları mevcuddu.

Bütün bu hakikatler „yıllık" müellifleri için hiç bir kıymeti haiz değildir. Bu hakikatler „Hanuk-bek" ve muhtelif gayri mes'ul bürolar için de mevcud değildir.

Böyle bir taktikin manasızlığı ve zararı göz önündedir. Bu taktik, yalnız Ukrayna ile el-ele kendi istiklâlleri için çarpışan milletlerin yüreklerinde şüphe uyandırmakla kalmaz, belki ayni zamanda Karadeniz havzasında ve Yakın Şarkın yolu üzerinde, Kubiyyoviçlerin ve „Hanuk—beklerin" „Ukraynası" şeklinde „ikinci bir Rusyanın" teşekkülünü hoş görmiyen devletlerin de reaksyonuna sebebiyet vere bilir.

İştihayı azaltmak lâzımdır... Haddından fazlası ziyan verir.

*) Sayani dikkattır, ukraynalılaştırmanın likvide edilmesi Skripnikin ölümü ile ve ukrayna komünistlerine karşı açılan seferle ayni zamana tesadüf etti.

Mısırda Şarkî Türküstan şehitlerini anma merasimi

Kahireden bize yazıyorlar:

„Bu yılın 21 İlk Teşrin'inde Şanhayda yaşıyan milliyetçi Türküstanlılardan kardeşimiz Abdülaziz Mahduma bir mektub geldi. Bu mektubdan anlaşıldığına göre, Çin'in kızıl diktatoru Çankayşek komünizmin vahşiyane zulmünden kaçarak Çin'e geçen Şarkî Türküstanlı yurttaşlarımızdan Ahmet Vahid oğlu, Abdülveli efendi, Übeydullah efendiyi tutarak bütün mallarını, paralarını aldıktan sonra, epeyi eziyet etmiş ve bilahere yırtıcı kızıl ruslara teslim

etmiştir. Bu haber, bütün Türküstanlıların yüreklerine elektrik gibi işledi. Zalim Çinlilerin Türküstanlılara yaptıkları mezalim ve emsali görülmemiş vahşilikleri hakkında bir mekale yazılarak gazeteye verildi. Bundan başka Mısırda yaşıyan Türküstan lılar, „Bestanî Tekyesi" namile anılan Türküstan tekyesinde toplanarak Türküstan'da şehid düşenlerin

Merasime iştirak edenlerden bir grup.

ruhuna ve kızıl ruslar elinde bir oyuncak olan Çankayşek'in ortadan kalkması ve alelumum düşmanların yokalması için bir dua merasimi yaptılar. Merasime, Türküstanlılardan başka, Kafkasyalı,, Kırımlı kardeşlerle Araplar ve Hintliler de çağrılmışlardı. Meclis, „Yaşasın islâm, yaşasın millet, yaşasın Türküstan" lavhelerile, matem bayrağı ve Mısırın bir ay ve üç yıldızlı yeşil bayrağı ile süslenmişti. Meclis Hotanlı Abdülgafur karının güzel sesle Kur'an okumasile açıldı ve dairenin müdürü Hacı Yunus efendinin duasına iştirak edildi. Bundan sonra vatandaşımız Abdülaziz Mahdum kürsüye gelerek toplantının maksadını anlattı Şanhaydan gelen mektubu okuyarak Çinlilerin zulümlerini anlattı. Bunu müteakib Kırımlı kardeşlerimizden Yusuf Uralgiray hissî bir nutuk irad etti ve meclisten „kahr olsun düşmanlar, yaşasın milletimiz" sesleri yükseldi. Yusuf efendiden sonra kürsüye gelen kaşğarlı İbrahim efendi, mecliste hazır bulan arap ve hintlilere hitaben edebî arapca ile müessir bir nutuk söyledi. Toplantı bir teessür havası içerisinde nihayet bulduktan sonra misafirlere bir ziyafet verildi ve resimler alındı.

Toplantıdan bir gün sonra intişar eden Mısır gazetelerinde bu merasim hakkında muhtelif yazılar ve resimler çıktı".

Kahire. **Yaş istiklâlcı.**

М. Э. Расул-задэ

К КОНЧИНЕ КЕМАЛЯ АТАТЮРКА

Кончина Кемаля Ататюрка произвела впечатление события мирового значения. Перед катафалком великого человека обнажил голову не только плачущий турецкий народ, но и, буквально, все народы цивилизованного мира.

В формах не только необычных для Турции, но и мало обыкновенных для Западной Европы турецкий народ отдал последний долг отходящему в вечность вождю—отцу (Ата)—освободителю новой Турции и основателю Турецкой Республики.

17-миллионный народ с неописуемой искренностью, как один человек, горькими неподдельными слезами оплакивал потерю национального героя. Ведь он, этот непобедимый герой, в страшные годы упадка смог вытереть слезы турков, плачущих тогда уже не по герою, а по самой Турции!...

20 лет тому назад, когда К. Ататюрк, известный тогда еще под именем Мустафы Кемаля, дерзнул выступить против воли версальских владык мира, турецкий народ изнывал под безформенными развалинами окончательно рухнувшего, когда то величественного Оттоманского государства, поруганного известным Севрским диктатом.

В момент, когда еще многие из турецких патриотов продолжали наивно мыслить, каким бы это образом повлиять на „международную совесть" и какими дипломатическими ходами спасти хотя бы некоторую территориальную целость собственно турецких частей Оттоманской империи и, вопреки господствующего среди константинопольской интеллигенции мнения, добиться английского протектората или же американского мандата для Турции—мятежный Кемаль Паша выставил яркий и определенный лозунг:

На национальной воле обоснованная, ничем неограниченная и безусловно независимая Турция!

Началось известное анатолийское движение, превратившееся в эпопею национально-освободительной войны. Война эта, как известно, велась с греческой оккупационной армией, получившей мандат Антанты на усмирение „бандитов мятежного Кемаля"...

Смерть или независимость!—было девизом „мятежного генерала."

Три с лишним года организационной работы и неописуемой борьбы, происходящей в условиях неимоверной нищеты, лишений и особенно тяжелой для анатолийского крестьянства, и так изнуренного беспрерывными войнами, продолжавшимися свыше 12-ти лет (Турция до мировой войны вела Балканскую войну, а перед тем—войну с Италией за турецкие африканские владения)—привели в конечном итоге к блестящей победе турков. Оккупационная греческая армия, поддержанная версальскими владыками мира, была на голову разбита на полях западной Анатолии. К славе Кемаля — как полководца, уже имевшего лавры гениального защитника Дарданельских проливов с недавнего времени мировой войны, где благодаря его смелой стратегии удалось отбить англо-французский десант и уничтожить дредноуты, пытавшие форсировать проливы с целью подания помощи

России—прибавилось прозвище „Гази", что значит непобедимый.

Военный успех политически воскресшей Турции, вскоре по уничтожении экзекуционной армии, получил свое международное признание. Между новой Турцией и державами Антанты был заключен известный Лозаннский договор.

Однако, Кемаль и руководимое им национальное движение не удовлетворились этой и так величественной победой, когда бедная, разоренная крестьянская Анатолия заставила победоносную Антанту пересмотреть свое решение. Антанту, которая безапелляционно распоряжалась судьбами почти всего мира...

Недостаточно было установить новые границы Турции. На очереди стояла еще более трудная, но благодарная задача: поднять отсталую страну до уровня современной цивилизации. Только в этом случае жертвы, понесенные за независимость, нашли бы свое историческое оправдание. Ибо только такая Турция могла бы сохранить в целости отвоеванную независимость!

Новая национальная Турция должна была напрягать все свои силы, чтобы подняться из той бездны средневековья, в которой держали ее старые условия.

Началась гигантская работа национальной революции. Об'явилась Турецкая республика. В президенты был выбран Кемаль, который до конца жизни оставался на этом посту.

Недавно Турция отпраздновала 15-летие республики. Юбилейные итоги этого сравнительно короткого периода охватывают события и революцию, которые у европейских народов составляют содержание их вековых историй.

Революцией Кемаля Ататюрка ликвидирована не только Османская династия, но и учреждение слынного Халифата. Теократическая по всему своему укладу Турция стала совершенно светской страной. Позитивистическая республиканская Турция об'явила полную независимость разума и человеческой мысли от оков религиозно-застывших догматов и их средневековой схоластики.

Не слынный „Кисмет"—судьба управляет людьми, а человеческое знание и воля руководят судьбою людей и народов. Изменены все учреждения старой Турции. Религия об'явлена частным делом граждан. Юриспруденция освобождена от религиозных начал. Приняты основы швейцарского кодекса. Женщина не только об'явлена равной в правах с мущчинами, но и практически выдвинута на первый план. Во всех отраслях жизни турчанка занимает ответственные посты.

В области культуры произведены чудеса.

Вековое мечтание передовых умов Ближнего Востока—реформа арабского шрифта осуществлена при Кемале: введены латинские буквы. Почти безграмотное население крестьянской Турции теперь в огромной своей части стало грамотным. Национальной культуре и истории даны новые направления. В молодежи возбуждено благородное стремление к соревнованию с цивилизованными народами в области науки, искусства и техники!..

В области экономики сделаны огромные шаги. Почти бездорожная перед тем Анатолия пересечена сетью железных дорог; осушены болота; вырыты каналы. Создан торговый флот. Развита промышленность. Построена целая сеть фабрик и заводов. Турция, не имевшая раньше почти никакой промышленности, ныне сама выделывает бумагу, сахар, не говоря уже о воздвигнутых комбинатах мануфактуры и тяжелой промышленности. Выкуплены государством почти все иностранные концессии. Открыты банки, кооперативы, сельско-хозяйственные кредитные общества. Проведены законы защиты труда и сельского хозяйства

Современная Турция обладает технически оборудованной, европейски обученной, частично моторизованной армией, вооруженной новейшим оружием Восстановлен турецкий военный флот, создана авиация... Создана военная промышленность.

Количественно сокращенная*), по сравнению с довоенным Оттоманским государством, современная Турция в международной политике имеет несравнимо большее значение. Прежде всего Кемаль, авторитетом своей личности, как один из выдающихся государственных деятелей повоенной Европы, поднял моральный престиж новой Турции до значительной высоты. Затем, ведя исключительно реформаторскую политику внутри, республиканская Турция во вне вела сугубо миролюбивую политику, благодаря чему Кемалю Ататюрку удалось стать, с одной стороны, лидером балканской Антанты, а с другой—создателем восточного блока, об'единившего четыре мусульманские державы Ближнего Востока, подписавщие между собою так называемый „Саадабадский пакт."

На месте старого Оттоманского государства, вечно ссорящегося, с одной стороны, с балканскими государствами, а с другой—с Персией—на Востоке, мы теперь имеем новую Турцию в роли главного фактора политического равновесия и прочного мира на всем Ближнем Востоке.

Международный кредит и доверие, оказанное новой Турции, подчеркивается еще сотрудничеством ее с крупными экономическими центрами Западной Европы. Помимо того, что в существовании ее пятилетнего плана в области тяжелой промышленности принимает ближайшее участие английский капитал, еще недавно она получила большие денежные кредиты как в Англии, так и в Германии.

Умелая иностранная политика кемалистской Турции принесла ей не только полезное экономическое сотрудничество с западно-европейскими странами, но и безболезненное разрешение некоторых политических проблем, которые в Лозанне оставались открытыми. К таким вопросам относится право укрепления проливов и контроля над ним (Монтре) и разрешение вопроса Александреттского Санджака (Хатай).

Говоря о Кемале, нельзя не коснуться, так называемой, советской политики новой Турции. У многих наблюдателей со стороны получается впечатление, что дружественные отношения между новой Турцией и Советами имеют принципиально-идеоло-

*) В современной Турции, по турецким газетам, имеется 17,000,000 душ.

гические основы. Такое рассуждение не выдержало бы серьезного анализа явлений, касающихся Турции. В кемализме основой является реальный национализм. Национализм анатолийского патриота, решившего во что бы то ни стало поднять свою Родину на уровень современного цивилизованного государства. В этих целях нужны гигантские шаги во всех областях, вплоть до демографического усиления страны. Кемаль считал немыслимым для редконаселенной, отсталой и бедной Анатолии взять на себя обузу защиты всего мусульманского и тюркского мира, и с этой целью он отрекся от т. н. политики панисламизма. Это одновременно давало ему возможность установить политическую связь, на первую очередь, с Советами, которые, как известно, в начале борьбы Анатолии с европейскими империалистами составляли единственную страну и политическую силу, интересы которой совпадали с интересами турецкого национального движения.

Долгое время косность версальских заправил и непонимание ими действительного положения вещей, а также упорный отказ Европы от экономического сотрудничества с „диктаторствующей" Турцией, симпатизирующей больше „этатизму" в экономической жизни, чем ожидаемому европейцами „либерализму" — послужили продолжительности анкарско-московской дружбы и взаимного сотрудничества.

Несмотря на это, однако, никогда Турции не пришлось прекратить борьбу с местными коммунистами и преследовать агентов московского интернационала, безустанно работающего над большевизацией „дружественной" Турции. Еще в самом начале флирта, когда в Турции склонны были думать, что появление большевиков на Кавказе усиливает их в борьбе с оккупационными силами империалистической Европы, анкарско-московские взаимоотношения омрачились трагическою судьбою турецких коммунистов, во главе с известным Мустафа Субхи, который со своим штабом, по приезде из Москвы в Турцию, был потоплен в трапезундском рейде, что, конечно, не мешало коммунизму в дальнейшем усердно конспирировать против кемализма, а это, в свою очередь, также не мешает последнему преследовать его.

Не прекращаются также постоянные нападки подозрительной Москвы на основную политическую линию Турции. В Кремле все время смотрят с опаской на „европейскую ориентацию" Анкары, которая в последнее время вырисовывается в виде англо-турецкого сближения. Недавно еще „Журналь де Моску" указывал Турции на опасность экономического проникновения империалистов в Анатолию и их „покушения на независимость Турции", подчеркивая, что „фашистские страны ведут неустанную подрывную работу в Турции", на что турецкая газета „Ени Сабах" ответила очень резко. „Не космополитам, неразделяющим принцип национального различия, лишенным чувства любви к Родине, обучать нас, националистов, национальной гордости"—отвечала газета, тут же добавляя—„очевидно наших приятелей из Мосвы беспокоят последние кредиты, которые мы получили в Англии и Германии. Но ведь мы кое что получики и из Советов. О какой опасности тут может быть речь. Мы еще ничего не слышали о работе у нас фашистов, о подрывной же работе коммунистов очень часто читаем в судебно-уголовных отделах нашей прессы." В заключение газета советует „не вмешиваться в турецкие внутренние дела", ибо, говорит она—„мы не любим, когда чужие суют морду в наши дела и в том даже случае, если они называются нашими друзьями."

Идеология кемализма—это национальный революционизм, ставящий себе целью догнать европейские народы в достижениях общечеловеческой цивилизации. В его методах много элементов из того, что мы видим в послевоенных формациях тоталитарного национализма. Ведь недаром Хитлер, еще в 1934 году, подчеркнул, что в успехах Кемаля Ататюрка „он находил веру в успех своей национал-социалистической идеологии". Английская же газета „Таймс", называя Ататюрка одним из великих людей, вышедших из послевоенного хаоса, находит, что ни один из вождей его эпохи не сумел так много и так успешно творить, как он.

Его чудо заключается в том, что, начиная войной против Европы, он кончил европеизацией Турции; опираясь на политическую дружбу Советов во вне, внутри подавлял коммунизм; нанося удары по идеологии панисламизма и пантуранизма, он, правильной постановкой национально-освободительной борьбы, завоевал на Востоке для новой Турции симпатии всех и гораздо большее уважение в тюркско-мусульманском мире, чем это имел Стамбульский Сарай.

Реформаторская деятельность новой Персии, Афганистана и других мусульманских стран находится под непосредственным влиянием кемалистской Турции. Недаром тегеранский двор об'явил месячный траур после кончины Ататюрка — морального вождя пробуждающегося Востока...

Это его чудо—саломоновское разрешение исторического спора о кресте и полумесяце над стамбульской Айя-Софией путем превращения ее в музей византийской древности, что не только способствовало примирению с побежденным его же оружием Грецией, ныне оплакивающей его наравне с союзным турецким народом, но служило также и поводом для цивилизованного мира восхищаться его универсализмом!....

Что будет с Турцией после Кемаля?

Чтобы ответить на этот вопрос, обычный в подобных случаях, нам следует вникнуться в то, что произошло с уходом его и какая была картина похорон? А вот какая:

Трогательное единение 17-миллионного народа. Небывалый экстаз турецкой молодежи, слово в слово повторяющей политическое завещание отходящего в вечность Президента, обещающей, что, не взирая ни на какие лишения и при всяких обстоятельствах, она, эта молодежь, обещает ему—великому вождю и отцу—защитить его наследие—Турецкую республику. Далее, без малейшей паники, приходит в движение конституционная машина, созданная Кемалем, и, как правильно действующие часы, без малейшего замедления, через 24 часа, собирается Великое Национальное Собрание и единогласно выбирает в президенты Исмета Иноню — второго, после Кемаля, в Республике человека. Заслуженного гене-

рала — героя битв под Иноню, за что Ататюрк и дал ему эту фамилию, когда прошел закон о фамилиях. Его же подпись стоит под Лозаннским договором. Его имя, как долголетнего премьер-министра новой Турции, связано со всеми реформами и преобразованиями Кемаля. Ему обязана Турция железнодорожной сетью и вообще экономическим устройством. Наконец, величественная картина плачущего народа, в неподдельных слезах, в религиозном экстазе расставшегося 21 ноября (день похорон) со своим вождем — утверждает уверенность в том, что величественному зданию Кемаля после него не грозит опасность, что созданные им новые учреждения укрепились в сознании масс и что, наконец, создан кадр новых людей, кои с успехом продолжат дело Мустафы Кемаля,который, говоря о себе, различал существование двух Мустафы Кемалей: одного, состоящего из кости и тела, как все другие — смертного Мустафы Кемаля, называемого в единственном числе, и другого морального, бессмертного Мустафы Кемаля — во множественном числе.

Первое впечатление, получаемое от картины кончины Ататюрка — это несомненное бессмертие „Кемаля во множественном числе" — Мустафы Кемали живут. Живет Турецкая Республика!....

В настоящий исторический момент, когда события с быстротой, присущей нашей эпохе, актуализируют разрешение всех больных вопросов международной жизни, существование сильной, здоровой и национальной Турции для нас имеет глубоко важное значение. Сильная Турция с ее стратегически важным положением, с ее политическими, экономическими и духовно-культурными возможностями, явится на Ближнем Востоке ценным фактором, от позиций которой в значительной степени зависит судьба интересующих нас проблем.

От души разделяя великое горе, постигшее братский народ, оплакивающий великую память своего незабвенного Вождя, гениального сына Востока и великого гражданина всего цивилизованного мира, пожелаем ему с успехом продолжать дело Кемаля Ататюрка...

27/XI—1938 г.
Варшава.

Темир Базырыкхо

УКРАИНСКАЯ ПРОБЛЕМА И МЫ

С переустройством Чехо-Словакии начинается новая страница истории послевоенной Европы. Версальския система политического и милитарного равновесия окончательно нарушена, открывая широкую дорогу новым почининаниям, чреватым в события еще большего значения и веса.

Трудно с точностью предугадать сейчас направление и размеры грядущих перемен. Но многие обстоятельства указывают, что решающие события произойдут, все же, на востоке Европы, где обширнейшие пространства и десятки миллионов людей отделены от остального мира китайской стеной чекистских ограничений. Возвращение этих пространств и миллионов нормальному ходу международной жизни является одним из основных условий успокоения Европы.

Моментом, определяющим направление событий, может служить симптоматическая актуализация украинской проблемы, вышедшей в последние месяцы на широкие просторы международной заинтересованности.

Украинская проблема концентрирует на себе сейчас внимание всего мира. Печать, дипломатические кабинеты и общественное мнение выделяют ее из среды иных проблем т. н. Востока Европы. Она служит источником многих политических сенсаций и стала уже во многих странах достоянием т. н. человека улицы.

И это вполне естественно. Естественно постольку, поскольку она репрезентирует наибольший удельный вес среди остальных проблем „Прометея".

Украинская проблема—это проблема ключевых позиций русского господства над побережьем Черного моря и прикаспийскими странами. А отсюда, проблема исходной базы для дальнейшей экспансии России на юг и юго-восток, в сторону особенно чувствительных, в течении последних столетий, центров мировой политики.

Разрешение украинской проблемы значительно облегчает разрешение проблем Кавказа и Туркестана не только в смысле стратегическом, но и морально-политическом. Россия, после отпадения Украины, лишается всяких основ для претензий в отношении этих стран, ничем, кроме насилия, с ней не связанных ни в прошлом, ни в настоящем. А, в свою очередь, отпадение Кавказа и Туркестана возвращает Москву к исходным позициям XVI—XVII в.в., когда даже торговля со странами мусульманского Востока велась ею при помощи чужеземных купцов.

Таким образом, в вопросе распада России украинская проблема занимает центральное положение; ее разрешение является непременным условием ликвидации империальных позиций Москвы.

И поэтому то, повторяем, интерес, проявленный к ней в такой плоскости, нам кажется естественным. Более того, он нам близок, ибо приближает час и нашего освобождения.

Однако, существует и иная плоскость, в которой проявляется интерес к украинской проблеме. В Европе ее наиболее рельефно выявляет т. н. антифашистская пресса, представляемая большинством печатных органов т. н. демократических стран.

Пожалуй, никто в последние месяцы не пишет так много об Украине, как, именно, печать этого сорта. Но все эти писания характеризуются одной особенностью, не заметить которую невозможно. Демократические жонглеры пера, посвящая свое внимание украинской проблеме, меньше всего думают

об ее благополучном разрешении. Для них важны не судьбы Украины. У них иная задача. Для них, сказали бы мы, важно извратить сущность украинской проблемы и этим затемнить, по обыкновению, смысл происходящих в Европе событий.

Одни это делают с подчеркиванием своих украинских симпатий, другие, наоборот, всячески выявляя свое отрицательное к украинцам отношение. Но, повторяем, у всех заметна одна и таже тенденция, все они бьют в одну и туже точку.

В их толковании украинская проблема это не только проблема распада СССР на составные части, но, прежде всего, проблема, глубоко нарушающая интересы Польши и еще более осложняющая положение ее союзницы Румынии. Все они усиленно стремятся переместить центр тяжести украинской проблемы с востока на запад. Никто так громко и многословно не кричит о прикарпатском „Пьемонте“, как именно они — недавние незадачливые проповедники идеи коллективных гарантий безопасности и „восточного пакта“.

И если разобраться в конечных целях всей этой шумихи, то мы увидим, что она скрывает прежние стремления об'единить в противоестественном содружестве взаимно исключающие себя силы востока Европы. И все это с прежней мыслью борьбы с победным духом нового времени, с сокрушающей волной новых идеологических веяний и с возрастающей мощью народов, несущих миру эти новые правды.

В руках т. н. антифашистской печати украинская проблема не цель, а средство. Средство, создающее фикцию общности интересов между Польшей и Россией и, таким образом, способствующее противоестественному сотрудничеству Варшавы и Москвы. Усилия в этом направление тем более настойчивы, что такое сотрудничество восстанавливает почти довоенную конфигурацию сил и рассматривается многими на Западе, как одно из основных условий регенерации нарушенного последними событиями мирового равновесия. Таким образом, извратители сущности украинской проблемы стараются превратить ее в средство, стабилизирующее сегоднешнее состояние вещей, или же, по меньшей мере, в средство, которое должно задержать стремительный ход событий, способствуя в конечном итоге победе врагов украинской идеи и идеи „Прометея“ вообще.

Украинский максимализм, созидающий Украину от Карпат и до Кавказа, подводящий границы Украины к Баку и Апшеронскому полуострову, работает в конце концов в пользу тех сил, которые распад России рассматривают, как собственное поражение. Поэтому то, именно, эти силы наиболее охотно печатают фантастические карты, издаваемые такими учреждениями, как Украинское Бюро в Лондоне (The Ukrainian Bureau in London), или досужие демографические исчисления „ученых“, вроде доцента Кубийёвича, которым мы уже в 1935 году посвятили специальную статью*) и которые только теперь обратили на себя внимание „дружественной“ Украине печати, вдохновляя „украинофильские“ выступления антифашистских газет.

Указывая на беспочвенность „пропаганды“ украинских максималистов, мы тогда писали:

„Бессмысленность и вредность подобной тактики — очевидна. Она не только может вызвать сомнения в сердцах народов, борющихся руку об руку с Украиной за свою независимость, но и способна стать причиной реакции тех „сильных мира“, кому отнюдь не улыбается создание в бассейне Черного моря и на путях к Ближнему Востоку „второй России“ в лице „Украины“ г. г. Кубийёвичей и «Ханук-беков»“.

Мы и сейчас разделяем эту точку зрения, высказанную более трех лет тому назад. Филоукраинский восторг т. н. антифашистской печати еще более утверждает нас в ней. Поощряя украинский максимализм, направленный в значительной степени и против народов, борющихся совместно с украинским народом за свое освобождение, в частности против Северного Кавказа, или же осуждая его — антифашистская печать стремиться в сущности к одному: к сохранению „единства“ России, к усилению позиций страны, которая считается в сегоднешней констеляции международных сил наиболее надежным бастионом антиревизионизма и стабилизации.

Единственным врагом народов „Прометея“ является Москва. Все, что противоречит этому основному положению, идет во вред идее распада России и освобождения угнетаемых ею народов. Создание каких бы то ни было иных „фронтов“ — для нас неприемлимо. Неприемлимо для нас и все то, что в той или иной форме угрожает нашим национальным позициям и противится восстановлению в отношении нас исторической справедливости.

*) „С. К“. № 16.

А. Шахид

Значение „армянского вопроса“ в наступательном движении России на Кавказ в XVIII столетии

Всякий империализм стремится оправдать свои эгоистические починания высокими моральными велениями, обычно находящимися в разительном противоречии с действительностью. Так было и на Кавказе, ставшим об'ектом хищных вожделений России. Официальная русская историография гласит, что Россия пришла на Кавказ для защиты своих христианских „собратьев“, которым, якобы, их мусульманские соседи грозили полным уничтожением. Однако, действительность говорит другое. В дей-

ствительности забота о судьбах кавказских христиан была лишь ширмой, прикрывающей стремление к „теплым морям" и к захвату новых рынков и торговых путей. Более того, мирное сожительство кавказских христиан с мусульманскими соседями было нарушено только тогда, когда обозначилось русское наступление на юг и когда с ним некоторые круги христианских народов Кавказа стали связывать свои политические надежды. С этого момента религиозный признак стал постепенно превалирующим началом при конструкции взаимоотношений между кавкаскими соседями, создавая гибельные противоречия ориентаций. Хотя, нужно добавить, история и в дальнейшем дает многие примеры исключений из этого положения, превратившегося на протяжении последних двух столетий, как бы, в правило.

Надежды, возлагаемые на Россию, имели не только значение раз'единительного фактора. Они отражались и на темпе русского продвижения, ускаривали его, ибо создавали в Москве иллюзию, что в своем походе на юг Россия встретит мощную поддержку кавкасских христиан.

Момент этот особенно ярко обозначился на пороге XVIII столетия в деятельности некоего Ури, армянского аристократа, известного в Европе под именем Исраэля Ория. Ури является фактически тем, кто ввел „армянский вопрос" в сферу сознательных починаний русской дипломатии в тот момент, когда Петр I определял главные направления русской экспансии. Возможно, что основатель современного русского империализма не заинтересовался бы столь сильно проблемой Каспия, если бы не работа Ури. С работой этой связан, несомненно, неудачный каспийский поход Петра I, а равно попытка захвата южных (персидских) берегов Каспийского моря перед и во время упомянутого похода.

Довольно обширные сведения о деятельности Ури можно найти в „Краткой истории армянского движения" (автор—армянский священник Т. Кигамянц. Тюркский перевод И. Ф. Эсмиханова—Баку, 1917); пишет о ней и Б. А. Борьян в своей „Армения, международная дипломатия и СССР", а также ряд других армянских и иностранных авторов.

Особенно ценны сведения Кигамянца потому, что он является автором, который не только использовал доступные ему армянские источники, но и чувствует себя армянским патриотом и последователем армянской национальной идеи. Следовательно, его нельзя заподозрить в умышленном искажении истины и враждебных армянской национальной идее целях. И вот, о первых шагах дипломатической деятельности Ури, приведшей его в конце концов в Москву Петра I, Кигамянц пишет:

„В 1678 году созвано было важное совещание из двенадцати человек под председательством Джульфинского (Исфаганская Джульфа) католикоса Акопа В результате этого совещания в Европу была отправлена делегация из семи человек под председательством того же католикоса. Заданием этой делегации было просить христианские государства, чтобы они избавили Армению от владычества иранского государства. В состав этой делегации входил и девятнадцатилетний сын армянского мелика Исраэля, по имени Ури. Делегаты выехали в Европу через Стамбул. Но ввиду смерти председателя делегации, католикоса, в Стамбуле, делегация не решилась ехать без главы в Европу и вернулась обратно. Один только Ури выехал в Венецию, присоединившись к армянским купцам. Там он поступил на военную службу, участвовал в войне, и пробыв двенадцать лет капитаном, выехал в Германию, где и провел четыре года на комиссарской службе. Войдя в близкое знакомство с Иоганном Вильгельмом (пфальцским курфюрстом – А. Ш.), он об'яснил ему приключение делегации и выразил пожелание, чтобы Вильгельм, освободив, в будущем, Армению, принял ее под свою власть."

Курфюрст отнесся одобрительно к предложению Ури, но так как этот последний, благодаря долголетнему отсутствию, уже не особенно ориентировался в положении Армении, то было решено, что Ури вернется к себе на родину, ознакомится здесь с мнением католикоса и влиятельных армян и только после этого можно будет принять то или иное решение. По дороге Ури должен был посетить австрийского императора, к которому он был снабжен специальным письмом. В Вене к плану Ури отнеслись довольно холодно, ответив, что он „противоречит новому договору, заключенному между мной (императором) и Турцией."

Однако, и в Армении план не возбудил особенного энтузиазма. Здесь сообщники были найдены после долгих усилий. Кигамянц пишет по этому поводу следующее:

„Опечаленный этим (отказом австр. императора - А. Ш.) Ури поехал дальше и 4-го апреля 1699 года, прибыв в Эривань, приступил здесь к выполнению своей миссии. Но Эчмиадзинский католикос не верил в свободу Армении, как равно не пожелал подпасть под влияние Папы. Ибо если бы, мол, свобода и была достижимой, то приходилось отдавать религию и церковь католикам,—религию, за которую было пролито столько крови. Обезнадеженный и здесь, Ури прибыл в Ганджинскую область, где при участии католикоса Агванского (напечатано „Агванс" — А. Ш.) и пяти епископов, собрал совещание, но так как и здесь не были согласны подпасть под влияние Папы, то он поехал в Зангезур к мелику Сефразу и ознакомил его с своим намерением. Сефраз созвал к себе окружавших его десять меликов для совещания. Участники совещания согласились с предложением Ури и, дав ему в спутники Тер Минаса вартапета, послали их через Стамбул в Европу с несколькими письмами."

Посольство побывало у Иоганна-Вильгельма, а затем в Вене, откуда Ури с подарками и письмом императора выехал в Россию. Кигамянц приводит седержание письма.

„Армяне—писал Петру I австрийский монарх—прислали ко мне одного вартапета и одного Меликзаде, из потомков Бероса, по имени Ури,—целью которых является освобождение Армении из под ига Ирана. Если вы из'явите свою императорскую на то волю и согласитесь с необходимостью спасения Армении, дав нам разрешение пройти с войском через территорию вашей империи, то мы примем просьбу армянских представителей."

Кроме того в письме была просьба принять и выслушать Ури.

30 июня 1701 года состоялась аудиенция у царя. Петр заинтересовался проектом и даже выслал в Армению с целью разведать положение специального представителя, одного из своих чиновников армян. Но пропустить австрийские войска он отказался, предложив взамен послать в Иран соединенное европейское посольство во главе с Ури. С этим предложением Ури опять выехал в Европу.

„Вернувшись в 1706 году в Россию, — продолжает Кигамянц — Ури стал во главе пятидесяти специалистов из разных государств и, взяв с собой двенадцать горных орудий и боевые припасы стоимостью в двадцать четыре тысячи рублей, направился в Иран. Намерение Ури было таково, чтобы при возвращении из Ирана собрать из армян десятитысячный отряд и, приведя его в Россию, сделать авангардом русской армии при наступлении на Иран."

Ясно, конечно, что намерение это было согласовано с волей Петра I. В дальнейшем оно реализировалось не только Ури, но и его преемниками. Армянское население северокавкасских городов является во многих случаях потомками тех армян, которые, во исполнении плана Ури, переселились на Северный Кавказ в течении XVIII столетия.

Стремясь вовлечь русского царя в свои планы, Ури исходил из реальных концепций антииранской акции. Он рисовал Петру I картину вполне возможных достижений. Этого нельзя сказать о поведении Ури в отношении союзников на Западе. Последние определенно вводились в заблуждение. Так например, пфальцский курфюрст был убежден, что „достигнув Астрахани, Ури должен был взять Баку и Шемаху, после чего, собрав из всех армян двухсоттысячную армию, атаковать с четырех сторон Иран и, заняв его целиком, создать здесь армянское государство под покровительством Вильгельма."

О дальнейшей деятельности Ури Кигамянц пишет:

„Ури прибыл в Шемаху (после встречи с Петром I и получив от него соответствующие инструкции — А. Ш.) и стал просить Шаха дать ему разрешение следовать в Исфаган. Шемахинский хан сообщил Шаху в Исфаган, что посольство возглавляется армянским мелик-заде, везущим письмо Шаху от Папы и Вильгельма, и так как, мол, посольство выглядит довольно торжественно (вернее, „воинственно" — А. Ш.), оно не похоже на обыкновенную посольскую миссию. В свою очередь и французский посол постарался обрисовать это посольство так, что Шах впал в смущение. Но один из его придворных, Мир-Вейс, ознакомил Шаха с тайнами, согласно которым мелики вошли в союз с грузинскими эмирами против Ирана.*) В силу этого решено было лишь вежливо принять посольство, почему шемахинскому хану был написан приказ разрешить посольской миссии приехать. Два года ожидая этого разрешения, посольство лишь в 1709 году достигло Исфагана. Шах принял миссию с почестями и написал ответ на письмо Петра В. следующего содержания: „Между моими христианскими подданными находятся лица, заслуживающие наказания, но я из уважения (к Петру — очевидно — А. Ш.) прощаю им их вину, однако с тем условием, чтобы они никогда больше не действовали изменнически." Ури возвратился в Россию с этим письмом. По пути, в России, он написал многим лицам, передавая им сведения об Иране, причем в письме к Петру В. он обещал рассказать ему подробности при встрече с ним. Но проболев немного, он в августе 1711 года скончался в Астрахани и, будучи похоронен в армянской церкви, унес с собою в могилу все свои надежды и дела по вопросу освобождения армян."

Так закончил свою жизнь человек, введший армянский вопрос в орбиту русской политики и стремящийся привлечь Россию на Кавказ. Дело его продолжал Минас, его ближайший помощник, продолжал с успехом, доведя в конце концов до русской интервенции в кавказские дела. Кигамянц подробно говорит о работе Минаса, приводя сведения, которые до сих пор еще известны лишь ограниченному кругу лиц, несмотря на все свое значение по уяснению действительных поводов долголетней кавказской войны. Исходя из этого, мы приводим ниже полностью все то, что об этом пишет Кигамянц, несмотря на обширность выдержки. Итак:

„В 1714 году Минас представил русскому двору проект из шести пунктов, в которых излагались намерения Ури (взять армян под русское покровительство, в крайнем же случае — поднять восстание).

Упоминая об этом, он заявил: „Я очень легко выполню эти намерения". Добавил он также и о том, что на Иранском побережьи Каспийского моря имеется порт Низовой, где живет много армян. Если, мол, русское правительство построит там, при содействии Папы и европейских государств, католический монастырь (дабы иранское правительство не могло заподозрить Россию), то монастырь этот в будущем сыграет роль укрепления для русского войска. Так как в Иране разрешено католикам построить много подобных святынь, то по всей вероятности Иранское Правительство не откажется дать разрешение и на это. Такая святыня окажет услугу в привлечении на сторону России ее посетителей. Таким образом, уговорив всех иранских армян, русское правительство сможет, под предлогом покровительства армянам, высадить войско в этом порту...

Хотя вартапет Минас и брал на себя добиться согласия католикоса и меликов, но Петр В. по многим соображениям не согласился с его планом, послав его, как и Ури, в Иран, под предлогом получения своего имущества, снабдив и соответствующими документами, написав в то же время русскому послу в Иране: „По мере нужды помогай вартапету, но так, чтобы иранское правительство этого не заподозрило". Явившись в Карабах, Минас взял от католикоса и меликов присягу в верноподданничестве Петру В., затем прибыл в Иран. Но кредиторы Урия, потребовав от него уплаты его долгов, посадили его в тюрьму... Пробыв в тюрьме два месяца, вартапет вышел оттуда и поехал обратно в Москву, где представил Петру В. карту Ирана, а также дан-

*) Это тот план, согласно которого Ури должен был организовать 200 тыс. армию армян. Видимо, при этом входили в рассчет и „грузинские эмиры." — А. Ш.

ные о старых крепостях и укреплениях, о количестве армянских сел и их жителей, переходе многих из них в мусульманство, добавив к ним и документы о согласии католикоса и меликов.

В одном из этих документов католикос агванский писал следующее: „Несколько лет тому назад, мы в спутничестве двух епископов вместе с Ури ехали с намерением поклониться Вашему величию, но, к несчастью, смерть Ури принудила нас к возврату домой, из Астрахани. На этот же раз, наш брат и соотечественник вартапет Минас приехал и об'явил нам предложение и волю Счастливейшего (Петра). С величайшею радостью мы услышали об этом и всею душою и мыслями готовы скрыться под сенью вашей руки и, отказавшись, вместе с меликами и главными лицами нашей страны, от всего своего имущества, готовы на всякие жертвы".

Эчмиадзинский же католикос пишет: „Я не являюсь препятствием к принятию покровительства России, что даже излишне писать здесь, но если русская армия придет в Иран, мы не откажемся от всемерной ей помощи".

В это время в Иране возникли внутренние беспорядки: афганцы, восстав на северо-востоке страны, захватили столицу, Исфаган, и двинулись на запад, победоносно заканчивая свое движение.

Шах Хусейн был низвергнут с престола и на его место сел Тахмасп (Тахмаспу не удалось сделать этого — А. Ш.). В этих беспорядках вартапет Минас сыграл большую роль, т. е. причиною их в известной степени был он. Под его возбуждающим влиянием начали восставать в пользу афганцев и другие иранские подданные – курды, арабы, татары, лезги. Армяне же в соответствии с создавшимся положением конечно не могли сидеть спокойно, вследствие этого впервые армянский купец Петрос Гиляни сорганизовал, в Реште, на собственный счет эскадрон из восьмидесяти человек и начал нападать, с другой же стороны агванский католикос, Исай, написал в Москву, находившемуся там вартапету Минасу, подробно о происшествиях в Иране. Тот, в свою очередь, доложил об этом Петру Великому, а одновременно и астраханский губернатор письмом же сообщил Петру, что настало время двигаться в Иран, ибо представляется возможность сослаться на то, что, мол, Россия не посягает на Иран, а лишь хочет укротить дагестанцев.

После этих именно новостей, Петр В. написал астраханскому губернатору следующее: „Открывай и просматривай все письма, отправляемые из Астрахани в Иран. Не пускай также и людей в Иран, без различия национальности их и если будет нужно, сажай их под арест, не об'ясняя им причины. Армянам же и грузинам напиши, чтобы к весне уже были готовы и ждали нашего приказа". Сам же Петр, приготовившись, прибыл в Астрахань и оттуда уже написал грузинскому эмиру Вахтангу и католикосу Исаю, чтобы они выступили в поход против лезгов. Эти (т. е. Вахтанг и Исай), получив поручение Петра, с тридцатитысячным войском атаковали лезгов и, рассеяв их, начали грабить всех на своем пути. Не обращая внимания на приказ „грабьте только мусульман", они ограбили даже армян и грузин до чиста, вплоть до церковной утвари. Вот вам и грузинская верность.

19-го июля (1722 г.) русская флотилия по Каспийскому морю, пехота же и кавалерия по суше, начали свое движение. 23 августа Петр В. в сопровождении вартапета Минаса занял Дербент и прилегающий район. Но суда с провиантом потонули вследствие бури, а в Дербенте не нашлось сена и провианта, что вынудило Петра отказаться от мысли соединения, под Ганджей, с войсками Вахтанга и католикоса и вернуться в Астрахань. От этого возвращения Петра В. христиане пришли в ужас: армяне бежали и запрятались на скалах Карабаха, грузины же скрылись в Тифлисе.

Фарсы же, лезги и шедшая на помощь Ирану Османская армия и вообще все мусульмане, желая отомстить грузинам и армянам, обложили их со всех сторон. Грузинский эмир Вахтанг, вместе с сыном и братом своим, спасся бегством в Россию. Что же касается армян, то полагаясь на обещанную Петром помощь, долго сопротивлялись, но разочаровавшись в этом, лишившись к тому же боевых припасов, подверглись разгрому... С того же характера просьбами (просьбами о возвращении на Кавказ и оказанию помощи — А. Ш.) неоднократно обращались (к Петру I) как вартапет Минас, так и Гандзинский католикос, но просьбы не дали никакого результата. Просьбы эти повлияли на российский Двор не больше, чем на волосок.

В ответ на все это Петр послал лишь письмо с армянским чиновником, по имени Карапет, выражая свое сочувствие армянам, советуя им вернуться на свои места и ждать с надеждою его (Петра) возвращения.

Карапет, прибыв в Армению с рекомендациями Петра и об'езжая армянские деревни, ободрял жителей, а с другой стороны говорил им, что „если Петр, мол, запоздает с прибытием, то придется приносить все новые и новые жертвы, а если это вас не удовлетворяет, то можете переселиться в занятые русскими новые местности".

Католикосы и мелики не поверили переселенческому проекту Карапета и поэтому написали Петру В. следующее: „Высокий Двор неоднократно обещал прислать нам помощь, но эти обещания не соблюдены. Если еще пройдет некоторое время, то армяне будут уничтожены и пути в Иран будут закрыты для русской армии". Для того же, чтобы увериться в подлинном происхождении от Петра проекта переселения армян, была избрана делегация, посланная в Петербург с вышеизложенным письмом,

Прибыв в Астрахань, делегация эта была задержана губернатором, сообщившим Петру о ее сущности. Пробыв несколько месяцев под властью губернатора, делегация получила из Петербурга разрешение на приезд и, прибыв, представилась 5 ноября 1724 г. Петру В. Между тем, уже год тому назад, в 1723 году, 12-го сентября, между Ираном и Россией был заключен договор, согласно которого Россия, обязавшись обеспечить Иран от нападений грузин и армян, получила во владение Астрабад, Баку, Гилян и Мазандаран. Следовательно, вместо того, чтобы, послав помощь (армянам), избавить (их) от уничтожения и дать возможность жить сво-

бодно под ее покровительством, — Россия сама обязалась, принуждением и политикой, потушить армянское восстание!

Напрасно еще простодушная армянская делегация, не зная о разыгранной над нею комедии, стучала в двери русского правительства. Для всего стало уже поздно. Желая обеспечить новые места заполнением их армянским семенем, выселив оттуда мусульман и переселив туда армян, Петр В. написал католикосу и меликам: „Если армяне послушаются своих делегатов и переселятся во вновь занятые (нами) места, они смогут, под защитой империи, забыть свою старую родину и зажить еще более красивою жизнью, чем прежде. Им может быть оказана и помощь при переселении".

Армянская делегация выступила в путь с письмом. Петр же написал в Стамбул своему послу: „Армяне прислали к нам делегацию с просьбою освободить их от иранского подданства, а если это будет невозможно, то просили переселить их во вновь занятые нами места. В ответ на это мы заявили, что в силу договора нашего с Высокою Портою, мы не можем им покровительствовать, но если они переселятся на побережье Каспийского моря, то мы не будем препятствовать им в этом. Туркам то скажите, что мы не подговариваем армян к переселению, но что они сами хотят переселиться по причине единоверия с нами. Мы не можем отказать им в этом, также как и турки не могут отказывать в покровительстве тем мусульманам, которые прибегают к нему, а кроме того проект этого переселения на руку самим туркам, ибо они смогут завладеть землями переселенцев. И если турецкое правительство захочет переселить к себе мусульман с занятых нами территорий, — мы не препятствуем этому".

Правителю же Каспийского побережья Петр В. написал: „Негласно высели мусульман Гиляна и Мазандарана, земли коих сохрани для армянских переселенцев". В письме к находившемуся тогда в Иране, Карапету: „Серьезно старайся переселить армян". Но после этих писем Петр В. скончался в 1725 году и армянская проблема осталась отложенной до царствования Екатерины Великой".

Итак, интервенция, к которой стремился Ури, была осуществлена. Россия приступила к разрешению „восточного вопроса", выступив в роли защитницы „единоверных христиан". За туманными контурами вопроса освобождения армян Петр I ясно видел чудесные богатства Индии и лазурные теплые берега Средиземного моря.

Но путь в Иран, в Турцию и вообще на Восток преграждают Кавказские горы с их воинственным и свободолюбивым населением. И в этих то горах не только рассеялись завоевательные мечты основателя российского империализма, но выдохся и сам империализм почти в полутаростолетней борьбе, за время коей радикально изменилось соотношение мировых политических сил, воздвигнув перед русским натиском новые преграды. Героическая борьба многих северокавказских поколений спасла Восток от хищных, смертельных об'ятий русского медведя.

Момент для похода в Иран выбран был Петром удачно. Иран тех дней переживал кризис, угрожавший его государственному существованию. Могущественная империя эпохи Шах-Аббаса пришла в упадок. Тогдашний правитель Шах-Хусейн, „воспитанник гарема", был слишком мягкотелым, слабым, чтобы проявить ту силу и волю, без которых невозможно играть роль хранителя государства. И когда Мир-Махмуд афганский, сын Мир-Вейса, всего лишь с пятнадцатитысячным (по данным Оливье—25 тысяч. См. Вестник Европы 1807 № 17), но отборным войском начал поочередно покорять одну провинцию Ирана за другою, Шах-Хусейн не смог устоять и Мир-Махмуд, взяв столицу, Исфаган, сел на престол. Сын Шах-Хусейна, Тахмасп, еще при осаде афганцами Исфагана удалился на северо-запад Ирана, пытаясь сорганизовать помощь отцу и даже войдя с этой целью в сношение с Петром. Петр потребовал за еще неоказанную помощь уступки России всех прикаспийских провинций Ирана, вплоть до Гиляна и Мазандарана, что он фактически и получил, силою вводя часть своих войск в Гилян и Мазандаран. Всего хватило от двух, вначале, а потом до шести тысяч русских войск для захвата этих богатейших провинций Ирана. Словом, если к такому внутреннему состоянию Ирана добавить еще и революционную деятельность армян, то можно себе представить, — насколько свободным представлялся путь для вторжения русской армии в Иран. Помимо армянских сведений, полученных Петром, он принял и иные разведывательные меры, послав в Иран, 14 сентября 1720 года, С. Аврамова в качестве консула, в действительности же с целью выведать о внутреннем состоянии государства. Одновременно же был послан и гвардии капитан А. Баскаков, с поручением рассмотреть путь „От Терки сухим путем до Шемахи, Апшерона и Гиляни, осмотреть путь, удобен-ли для проезда войск водами, кормами конскими и прочими; наведаться о состоянии тамошнем и прочих обстоятельствах; и все сие чинить в высшем секрете". (Академик П. Бутков „Материалы для новой истории Кавказа 1722 г. до 1803 г.).

Получив достаточные сведения о внутреннем положении Ирана, Петр решил, что настал удобный момент для осуществления его заветной мечты: овладения путями в Индию. Не высказывая этого открыто, он прикрывал действительную цель своего похода желанием, якобы, утвердить на иранском престоле законного шаха, Тахмаспа, или же „укротить дагестанцев", уже тогда препятствовавших распространению русской политики и торговли на Востоке. Пока что не высказывал он открыто и желания освободить армян от иранского владычества, хотя армянские деятели и надеялись, что руками Петра им удастся восстановить свою независимость. Расчет Петра на открытый армянами путь в Иран для русских войск, сталкивался с неменее хитроумным расчетом армян на помощь Петра. Но в сущности вопроса, каждая из сторон думала лишь о своих эгоистических выгодах. Что в действительности Петра прельшал лишь „иранский этап Индийского пути", об этом свидетельствуют и русские исторические документы: „Петр хотел завладеть торговым путем в Индию по побережьям

Каспийского моря" (см. „Договоры России с Востоком". Юзефович. 1869 г.).

Для подготовки похода в Иран „в Астрахани учрежден был большой провиантский магазин для персидского войска" (Бутков—„Материалы"... „Персидское войско" — это армия Петра I, назначенная к походу в Иран). Для перевозки этой армии (большая часть ее шла сушею) было мобилизовано свыше четырехсот судов разного типа. Тот же автор говорит:

Итак из сего видно, что к действиям в Персии определено было:

пехоты	22 тысячи,
регулярной конницы . .	9 тысяч,
казаков	20 тысяч,
калмыков	5 тысяч,
матросов	5 тысяч.

Итого в „персидской армии" Петра I Бутков насчитывает шестьдесят одну тысячу отборного войска, к чему нужно добавить соединенные войска грузинского царя Вахтанга и армян. По данным Буткова, армяне под предводительством Давид-Бека собрали 60 тысяч войска. „Одних Шемахийских армян присоединилось к сему войску 12 тысяч. С прибытием же Петра I к Дербенту, армяне усилия свои вящше усугубили. Они присоединились к грузинским силам, состоявшим из 40 тысяч человек, предводимых царем Вахтангом, и ласкались надеждою встретить государя на берегах Куры; но все сие со стороны Грузии и Армении приготовление уничтожилось возвращением Петра в Россию из Дербента"...

Словом, если бы состоялось соединение армяно-грузинских сил с войсками Петра, то под верховным его командованием собралась бы армия от 160 до 200 тысяч человек. Сил этих было более чем достаточно для занятия Ирана при его внутреннем состоянии в те дни. Но высадившись в Дербенте, Петр застрял на дагестанском побережьи Каспийского моря, не решаясь двигаться дальше на юг, ибо не мог оставить у себя в тылу храбрые горские племена, не признавшие русского господства и открывшие военные действие против главных сил его „персидской армии". Первые же столкновения с дагестанцами показали Петру, что в Северном Кавказе кроется безграничная способность к борьбе и что нельзя так безнаказанно внедряться в его пределы. Петр так был озадачен отпором, что не решился даже сделать попытку „наказать и усмирить непокорных".

Официальной причиной неудавшегося похода Петра I, русские историки называют угрозу голода: мол, утонуло несколько десятков судов с мукой для русской армии. Но ведь впереди эту армию ждали благожелательные Грузия и Армения, а кроме того, на пути были самые плодородные и богатые провинции Ирана. Следовательно, армия, шедшая с завоевательными целями, не должна была озираться на суда с мукою, а достать себе все силою оружия. И это тем более, что Иран не в состоянии был оказать сопротивление.

Но в душу Петра запал вполне понятный страх перед Дагестаном. Как воин, он хорошо оценил доблестную отвагу его сынов, несмотря на кажущуюся „победу" его войск над отдельными небольшими группами горских партизан в схватках на берегу моря.

Завладеть Южным Кавказом, Азербайджаном и Грузией, Петру, по условиям тех дней, не стоило бы труда. Но в тылу петровской армии оставался весь Северный Кавказ с его воинственным, свободолюбивым населением. Элементарная стратегическая смекалка подсказывала Петру, что он не имеет права двигаться вперед, оставив за собою непокоренными эти, тянущиеся на целых тысячу четыреста километров, горные выси. И он уступил здравому рассудку, поняв, что России еще рано не только в Индию, но и на Кавказ. Но он же и доказал, что качествами полководца-завоевателя он также не обладал...

Впрочем, был еще один факт, заставивший Петра позорно ретироваться: пока он раздумывал над тем, что ему делать с грозным Дагестаном, время позволило и турецкой армии выйти на правый фланг его войск Турция не желала пропустить его в Иран, на стратегические тылы самой Турции. Петр вспомнил печальный опыт Прута и решил его не повторять.

Отступление Петра I расстроило все надежды, связываемые с его походом кавкасскими христианами. Это было первым серьезным разочарованием из цепи многих последующих разочарований, которые постигли тех армян и грузин, кои верили в силу и мощь, а прежде всего в добрую волю России. Вместе с этим и русская политика убедилась, что движение на юг невозможно, пока не сломлено сопротивление Северного Кавказа. И это убеждение стало причиной почти двухсотлетней беспрерывной борьбы с Северным Кавказом, завершенной 78 летней (1786 — 1864) „Кавказской войной", в которой Северный Кавказ защищал не только себя и не только весь Кавказ, но и Иран и Турцию. Словом, Северный Кавказ сыграл тогда, как играет и до сих пор, роль передовой крепости, охраняющей с севера подступы ко всему Ближнему Востоку. Это отлично уяснила себе Россия и потому именно, вот уже двести лет, главные усилия ее на Кавказе направлены, главным образом, к обессилению Северного Кавказа.

Со дня смерти Петра I и до вступления на престол Екатерины II-ой, в иранской политике России наступило некоторое затишье. Но взойдя на престол, Екатерина II решилась продолжать восточную политику Петра I. Вспоминает об этом и армянский историк Кигамянц:

„Желая использовать обстановку русско-турецкой войны 1768 года, Екатерина II старалась поднять христиан Востока против Турции, якобы для достижения их независимости. Хотя грузины вначале и дали слово, но потом не только не соблюдали его, но и вошли в тайное сношение с турецким пашей против России.

...Тем временем она (Екат. II) решила осуществить знаменитый „Византийский проект", заключавшийся в том, чтобы вместе с Австриею ликвидировать Турцию и посадить в Стамбуле православного императора, разделив остальные вилайеты Турции между

европейскими государствами, на Кавказе же создать, под покровительством России, армянское и грузинское царства. Для осуществления этого предприятия, возникшего в голове Екатерины, наиболее приближенный к ней Григорий Потемкин командировал своего родственника, генерала Павла Потемкина, на моздокскую линию (на Северном Кавказе— А. Ш.), для переговоров с грузинами и армянами относительно сорганизования в будущем армяно-грузинского государства. Суворов же был послан в Астрахань для сбора точных сведений об Иране, Армении, Ширване и Гиляне.

Раздачею многих подарков, чинов и привиллегий Павлу Потемкину удалось, в конце концов, склонить грузин войти под официальное покровительство России, для чего 3 ноября 1783 года в Грузию было введено два батальона русских войск.

После вхождения Грузии под русское покровительство, для Григория Потемкина не представляло уже затруднений поймать в свои сети армян, под видом уделения им эмирства. Ибо, с одной стороны, грузинский эмир, а также генерал Потемкин и Суворов, с другой же, проживавший в Петербурге Оганес Лазарян путем агитации стали тянуть армян к России.

...Павел Потемкин письменно сообщал армянским католикосам и меликам, что в 1789 году обязательно начнется русско-иранская война, почему и, „будучи готовы, ждите моего приезда и освобождения вашего от плена мусульман." Католикос агванский, получив эту весть, вместе с карабахскими меликами собрались в главную ганджинскую святыню и поклялись на кресте и Евангелии помочь Потемкину душою и головою, причем акт присяги был послан Павлу. Индустанские же армяне издали книгу относительно внутреннего устройства общей армяно-грузинской независимости, признавая достойным возглавления этого государства грузинского эмира Ираклия. Но Екатерина, не согласившись на то, хотела возглавить это государство Потемкиным, ибо это он, мол, был инициатором выдвижения на сцену армянского вопроса. Так или иначе, но пока они переговаривались по сему поводу, а армянский католикос и мелики, полагая, что все уже готово, ждали появления русских войск для избавления от иранского ига, прослышавший обо всем этом Ибрагим-Хан внезапно двинул войско на армян и, схватив агванского католикоса, задушил его Мелики же были закованы в цепи и заключены... Остававшийся на свободе епископ Иосиф и мелики из заключения тщетно писали, многократно, Екатерине, но все было напрасно."

На этот раз уже не Петр I, а Екатерина жестоко обманула армян. Но расплачиваться пришлось, как и тогда, армянам. Россия же ушла со сцены, по обыкновению, „умыв руки."

Но дело и не в этом. Дело в действительных намерениях России. Сажая на проблематический соединенный армяно-грузинский престол не Ираклия, а Потемкина, Екатерина доказала, что действительным замыслом России является не сентиментальная склонность к армяно-грузинской независимости, а простое, грубое желание расширить территорию своего государства. Правда, вначале обещается и даже, быть может, об'является „царство", но так как двух царств в одном российском государстве не может быть, то весьма скоро „царь" Потемким переименовывается в обыкновенного губернатора, что на деле продемонстрировал император Павел по отношению к Грузии: „В 1783 году Екатерина Великая официально приняла Грузию под свое покровительство, а в 1801 году император Павел также официально присоединил ее к владениям России, что заставило его заняться политикой дальнейшего расширения закавкасской границы. Для этого опять нужно было содействие армян"—иронически замечает Кигамянц. Добавим к сему, что и Петр в свое время не особенно льнул к грузинскому и армянскому царствам, упорно называя грузинского Вахтанга не царем, а всего лишь „принцем" (Бутков—„Материалы"..., стр. 31). Оно и понятно, ибо „единое, неделимое" великодержавие России вовсе не собиралось создавать отдельные царство в своих владениях. Этому могли верить лишь простодушные представители руссофильских тенденций среди армян и грузин, репрезентируемые в значительнейшей части духовенством. Но сознательная политика могла бы предупредить многие бедствия.

* * *

Бедствия, постигшие армянский народ, безусловно велики и народные массы заслуживают самого глубокого соболезнования, ибо менее всего виноваты были народные массы. Но зато во многом можно обвинить руководящие круги армянской политики и духовенство, игравшие в последние 150 лет решающую роль в судьбах своего народа. Сошлемся и в этом случае на книгу Кигамянца, которая ясно доказывает, сколь ошибочна была тактика расчетов на эгоистическую интервенцию России, не приносящую армянам никаких реальных достижений, а лишь усиливающую позиции русского империализма. Итак, Кигамянц пишет:

„Под сенью Османского правительства турецкие армяне раньше жили очень спокойно и в довольствии, будучи совершенно свободными в отношении религии, благосостоятельны экономически, находясь, в сравнении с другими, на передовом месте в торговле и промышленности, в делах же правительственных и народных перед ними всегда было открыто поле для деятельности; детей своих они свободно могли посылать в европейские университеты, как равно могли пользоваться и иными подобными возможностями. Что же касается сельчан, то обладая большими количествами скота, овец и полезными для жизни предметами всякого рода, они жили так, как угодно было их душе.

Они не знали ни погромов, ни массовых убийств, ни разрушений городов, ни увода и насилий над их женщинами, ни вынужденных эмиграций, как равно не знали и иных подобных несчастий.

Но с того дня, как одно заграничное государство (т. е. Россия.—А. Ш.) обратило свои взоры на Восток и постепенно стало продвигаться здесь, оказывая им помощь для их же, якобы, пользы, во имя единоверия с ними,—на них посыпались всякого рода бедствия и несчастия: увидев, что пребывавшие до того в верности его подданные стали склоняться на

сторону чужеземцев, встречая их с крестом и благодарственными молитвами, указывая им дорогу, жертвуя им свою душу и имущество и даже присоединяясь к русскому войску и обращая свое оружие против нее же (т. е. против Турции),— турецкое правительство конечно не могло остаться равнодушным и вынуждено было прибегнуть к наказаниям и как в начале, так и в конце каждой русско-турецкой войны старалось запугать их (армян) частичными и общими погромами, но видя их безрезультатность, в конце концов вынуждено было принять меры очищения от армян прилегающей к Кавказской границе Армении"...

Можно-ли ожидать более об'ективного отношения к армянской политике, так легко поддававшейся на удочку России? И можно ли определить с большею ясностью значение и роль русской „помощи" армянам?!

Далее у того же автора читаем:

„Как только была об'явлена война (1877 г.), духовенство христианских народов Турции, явившись в английское посольство (в Стамбуле), заявило, что они отвергают покровительство России и желают остаться под покровительством Турции, т. к., мол, Россия, начиная эту войну, действительным намерением своим имеет не защиту христиан, а совсем иное".

Очевидно, представители христианских народов имели достаточно веские данные для такого заявления.

Но когда доходило до заступничества Англии, то русская дипломатия „старалась все время портить армянский вопрос и препятствовать созданию полутора миллионной независимой Армении, ибо, мол, она потянет к себе и кавказских, т. е. пограничных армян. Для России пусть погибнут все армяне, лишь бы Армения ей принадлежала, как, собственно, и выразился русский министр иностранных дел, у которого среди целого общества вырвалось из уст: „Армения нужна России без армян"...

Затем Кигамянц говорит и о том, что когда европейские государства вмешались по поводу сасунского избиения армян (1894 г.), то русский министр иностранных дел граф Лобанов-Ростовский, автор вышеприводимой „знаменитой" фразы об „Армении без армян", заявил английскому послу в Петербурге: „Послы не должны принуждать Турцию". Он же по поводу стамбульского избиения сказал: „Да кто же говорил негодяям туркам, чтобы они избивали армян в Константинополе?!" Т. е., мол, мы советовали избивать армян в провинциях, а не в самой столице, где это влечет вмешательство Европы, главным образом, Англии, столь нежелательное России.

Но бывали случаи, когда русская дипломатия способствовала устройству погрома и в Стамбуле. Пример: когда султан заявил бывшему у него на аудиенции Максимовичу (русскому послу), что из многих домов армянских, в том числе и из армянской девичьей школы, извлечено большое количество бомб и динамита, Максимович заявил султану: „В таком случае вы вправе громить". На следующее утро (27—28 августа 1896 г.) в Кады-Киое (Стамбул) был устроен армянский погром, — вспоминает Кигамянц.

Был, однако, и случай, когда русский министр, Сазонов, подал „совет благоразумия" доктору Завриеву, армянскому деятелю, заключавшийся в том, что, мол, ввиду неблагоприятной обстановки настоящего времени, армяне не должны портить свои дела „неосторожным своим поведением" в Турции. Т. е. не должны показывать себя угнетенными перед всей Европой. Политические революционеры не должны устраивать восстаний, как равно не должны ввергать турок в ожесточение, пред'являя к Европе политические требования. Свои бедствия они могут доводить до сведения Европы путем печати. (Кигамянц же).

Из этого легко вывести заключение, что русская дипломатия управляла армянской политикой как хотела: выгодно России — вызывается умышленно погром. За ним следует очередной вопль о помощи. Не выгодно России — дается „совет благоразумия".. Но в конечном итоге „Армения нужна России без армян" и поэтому Россия не стеснялась толкать армянский народ к гибели.

И сейчас мираж русской помощи соблазняет еще многих общественных и политических руководителей армянского народа. Однако, реальная действительность должна будет в конце концов рассеять остатки прежних иллюзий. России нужна „Армения без армян". И это можно сказать не только относительно России Лобанова-Ростовского и Милюкова, но и относительно России Ленина и Сталина. Недавний разгром коммунистической партии Армении является наглядным тому доказательством.

Своевременно умерший и впавший в опалу уже после своей смерти большевистский историк Покровский считает, что „кавкаский вопрос стал на очередь дня лишь с той минуты, когда грузинский царь, фактический вассал персидского шаха, нашел себе нового сюзерена в лице русского императора". („Дипломатия и войны России в XIX столетии", Москва, 1923).

Однако, как мы убедились, кавкасский вопрос возник на 100 лет раньше и обязан своим возникнсвением не грузинскому царю, а армянскому мелику Ури, гораздо раньше исходившему в своей работе из расчета на помощь России. По этому же пути продолжали итти и преемники Ури, став причиной тяжких разочарований армянского народа и навлекая на весь Кавказ ряд бедствий, которых, возможно, в иных условиях можно было бы избегнуть.

Тот же Покровский пишет:

„Первыми представителями русской государственности, каких увидели кавкасские горы, были войска Петра Великого, шедшие драться с персами. В Дагестане еще в 60-тых годах XIX столетия показывали кручи, с которых были сброшены драгуны Петра горцами, также отчаянно отстаивавшими свою свободу, как и сто лет спустя, в дни Шамиля".

Эти „представители русской государственности" пришли на Кавказ, влекомые теми заманчивыми планами, которые Ури рисовал Петру I. Несчастия Кавказа начались с их приходом. Ошибочные

расчеты Ури легли тяжким бременем на последующие поколения кавказских народов. Но учитывая безграничную тяжесть бедствий последних двух столетий, кавказские народы, в том числе и армяне, не позволят, мы верим в это твердо, повторить опыт прошлых лет и связать свое освобождение или же культурное преуспеяние с помощью России, представляющую собой наиболее жестокую и лукавую разновидность ненасытного империализма.

Догуж

Большевики осуществляют программу графа Зубова

Платон Зубов, брат известного фаворита Екатерины II, написал ряд книг о Кавказе. В одной из этих книг*), исходя из того, что главным препятствием к „умиротворению" этой страны являются жители ее северной части—горцы, он предлагал своему правительству целую систему мероприятий, которые должны были, по его мнению, заставить Северный Кавказ сложить оружие и подчиниться русскому господству. Вооруженное воздействие в этой системе не бралось в расчет. Более того, Зубов считал, что силой оружия Северный Кавказ нельзя покорить. С войной на Кавказе Зубов предлагал покончить при помощи пропаганды, которая должна была разложит Северный Кавказ изнутри. Методы пропаганды не отличались оригинальностью. Зубов советовал подкупать влиятельных лиц, натравливать одни слои населения на другие, раздувать межплеменную вражду и разногласия. Особенные надежды возлагал он на православных миссионеров, причем считал, что деятельность этих последних должна быть направлена преимущественно туда, где мусульманство не успело еще пустить достаточно глубоких корней.

Однако, зубовские миссионеры были своеобразными миссионерами. Они должны были выступать под личинкой „мирных купцов", которые, как утверждал Зубов, пользовались в горах большим почетом и доверием. Им предстояло приучить „диких сынов гор" к роскоши путем продажи им дорогих материй и всяких безделушек по баснословно дешевой цене, а затем, когда в горах вместо отважных воинов появились бы изнеженные сибариты, внедрять среди последних „начала христианской кротости и добродетели", восхваляя одновременно „белого царя" и благодеяния, от него исходящие. Следующим этапом должна была быть постройка роскошных церквей в аулах, великолепие коих должно было привлекать простые сердца неофитов. Затем—следовало просвещение „дикарей". И вот здесь-то мы подходим к тому, что нас, собственно, заинтересовало во всей описываемой истории. Дело в следующих словах Зубова, развивающего свой план: „При церквах устроить училища для обучения русскому языку, и хотя сначала отправление божественной службы производить на языке горцев, но постепенно доводить до того, чтоб они оставили свои наречия и знакомились с языком русским, который в их потомстве будет уже языком господствующим". („Карт. Кавк. края"—стр. 91).

*) „Картины Кавказского края" – С.-Петербург 1834 г.

Таким образом, весь „просветительный" план Зубова свелся к самому обыкновенному обрусению. И нужно признать, план имел успех, так как вся „миссионерская" деятельность агентов царского православия на всем пространстве б. империи проводилась затем по этому шаблону. Так было и на Кавказе, главным образом, среди осетин и абхазцев. Но наиболее знаменательно то, что рецепт этот воспринят полностью и большевиками, с некоторыми лишь изменениями, вытекающими из безбожнического характера советской власти. На нем построена вся руссификаторская политика большевиков, проводимая с редкой последовательностью и настойчиво.

Правда, большевики не строили церквей и при церквах школ. Но зато принципы, проповедуемые Зубовым, легли в основу всей т. н. ленинско-сталинской национальной политики. Особенно это заметно в школьной политике. Здесь тактика, рекомендуемая Зубовым, проводилась с наибольшей последовательностью. В школах нерусских районов наиболее рельефно выявились основы пресловутой советской „нацполитики", которую можно определить лозунгом: *через псевдонационализацию к руссификации.*

Обрусительные мероприятия большевиков многократно освещались на страницах нашего журнала. Поэтому в настоящей статье мы коснемся, главным образом, тех моментов, которые у нас или вообще не рассматривались или затронуты были лишь поверхностно.

Зубов в своем плане рекомендовал сначала „*отправление божественной службы производить на языке горцев*", а затем „*постепенно доводить до того, чтоб они оставили свои наречия и знакомились с языком русским*", и все это делать с конечной целью достижения того, чтобы в последующих поколениях русский язык был „*уже языком господствующим.*" Иными словами, псевдонационализация навязываемой лукаво религии должна была подготовить почву для утверждения позиций русского языка и, в конечном итоге, полной руссификации Северного Кавказа.

Этот метод был применен большевиками в т. н. национальных школах, и сейчас мы являемся свидетелями одного из его этапов.

Как известно, по-началу большевики всячески поощряли полную национализацию школ в нерусских районах, т. е. реализировали первое положение „просветительной программы" Зубова. Роль „божественной службы" выполняла имперско-централистическая и национально-нивелирующая коммунистическая идеология, преподносимая учащимся (и вообще гражданам) на родных языках. Видимо, этап этот советское руководство считает пройденным, и сейчас оно приступило к реализации второго: постепенной подготовки того, чтобы нерусские народы „*оставили*

свои наречия и знакомились с русским языком". Третий и последний этап заключается в достижении положения, при котором русский язык „будет уже языком господствующим."

К реализации второго этапа приступлено было „юридически" в начале текущего года, хотя фактически утверждение русского языка в „национальных" школах проводилось и раньше. В начале т. года позиции русского языка в нерусских школах были усилены в порядке законодательном, причем—просим обратить внимание на характерное явление—в этом случае Москва всюду передала инициативу в руки локальных органов: „правительств" и исполкомов союзных и автономных республик и областей. Таким образом, издавая соответствующие декреты, упомянутые органы, как бы, сами добровольно санкционировали обрусительные мероприятия Москвы, признавая этим их целесообразность и пользу. Конечно, факт этот имеет значение только для нетребовательных формалистов, так как всем известно, что в т. н. национальных республиках и областях СССР самостоятельное законодательство не существует и там „правительственные декреты" являются точным отражением московских циркуляров. Но маскарад в данном случае нужен был Москве для того, дабы показать, что инициатива, противоречащая всем основам „равенства наций" — лозунга, проповедуемого СССР в первые годы советского господства, а вне СССР использываемого и в настоящее время – носит характер не принуждения, но добровольной акции нерусских народов. Тенденция слишком очевидна, чтобы не разгадать предпосылок, ее вызвавших.

Однако, возможно, что второй этап наступил бы несколько позже и, быть может, не в столь демонстративной (повсеместные и совпадающие во времени постановления „правительств" и исполкомов) форме, если бы первоначальная толерантность, проявленная в своекорыстных целях большевизмом, не дала неблагоприятных для советского централизма результатов. Оказывается, даже псевдонационализация школ, предназначенных для нерусского населения, привела во многих случаях, вопреки желаниям советского правительства, к полному изгнанию русского языка из этих школ. Об этом повествуют нам многочисленные примеры, демонстрируемые советской прессой.

Итак, в Крыму, например, положение таково:

„Буржуазные националисты, орудовавшие в организациях Крыма, в частности в наркомпросе, всячески препятствовали школьникам-татарам изучать русский язык. Они уменьшили количество часов на уроки по русскому языку, не обеспечили татарскую школу учебниками, наконец, направили в школы самых слабых преподавателей, а десятки школ оставили вовсе без преподавателей русского языка..."

Затем далее в той-же самой заметке читаем:

„В татарской школе наркомпрос приравнивает изучение русского языка... к иностранному. Так, в старших классах татарской школы Крымской АССР русскому языку отводится часов не больше, чем немецкому. В седьмом, восьмом, девятом классах татарских городских средних школ для немецкого языка дано 80 часов, для русского – столько же. В этих же классах сельских школ немецкому и русскому языку отводится по 68 часов. А в десятых классах татарских школ немецкий язык даже главенствует. В сельской татарской средней школе выпустники занимаются по русскому языку теже 68 часов, зато по немецкому—102. Оставив в последнем классе городской татарской средней школы 80 часов для немецкого языка, наркомпрос сократил количество часов для русского языка до 40."

В дальнейшем автор заметки многозначительно добавляет:

„Нетрудно догадаться, в чьих интересах наркомпрос Крымской АССР ведет линию на срыв изучения русского языка татарскими детьми и молодежью." („Правда", 10-I-1938).

Не лучше обстоит дело и на Украине. И здесь—

„Буржуазные националисты, проникшие в различные звенья наркомпроса Украины и его органов на местах, причинили огромный вред украинской молодежи, сознательно отрывая ее от русской культуры. Они пустили в обращение вредительскую „теорийку" о трудностях двуязычия. „Теория" эта заключалась в том, что украинским детям, изучающим свой родной язык, трудно, мол, одновременно обучаться и русскому языку. Сознательно пренебрегая опытом старой русской школы, в которой преподавание двух языков начиналось в первом или во втором классе, они усиленно внедряли эту „теорийку" в головы педагогов."

Последняя фраза подчеркнута нами. Она поразительна в своей откровенности. Центральный орган всесоюзной коммунистической партии („Правда" от 26-III-1938 г., откуда мы берем все цитады, относящиеся к Украине) открыто восхваляет в ней „старую русскую школу", т. е. руссификаторскую школу времен самодержавия, до недавна еще при каждом удобном и неудобном случае предаваемую проклятию. Фраза эта является ярким свидетельством истинных тенденций советского правительства, направленных в сторону полного восстановления великодержавных позиций русского народа.

Далее в той-же корреспонденции читаем:

„Очень трудно в таких условиях преподавать русский язык даже тем педагогам, которые знают и любят свой предмет. Об этом совершенно откровенно говорил директор Васильковской школы тов. Галушко: — „Нас приучали к тому, что за неуспеваемость по украинскому языку с нас будут крепко спрашивать, а русский язык считался в числе „иностранных", т. е. трудных для украинских детей". На это же жалуются профессор Музыченко, учительница Васильева и другие. Они откровенно рассказывают, что в наркомпросе существовало твердое, но ложное мнение о трудностях усвоения русского языка украинскими детьми." („Правда", 26-III-1938).

Аналогичная картина существует и далее на восток—в Башкирии. Вот что читаем в корреспонденции из Уфы:

„Полгода назад буржуазные националисты были разоблачены и вышвырнуты из наркомпроса. Однако, новые руководители до сих нор ничего не сделали, чтобы ликвидировать последствия вредительства. Политика игнорирования русского языка в нерусских школах Башкирии продолжается по сей день."

Затем немного ниже:

„Буржуазные националисты, преследуя контрреволюционные цели, проповедуют идею, что для башкирской интеллигенции знание русского языка необязательно. А наркомпрос Башкирии в своей практической работе идет на поводу у буржуазных националистов. В подавляющем большинстве башкирских и татарских школ русский язык исключен из учебных планов. В 40 школах совсем нет преподавателей русского языка. В остальных нерусских школах, за редким исключением, преподавание русского языка ведется на башкирском или на татарском языках, так как сами преподаватели русского языка не знают. Наркомпрос Башкирии разрешает преподавать русский язык и литературу в нерусских школах любому педагогу. Даже в самой столице республики - Уфе русский язык в четырнадцатой школе, например, преподают по совместительству счетовод, математик и... учитель пения. О сельских школах и говорить нечего. Там русский язык часто преподают люди азбучно неграмотные, например, в кузеевской неполной средней школе, Чекмагушевского района, в буздякской средней школе и т. д."

И наконец:

„Нарком просвещения тов. Алибаев и заведующий отделом школ обкома партии Валиев не раз выступали на собраниях с громкими речами о ликвидации последствий вредительства. Но дальше пустых деклараций ни наркомпрос, ни школьный отдел обкома не пошли! Они палец о палец не ударили, чтобы снабдить школы хотя бы программами и учебниками русского языка. В Буздякском районе, например, на весь район имеется только одна программа! Обладательницей этой редкости является учительница тов. Васильева. К ней со всего района приезжают учителя, чтобы посмотреть или переписать программу. Даже в Уфе, под боком у наркомпроса, многие школы не имеют программ по русскому языку. Чтобы как-нибудь выйти из затруднения, учителя сами, на свой страх и риск, составляют программы и по ним преподают. Нет также в сельских школах Башкирии и учебников русского языка. Учебным пособием служит зачастую любая под руку попавшаяся книжка. Наркомпрос ничего не предпринимает для того, чтобы сохранить имеющиеся преподавательские кадры. Учителей часто снимают с педагогической работы и посылают на советскую, хозяйственную, кооперативную и иную работу. В Малоязовском районе, например, учителя Ханжина забрали из школы в комитет по заготовкам. При прямом попустительстве руководства наркомпроса многие школы, считая русский язык необязательным предметом, заменили его математикой, географией и другими учебными дисциплинами. Так, в Стерлитамакском педагогическом училище из 312 часов, отведенных по плану на русский язык, использован всего 21 час. В остальные часы вместо русского языка занимались другими дисциплинами. Мы привели лишь небольшую часть фактов, показывающих, в каком состоянии находится изучение русского языка и литературы в нерусских школах Башкирии." („Правда", 20-III-1938).

Если перейдем к Кавказу, то и здесь наткнемся на тоже самое. Итак:

„Одним из наиболее ярких проявлений вредительства буржуазных националистов на фронте культуры было изгнание из национальных школ русского языка... Размеры вредительства буржуазных националистов в этой области, ущерб, нанесенный ими народам Дагестана, огромны... Состояние преподавания русского языка в национальных школах свидетельствует о том, что последствия вредительства в этой области еще далеко не ликвидированы. Об этом говорят следующие факты."

И далее следуют факты:

„В Табассаранском районе русский язык преподается лишь в 4 неполных средних школах, а в остальных 33 неполных средних школах русский язык совершенно не преподается. В Касумкентском районе учителя русского языка отсутствуют в 47 школах. В Левашинском районе русский язык преподается в 5 школах из 32. По данным, которыми мы располагаем по 36 районам Дагестана, из имеющихся 950 начальных национальных школ, русский язык преподается лишь в 230. Картина будет далеко не полной, если не сказать о качестве преподавания русского языка. Даже в тех школах, где преподавание русского языка ведется, оно стоит еще на очень низком уровне. Дети, оканчивающие начальную школу и даже семилетку, как правило, по-русски едва читают по складам, пишут же со множеством орфографических ошибок. Официальные данные об усвоении русского языка, которые дает наркомпрос ДАССР, далеко не соответствуют действительности. Но и эти данные говорят о чрезвычайно низкой усвояемости, едва достигающей 70 процентов."

Такова обстановка, по свидетельству местной газеты „Дагест. правда" (21-III-1938), в одной из провинций Северного Кавказа, в Дагестане. В другом номере той же газеты сообщается, что учителя русского языка подвергаются преследованиям, что их „выживали" из аулов, куда они назначались преподавателями. Газета пишет:

„Буржуазные националисты, стремясь подорвать преподавание русского языка, издевались над учителями, всеми мерами изгоняли преподавателей русского языка из школ, ставили их в худшие материальные условия, использовали не по назначению. Это нетерпимое в дальнейшем отношение к учителям русского языка еще наблюдается и поныне. В Ахтынском районе учителя Колесников, Сериков и Захаров из-за нетерпимого отношения к ним вынуждены были покинуть школу и выехать за пределы района. В Докузпаринском районе нехватало 9 учителей русского языка. Наркомпрос послал в этот район 3-х учителей. Однако, присланную учительницу Смирнову райОНО умудрился оставить в аппарате на технической работе, два других учителя были вынуждены выехать из района в связи с тем, что им не были созданы нормальные бытовые условия."

Или вот картина в Абхазии:

„До сих пор в пятнадцати школах Очемчирского района нет учителей русского языка и не отменено вредительское распоряжение, запрещающее директорам школ приглашать этих учителей из других районов." („Заря Востока", сент. 1937).

Или в Азербайджане:

„В результате этого подлого вредительства („вредительства буржуазных националистов" — Д.) во многих районах и сельских школах Азербайджана русский язык совсем не преподается, а там, где он преподается, уровень знаний, получаемых учащимися, совершенно недостаточен". („Бакинский рабочий", 2-IV-1938).

Подобные факты имели место во всех нерусских районах СССР. От Карелии и до Туркестана, от Кавказа и до восточных окраин Сибири, всюду там, где школы подверглись большевистской псевдонационализации. Большевизм, внедряя „национальную по форме, но социалистическую по существу культуру", преподнося нерусским народам яд коммунистической пропаганды на их родных языках, стремился этим путем к органическому уничтожению у нерусских народов национального чувства, к их психологической руссификации под влиянием приспособленного к русским условиям и ассимилированного марксизма. От механической руссификации в духе царских времен, т. е. от обрусения при помощи школы с русским языком преподавания, а в школах высших ступеней и при помощи преобладающего количества русских учащихся, которые своей массой должны были влиять на „инородческое меньшинство", большевики по-началу отказались. Принцип „национальной по форме, социалистической по существу" был распространен и на школу. Школа на „инородческих окраинах", внешне национализированная, была по своему существу, по своей программе „школой социалистической". Руссификаторский нажим, таким образом, нисколько не потеряв своей остроты, сделался лишь более „субтильным", замаскировался наружной толерантностью, признав местные языки языками преподавания, но сохранив за школьной программой ее русский дух.

Результаты, как это видим из приводимых примеров, были обратные предполагаемым. Вместо ожидаемой самопроизвольной, так сказать, тяги к русскому языку, которая должна была увеличиваться с течением времени и одновременно с предполагаемым усилением „социалистического образа мышления" у оканчивающих советские национальные школы (все это время русский язык рекламировался в качестве „языка октября", „языка социалистической революции", а в последние годы даже „языка Сталина"), наступило противное: полное изгнание русского языка из многих национальных школ. Псевдонационализация в области школьного дела, вопреки ожиданию советских руссификаторов, дала возможность нерусским народам обратить против руссификаторов их собственное оружие. Исходя из буквы советского закона, во многих районах русский язык „был приравнен к иностранному", во многих же его просто игнорировали. Не осуществились надежды и на идеологические преображения, проводником которых должна была стать советизированная национальная школа. Многочисленные судебные процессы последнего периода, возбуждаемые против „буржуазных националистов", среди которых значительный процент составляют представители молодого поколения, прошедшего через советские школы, являются тому наглядным доказательством.

Вот эти то именно моменты заставили, как мы уже отметили, советское правительство форсировать второй этап обрусительной программы графа Зубова. Сейчас „в ударном порядке" реализируются условия, при которых нерусские народы должны будут полностью „оставить свои наречия и знакомиться с русским языком", с тем, что в третьем и заключительном этапе язык этот „будет уже языком господствующим". „Ударность" в данном случае вызвана тем противодействием, которое оказывают нерусские народы обрусительным тенденциям Москвы.

Реально второй этап зубовской программы проводится путем увеличения количества часов преподавания русского языка в школах, в результате чего должно быть достигнуто следующее:

а) учащиеся, оканчивающие начальную школу (4 класса), должны получить запас русских слов, позволяющий им понимать простую разговорную речь, излагать на русском языке знакомые им явления из окружающей жизни, владеть элементарными навыками чтения и письма по-русски;

б) учащиеся, оканчивающие неполную среднюю школу (7 классов), должны уметь свободно и правильно выражать на русском языке свои мысли, как устно, так и письменно, иметь навыки самостоятельного пользования книгой, соответствующей их возрасту, получить знание основ русской грамматики и синтаксиса и на некоторых примерах получить знакомство с русской литературой;

в) учащиеся, оканчивающие среднюю школу (10 классов), должны знать основные законы и правила русского языка, уметь свободно читать, т. е. понимать художественную и научную литературу и передавать устно и излагать письменно содержание прочитанного, а также свои мысли, правильным русским языком.

Эти три пункта являются точным повторением пунктов циркулярного постановления, которое было принято совнаркомами и исполкомами различных союзных и автономных республик и автономных областей. В них фактически к оканчивающим „национальные школы" пред'являются те самые требования, кои пред'являются к лицам, оканчивающим нормальные русские школы, с русским языком преподавания.

Но кроме этих общих пунктов упомянутое постановление в некоторых районах СССР содержит и специальный дополнительный пунк . Согласно последнего, в автономных республиках и областях, входящих в РСФСР, а также в Абхазии и Южной Осетии, входящих в состав Грузинской ССР, в неполных средних и средних школах, начиная с 5-го класса, а в педагогических училищах с 1-го класса, преподавание всех предметов должно вестись на русском языке. По букве постановления, на русском языке должно вестись даже преподавание родного языка учащихся. Мера эта названа временной и об'ясняется „отсутствием учебников и учебно-наглядных пособий на родных языках", как равно и „недостатком квалифицированных педагогов, владеющих родным языком". Если эти причины действительно имеют место, то и в этом случае виновато само советское правительство. В 1937—38 г.г. оно руссифицировало все алфавиты нерусских на-

родов, исключая народы, образующие т. н. союзные республики. Одновременно с этим оно из'яло из употребления все учебники и учебные пособия, напечатанные прежними латинизированными алфавитами, не успев взамен издать достаточное количество пособий на новом руссифицированном алфавите. Недостаток же квалифицированных педагогов об'ясняется массовыми „чистками" учительского персонала национальных республик и областей, имевшими место в начале 1938 года. Десятки тысяч учителей в период этих „чисток" были об'явлены „буржуазными нацисналистами", лишены места и в большинстве случаев сосланы в концлагери. Теперь эти два обстоятельства, возникшие по вине самих большевиков, служат оправданием для полной руссификации старших классов национальных школ в автономных республиках и областях. Ясно, конечно, что мера эта из „временной" превратится в постоянную, и старшие классы неполных средних и средних школ в „нацавтономиях" сохранят и в дальнейшем русский язык в качестве языка преподавания.

Все это, повторяем, нельзя об'яснить ничем иным, как только обрусительными тенденциями советского правительства и стремлением, чтобы, согласно рецепту Зубова, нерусские народы в конце концов „оставили свои наречия и знакомились с языком русским, который в их потомстве будет уже языком господствующим". Но рассчеты в этом направлении едва ли оправдаются. Того, чего не могло добиться царское правительство в некоторых случаях в течении сотен лет, не будет в состоянии добиться красная Москва в условиях, когда мир вступил в новую эпоху действительной „весны народов".

НОВЫЕ КНИГИ

Karl von Seeger: Imam Schamil Prophet und Feldherr. Paul List Verlag. Leipzig. 1937.

Имам Шамиль—Пророк и Полководец. Так называется труд германского автора *Карла фон Зеегера,* появившийся в издании одной из известнейших лейпцигских издат. фирм. Книга посвящена личности и эпохе Имама Шамиля. Появление этой книги следует об'яснить не только героической легендой, овевающей имя величайшего борца за волю Кавкасских Гор, но и усилившимся в последнее время интересом к Кавказу, как к одной из назревающих политических проблем. разрешение коих в недалеком будущем должно стать на порядок дня.

Книгу свою г. фон - Зеегер начинает пластически-образным описанием «*священных гор*» Кавказа и происхождения этого «*жилища богов*» в стране «*бессмертных Азов*», где прежде всюду было море. Над водой, как острова, поднимались горы и «*поэтому черкесы, старейшие обитатели Кавказа, еще и сегодня называются адыгэ, что означает — «обитатели острова*».

Автор приводит несколько версий происхождения термина «Кавказ»: «*Каук-Азос--трон богов*», по-гречески; «*Гог-Хасан — крепость Гога*», по-халдейски; «*Кач-граван — блестящая скала*», по санскритски. Приводятся и об'яснения, производимые из месных названий. Их можно найти и в древней мифологии, связанной с именем Зевса. О связи Кавказа с древней Элладой вообще, автор пишет: «*На основе кавкасской природы и его населения можно понять мощный синтез древнего, неподдельного греческого мира с его апполонской строгостью и упоением дионисcий. Не в Пелопонесе и не в Аттике или же Дорике лежит древняя Греция. В стране амазонок с ее культом природы... там должны мы ее искать*».

Культура кавкасских народов, их обычаи и характер вырабатывались под влиянием многочисленных внешних факторов и культур. «*По свидетельству Өеофана* — пишет автор — *на севере* (от сиркасов—А. Б.) *жили амазонки. Сиркасы... черкесы — не могли их победить. И потому они вступили с ними в сношения и женились на них. В войне с Россией черкешенки подтвердили свое присхождение. Все опасности и тяжесть войны они делили со своими мужьями и творили чудеса храбрости*».

Издавна Кавказ служил об'ектом нашествий. Приходили народы, опустошали его и сами исчезали, порой оставляя часть своего племени. Поэтому уже с давних времен о Кавказе говорили, как о «*стране народов*». Рассуждая так, автор пишет, что «*несмотря на смешение народов и племен, как равно их языков и диалектов, можно в этот хаос внести известную систему*». Но тут - же ниже добавляет: «*И телесные, и расовые различия настолько стерты, что отличить типы можно только по языковому признаку*». Однако, «*на Кавказе нет ни одного изолированного языка, ни одной расы*».

Всех кавказцев он сводит в 3 большие языковые группы: «*...картвельскую, ...абхазо-черкесскую, по обоим склонам Зап.-Кавк. хребта, и чечено-дагестанскую на северо-востоке*», не считая меньших отдельных групп.

Затем автор переходит к истории русского проникновения на Кавказ. Русскую натуру, говорит автор, характеризуют следующие свойства: беспечность, неуважение ко всему меньшему и второстепенному, отсутствие воинского духа и государственных способностей. Последнее утверждение он иллюстрирует историческим фактом призвания варягов. К несчастью, этот народ, находясь в стороне от международной жизни тех отдаленных времен, успел размножиться. Жалкая и бедная природа породила в нем ненасытную жажду к лучшей жизни, он устремился на юг и в своем «*походе на Индию*» встретил препятствие в лице Кавказа.

В выступлении русского князя Святослава против хазар и замужестве Тамары Грузинской с Георгием, сыном новгородского князя Андрея, автор усматривает первые признаки московской экспансии в сторону Кавказа. «*Впервые* — пишет он — *вспыхнула кавказская ненависть против чужестранцев, против русских интервентов-варваров*».

Пресловутый Кучук-Кайнарджикский трактат, по которому Кабарда, *«если формально и не отошла к России, то, все же, была введена в сферу ее влияний, хотя Турция никогда не была в состоянии здесь проявить своей верховной власти»*, затем присоединение Грузии к России и внутренняя неспаянность самого Северного Кавказа — все это суть факторы, которые способствовали России в ее проникновению на Кавказ.

В своей оценке международного значения Кавказской войны, автор ссылается на мнение сэра Генри Раулисона, который в 1875 г. писал, что так долго, пока Северный Кавказ оказывал сопротивление России, он представлял собой охранный вал против российской экспансии. И как только это сопротивление было сломлено, ничто уже не преграждает путь России в ее походе от Аракса на Индию. По словам другого англичанина, историка Бэдлли, борьба Северного Кавказа с Россией пред'являла совершенно особые требования к симпатиям в отношении к ней английского народа. Несомненно, говорит Бэдлли, что горцы *«сражались за себя, за свою свободу, свою страну. Но, одновременно, они, может быть, сами того не сознавая, отстаивали безопасность британского господства в Индии»*.

В заключительной части этого вступительного обзора, автор описывает политическую игру держав на Кавказе во время и после окончания мировой войны, когда кавказские народы провозгласили свою независимость. Игра эта была прервана новым вторжением России, на этот раз красной, и *«снова путь в Переднюю Азию занят Россией — Индии угрожает большевизм»*.

После этого вступления, фон - Зеегер концентрирует все свое внимание на Северном Кавказе. Анализируя основы мусульманства, автор считает, что Кавказская война *«без полного знакомства с религиозным мировоззрением Ислама не может быть ни понята, ни постигнута»*. Путем такого анализа, он подходит к описанию самой борьбы, трансформировавшейся из религиозного движения в движение чисто политическое, ставшее идеологической базой войны Северного Кавказа эпохи имамата с Россией.

Описывая быт северокавказского населения времен Шейха Мансура, в частности быт Чечни и Дагестана, автор следует тенденциозному шаблону русских исследователей, согласно которого северокавказцы ничем иным, кроме грабежа и разбоев, не занимались. Однако, мы далеки от того, чтобы на основании такого описания заподозрить автора в пристрастии. Дело об'ясняется подбором источников, который не всегда был удачен. Так например, он пользовался «трудами» марксистского оборотня, Лео Нуссенбаума, известного под благозвучным именем Эссад-бея, а недавно выступившего под новым именем Курбан Саида.

Замечательно метко автор определяет значение мюридического движения. *«И если*—пишет он — *суфизм называют могилой Ислама, то Кавказская война говорит об обратном»*. Затем далее об этом же он утверждает следующее: *«В Мулла-Магомете, теологе Кавказа* (Шейхе Магомете Яраги — А. Б.), *в Кази-Мулле, духовном законоучителе Дагестана, и в Шамиле, пророке, полководце и поэте, — мюридизм получил новую форму воюющего института»*. Устами своего идеолога, Мулла-Магомета, мюридизм провозгласил: *«Нет более лезгин, черкесов, хевсуров, аварцев, чеченцев и других. Разделенные горами и ущельями вы представляете единый народ и вашей верой есть вера в Аллаха»*... И далее: *«Первый закон этой веры есть свобода во всех отношениях»*.

Избрание Кази-Магомета имамом было встречено народом, как милость небес: *«Сам Аллах его призвал в момент наивысшей нужды на пост имама»*. Спасение же Шамиля в обстановке, казалось бы, совершенно безнадежной, когда все находившиеся с ним, во главе с Имамом Кази-Магометом, погибли в неравном бою, утвердило молву об его божественном послании: *«Аллах призвал Шамиля из мертвых, чтобы он управлял живыми»*.

Центральное место в книге фон - Зеегера, как свидетельствует само ее заглавие, занимает Шамиль, Великий Имам Северного Кавказа. Автор обширно описывает его жизнь и деяния, заполняющие собой наиболее славный период в борьбе Кавказа с Россией. Описывает военные подвиги и государственные реформы Имама. Автор в полной мере учитывает значение гениальных мероприятий Шамиля, позволивших ему с горстью сторонников выдержать долголетнюю борьбу с огромной империей, представляемой на Кавказе 240-тысячной армией лучших русских полков. В результате усилий Имама Шамиля, *«вместо племенной неспокойной расчлененности, появилось современное государство с урегулированным судопроизводством, с одним языков, хорошо управляемыми финансами и налаженной связью»*.

Книга прекрасно издана, снабжена портретом Шамиля и серией иллюстраций, воспроизводящих картины Кавказской войны кисти известного германского баталиста Хоршельта, которому посвящается отдельная глава. Кроме этого, книга имеет ряд приложений, содержащих тексты той эпохи. Между прочим, там имеется текст черкесского обращения к европейским дворам, где выражается протест против насильственного захвата территорий Северного Кавказа, против насилий, чинимых русскими войсками над мирным населением, а также незаконной блокады кавказских берегов русским флотом. Приводятся также и два письма Имама Шамиля к генералу Фези, признанные уже давно апокрифами, так как содержание их совершенно не совпадает с поступками и характером Имама. Между прочим, оригиналы их отсуствуют среди довольно многочисленных писем Имама, хранимых в различных музеях. В конце книги имеется прекрасная карта Восточного Кавказа, изображающая главный театр Кавказской войны.

Заканчивая наш обзор, мы констатируем, что, несмотря на некоторые неточности, вполне понятные в условиях, когда пользование первоисточниками является невозможным, книга ф.-Зеегера производит прекрасное впечатление своей об'ективной оценкой происходящих на Кавказе в рассматриваемую эпоху событий. Нельзя не подчеркнуть симпатий, которые вызываются в авторе героическим сопротив-

лением Северного Кавказа против превосходящих сил наступающей России, как равно и преклонения перед личностью Великого Имама. Об'ективизм и симпатии автора должны вызвать благодарность со стороны всех северокавказских патриотов.

Адиль-бек Кулатти.

Jan Otmar Berson — Sowieckie moralne zbrojenia. Główna księgarnia wojskowa. Warszawa 1937.

«*Советские моральные вооружения*» — так звучит точный русский перевод заглавия этой книги. Автор ее, г. *Ян Отмар Берсон*, принадлежит к числу видных польских журналистов. До лета 1935 г., в течении 3½ лет, он пребывал в Москве на посту корреспондента официального Польского Телеграфного Агентства (PAT) и правительственного официоза «Газеты Польской», который вынужден был покинуть по требованию советского правительства. Таким образом, содержание книги в значительной степени основано на личных наблюдениях автора, причем, следует добавить, сфера этих наблюдений не ограничивалась только Москвой, но автору удалось побывать и на Кавказе, и на Украине.

В книге, как гласит уже само заглавие, рассматриваются те элементы, которые в сумме определяют моральную силу Советской России — т. е. то, что для такого режима, как советский, в случае войны будет иметь гораздо большее значение, чем материальная подготовленность.

И еще одно: книга имеет, так сказать, специальное назначение; она, по словам автора, предназначается, в первую очередь, для офицерского состава (кадрового и резервного) польской армии, к числу которого автор сам «*имеет большую честь принадлежать*» Ибо «*несмотря на пакт о ненападении, мы должны и в дальнейшем рассматривать Советы, как потенциального противника в будущей войне, тем более, что коммунистическая пропаганда, имеющая целью вызвать моральное разложение Нации и Армии, ежедневно — уже сейчас, во время, казалось бы, относительно стабилизированного мирного состояния — нам об этом напоминает*» (Из авторского вступления).

Первые главы автор посвящает моральному состоянию красной армии. Автор придает большое значение ее пропагандному аппарату, в лице «политического управления рабоче-крестьянской красной армии», который в иных странах обыкновенно недооценивается. Аппарат этот он называет «*четвертым родом оружия*». В мирное время роль его скорее «*дефенсивная*». Политруки различных ступеней следят за «благонадежностью» красного командного состава, внедряют в рядах красной армии «политграмоту» и просто грамоту и т. д. Но в случае войны усилия этого аппарата будут обращены в значительнейшей степени на работу по разложению противника — так, как это имело место во время гражданской войны в России с германо-австрийскими оккупационными корпусами и экспедиционными отрядами Антанты.

Польской армии этот большевистский «четвертый род оружия» угрожает в меньшей степени. Говоря так, автор ссылается на одно из руководств для советских военных пропагандистов, в котором написано, что «*из всех армий буржуазных государств лучше всего в смысле моральном представляется польская армия, имеющая еще большое количество офицеров-легионеров, которые в молодости прошли школу Польской социалистической партии и обладают большим искуством демагогического влияния на солдатскую массу*». Но, продолжает автор, с течением времени количество военачальников с героическим боевым прошлым и с упомянутым «демагогическим искуством» будет уменьшаться и над этим обстоятельством следует задуматься, особенно в настоящие «*тяжелые времена, которые не могут не найти отражения в солдатской психике*».

Говоря об отношении населения к красной армии, автор пишет:

«*Однако, вопреки некоторым утверждениям, красная армия совсем не есть „оторвана от своей общественности", но, наоборот, есть с ней весьма тесно связана, гораздо теснее, чем это имеет место в ряде „буржуазных" государств... Более того — я имею все данные для категорического утверждения, что красная армия является, пожалуй, единственным в СССР институтом, пользующимся всеобщей и, пожалуй, лишенной всяких сомнений популярностью среди всей советской общественности, которая вне этого является весьма далекой от монолитного энтузиазма при оценке иных отраслей и явлений в жизни своего отечества, а также от долженствующей вскоре официально наступить „ликвидации общественных классов"*».

Такое отношение к красной армии автор об'ясняет, во первых, тем, что части красной армии никогда не выполняли в отношении населения карательных функций (едва ли это утверждение можно распространить на нерусские районы, в частности на Северный Кавказ, где в подавлении антисоветских выступлений даже в 1930—31 г.г. участвовали не только войска ГПУ, но и регулярные части, состоящие там почти исключительно из чисто русских полков), а во вторых тем, что каждая из разновидностей «советской общественности» возлагает на красную армию те или иные надежды. Огромное большинство советской общественности, состоящее «*из русск. патриотов, любящих свое отечество, вне зависимости от режима и от всяческих материальных лишений и моральных трагедий, пережитых с 1917 года, видит в красной армии новую русскую армию, между прочим, во всех отношениях лучшую, чем царская*». Часть общественности, «*искренно исповедующая основы коммунизма (не исключая „троцкистов" и иных „уклонистов"), видит в своей армии „армию международной революции"— в конце концов, в полном согласии с буквой советских „воинских установ"*». Наконец, правящий режим «*с полным основанием видит в ней свою главную поддержку*». И все это вполне понятно, так как «*красная армия имеет все основания быть благодарной как своей общественности, так и правителям*». В годы наибольших лишений и голода она была прекрасно снабжена всем необходимым как в смысле довольствия, обмундирования и бытовых условий, так и в области вооружения.

Вообще же, *«в сравнении с другими отраслями, армия является в Советах механизмом, действующим почти без перебоев»*.

Но так обстоит дело в мирное время. Во время же войны психика красной армии, помимо теоретически благоприятных предпосылок, может *«подвергнуться большим изменениям, в зависимости от настроений мобилизованных масс, имеющих все основания к крайнему недовольству»*.

Интересные рассуждения высказывает автор в III-ей главе, где разбирается «доктрина» красной армии. Доктрина эта проникнута духом *«наступательной обороны»* (zaczepnej obrony), как выражается автор. Основанием этой доктрины является идеология «советского патриотизма», *«которая летом 1934 г. получила официальное признание и была утверждена в качестве обязывающего credo всей советской общественности»*. В результате:

«В советского солдата впаивается усиленно абсолютная вера в победу и в решающий перевес красной армии над всеми „буржуазными" армиями. Выступления высших начальников, по своей самоуверенности, далеко оставляют за собой известное „шапками закидаем" прежних времен».

Эта малообоснованная самоуверенность вызывает в авторе даже сомнение — не скрывается ли случайно за ней *«какой либо „слабый пункт" в психике нашего восточного соседа»*. Благодаря такому ура-патриотизму *«в советской пропаганде возникла весьма забавная теория о том, что... победа в последней польско-русской войне досталась Советам и, что хуже, молодое поколение, которое не принимало участи в тогдашних событиях, свято в том убеждено»*.

И далее:

«Эта пропаганда об абсолютном превосходстве красной армии над каждым возможным противником отнюдь не ослабевала в периоды, в которые о таком превосходстве никак нельзя было говорить серьезно, как например, в 1928—33 г.г., когда более чем стомиллионная крестьянская масса находилась в состоянии полного брожения».

В конечном итоге, в советском бахвальстве автор видит скорее слабость, чем силу красной армии.

Но, все же на *«принципальный вопрос»* (zasadnicze pytanie) — является ли красная армия в моральном отношении достаточно хорошо вооруженной,—автор дает положительный ответ, добавляя, что к такому выводу он приходит, *«несмотря на последние кровавые „чистки" среди высших начальников»*.

В общей сложности, автор считает кадровую красную армию достаточно боеспособной, хотя, как мы видим, находит в ней ряд существенных недостатков, не мыслимых в нормальных армиях «буржуазных» стран.

Зато, гораздо скептичнее он оценивает иные элементы, образующие «моральный военный потенциал» Советского союза. В первую голову это касается настроений остальных слоев подневольного населения.

Фабричный пролетариат переживает *«глубокое разочарование»*. *«То, что мы называем „нормализацией" повседневной жизни в Советах,* — пишет автор — *...весьма болезненно задело как материальные интересы, так и психику рабочего»*. Тяжелое материальное положение, жестокая эксплоатация рабочих государством, система ссыска и доносов, террор и т. д. — вызывают в фабричном пролетариате явно антисоветские настроения. В случае войны настроения эти будут представлять грозную опасность для советского тыла, т. к. большинство рабочих не пойдет на фронт, но останется при своих фабриках и заводах. Однако, автор допускает, что в первые месяцы войны среди рабочих может наступить известный моральный под'ем, тем более, что с началом войны Советы вынуждены будут вернуться к «военному коммунизму», с которым у разочарованных сегодня рабочих связаны *«наиболее славные воспоминания»*.

Приблизительно такое же положение существует в советской деревне. Коллективизация усилила среди крестьянства антисоветские настроения. С 1928 г. по 1933 г. советская деревня находилась в состоянии открытой войны с режимом. Сейчас, после ужасающих репрессий этого периода, крестьянин старается избежать всего того, что могло бы вызвать обратную волну репрессий, но, однако, от борьбы не отказался. В конечном итоге, автор и здесь приходит почти к тем же выводам, что и в отношении рабочих. Мобилизованный крестьянин будет воевать, но без особенного энтузиазма, в первые месяцы войны и при условии постоянных побед (это также одна из причин, если не главная причина, «наступательного» характера советской военной доктрины), но в случае затяжной войны или же поражений боевая ценность солдата-крестьянина сильно понизится. Поднять ее будет в состоянии только угроза *«возвращения помещика»*. *«Поэтому то* — заканчивает автор главу о настроении крестьян — *на симпатию крестьянина - резервиста красной армии может расчитывать только такой противник, который выдвинет ясный лозунг крестьянской собственности... и не будет иметь осложнений в собственной стране в виде разделения на „усадьбу" и „хату"»*.

Особую главу посвящает автор кризису коммунистической партии. Но, подвергнув анализу события последних лет в рядах компартии, он, все же, приходит в конце концов к заключению, что *«в случае войны коммунисты — как „правоверные", так и „оппозиционеры" — будут биться до последнего заряда и последней капли крови, ибо это был бы для них вопрос „жизни или смерти"»*.

Скептицизм свой автор распространяет и на молодежь, в частности на комсомол, что полностью подтвердили недавние репрессии по отношению руководства комсомола.

Наконец, слабым местом советских «моральных вооружений» является национальный вопрос. Чувства, связанные с последним, *«вспыхивают в соответсвующих условиях мощным пламенем без всякого предупреждения»*. О возможностях в этом направлении свидетельствует разгром, которому подверглись недавно руководящие органы т. н. национальных республик (кстати, добавим, подобные разгромы — явление хроническое в нерусских районах).

В конечном итоге, автор приходит к заключению, что наиболее положительным элементом в «моральном потенциале» Советского союза являются «советская интеллигенция» и новое «советское казачество».

О первой в специальной главе он, между прочим, пишет:

«*Однако, пропагандированная с 1934 г. идеология „советского патриотизма" была встречена советской интеллигенцией с энтузиазмом. Как я уже отметил, проигранная война с Германией оставила в психике среднего русского* (интеллигента) *весьма глубокий след. Поэтому этого рода обыватель утверждает, в конце концов не без основания, что сегодняшняя Россия имеет гораздо лучшую армию, чем царская, а тысячи новых фабричных труб наполняют его надеждой, что техническое снаряжение новой русской армии (так интеллигенция в неофициальных случаях называет красную армию) также будет стоять на должной высоте задач будущей войны. А это, ведь, создала «пятилетка", являющаяся делом нового режима. Поэтому „брусиловское" направление, которое охватило часть русской интеллигенции уже в 1920 году, будет в случае* (новой) *войны весьма распространено... Подтверждением такого рода предположений являются, хоть бы, настроения русских эмигрантов, большинство которых стоит сегодня на платформе защиты „всякой России"*».

Казачеству также посвящается отдельная глава. Автор не только анализирует причины восстановления «советского казачества», но и дает исторический обзор казачества вообще. Автор отмечает отдельные этапы истории как великорусских, так и украинских казаков, в результате коих прежняя революционная по всему своему существу вольница превратилась в вернейшего стража самодержавия, наделенного многими привиллегиями и обширнейшими земельными пространствами, главным образом, за счет покоренных народов. Разбирая же недавнее прошлое, автор пишет:

«*Революцию не только большевистскую, но даже и февральскую, казачество встретило определенно враждебно. Ибо уже само ниспровержение царской власти грозило поколебать казачьи привиллегии, прежде всего, грозило земельной реформой и передачей части казачьих земель „иногородним" пришельцам. В равной степени, с точки зрения казачьих интересов, было опасным и пробужденное в начале революции национальное самосознание покоренных народов, так как казачество имело на своей совести земли кавказских народов, башкир, киргизов, калмыков и сибирских племен.*

„Весна народов" после первой революции не вызвала среди казаков никакого движения в сторону „самоопределения", несмотря на то, что они всегда сильно подчеркивали свое отличие (от остального населения). *Независимые казачьи правительства, например на Дону, были расчитываемы только на период борьбы с „красными", которая, согласно тогдашних надежд казачества, должна была окончиться реставрацией „белого царя" в „единой и неделимой" России.*

Единственное исключение составляли в этом отношении потомки запорожцев — кубанские казаки, которые — вероятно благодаря украинскому происхождению — проявляли вполне серьезные самостийные тенденции и даже вели борьбу с армией Деникина, закончившуюся трагической смертью атаманов Рябролова и Калабухова. Вероятно на отсутствие самостийных стремлений повлиял перевес среди казаков великорусского элемента, хотя в донском войске служили частично калмыки, в оренбургском — башкиры, а в забайкальском — буряты».

Затем автор описывает положение казаков при большевистской власти. После поражения белых армий казаки подверглись жестоким репрессиям. Все казачьи привиллегии и самоуправление были уничтожены, «иногородние» получили землю наравне с казаками, казаков не призывали одно время даже в красную армию, «*уничтожено было даже само название „казак", которым были награждены... киргизы*».

Но особенно жестоко расправилась советская власть с казаками в 1932—33 г.г., в особенности на Кубани, откуда отправлялись в ссылку целые округа и где многие станицы были сравнены с землей.

Автор приходит к заключению, что на фоне всех этих репрессий восстановление института казачества, которое охватывает и неказачье население б. казачьих областей, должно иметь специальное значение.

«*Не исключается, — пишет он — что с течением времени „советское казачество" станет таким же самым „цепным псом" „красного царизма", каким оно было для царизма белого. Пока что советский режим приобретает несколько сот тысяч подготовленных и легко могущих быть мобилизованными воинов, воинов преимущественно конных, что в связи с советской стратегической доктриной является делом большого значения... Кроме этого „советское казачество", расположенное большей частью среди нерусских народов, может сыграть весьма большую и традиционную роль в области подавления возможных попыток со стороны „местных националистов.*

Наконец — предположение это может показаться злостной иронией — отнюдь не следует исключать возможности, что при дальнейшем сохранение сегоднешнего направления во внутренней и экономической политике нашего восточного соседа сталиновские казаки будут в свое время разгонять „троцкизанствующий" сильно угнетаемый и эксплоатируемой пролетариат»

Глава о советских казаках заканчивается следующими словами:

«*Пока что название „казак" по прежнему означает казака, а не киргиза, который сейчас же после декретов, восстанавливающих традиционные лампасы и околыши на фуражках, превращен в „казаха". Это — минимальное изменение в фонетике и правописании, но колоссальный поворот в сторону дореволюционных русских политических традиций. И все это вместе в практике совсем не противоречит коминтерновскому идейно-политическому „экспорту"*».

Суммируя в одной из глав настроения подсоветских людей, автор отмечает, что каждая из общественных групп на вопрос — чего она хочет — ответила бы по разному. Интеллигент вероятнее всего сказал бы, что он «*хотел бы иметь демократическую республику*» со всеми «гражданскими свободами». Русский и украинский крестьянин «*провозгласил бы программу „крестьянского интернационала", заключающуюся как для члена тирольского „Ляндбунда", так и для члена болгарской партии б. премьера Стамболийского или польского сельчанина в нескольких словах: „земля есть крестьянская, крестьянин распоряжается урожаем"*». Рабочий высказал бы свое стремление к «диктатуре пролетариата» и ненависть в отношении сегоднешней «диктатуры над пролетариатом». Национально сознательный украинец, грузин, карел, татарин и т. д. горячо требовал бы освобождения своего отечества и изгнания из него всех русских.

Но, зато, на вопрос, заданный в негативной форме: «чего не хотите» — «*мы услышали бы от сегоднешней советской общественности поразительно единодушный ответ: „Мы не хотим возвращения царя, помещика, крупного частного предпринимателя и финансиста"*».

И если извне какая либо сила пойдет с этим «багажем», то, уверяет автор:

«*Тогда средний „беспартийный патриот" будет биться за свое отечество, „сталинец"—за свой режим, „троцкист" — за „мировую революцию", крестьянин будет защищать себя от возвращения „помещика", рабочий — от возвращения фабриканта, а еврей от возврата открытого антисемитизма с неизбежными погромами...*»

Автор многократно подчеркивает в своей книге агрессивную суть сегоднешней России в отношении всех ее соседей, близких и дальних, корни коей покоятся в характере царящего в Москве режима. Так например, в одном месте он пишет:

«*Мы не совершим большого преувеличения, если скажем, что Советы являются единственным государством в мире, которое государствам с иным режимом, в особенности же непосредственным соседям, навязало войну и во время мира, несмотря на мирное договоры, пакты о ненападении и конвенции, определяющие понятие агрессора. Факт, что эту „войну во время мира" ведет коминтерн не меняет для польского общественного мнения сути дела, избавляя нас только от необходимости складывания бесплодных дипломатических протестов*».

Или дальше:

«*Пример Грузии* (которой автор, большой грузинофил, проведший в ней свое детство, также посвящает отдельную главу) *есть одновременно убедительным свидетельством того, что Москва придерживается подписанных ею международных трактатов только тогда, когда принуждена считаться с силой (милитарной и моральной) данного контрагента*».

В конечном итоге автор приходит к выводу, что момент непосредственной военной акции Москвы еще не наступил, но, однако, она не отказалась ни от идеи «мировой революции», ни от захватнических тенденций в отношении государств, уже отпавших от России, ни от метод деструктивной пропаганды в других странах. То, что «*Троцкий хотел делать „на-ура"*», Сталин подготавливает до мелочей, терпеливо выжидая удобного момента. А посему — «*опасность, угрожающая миру, а прежде всего Польше, со стороны теперешнего руководства советского государства есть, пожалуй, еще более грозной*». Однако —

«*... теперешнее руководство Советского союза состоит из реалистов. Они, конечно, фанатики, но скорее „фанатики ума", чем „фанатики сердца". Поэтому в настоящий момент их может толкнуть на какую либо авантюру или какая нибудь внутренняя катастрофа, или абсолютно установленная слабость возможного противника, поглощение которого прошло бы вполне безнаказано. Оба полюса возможного развития внутреннего положения в Советах: как чрезмерный успех хозяйственных планов и слишком крупный прогресс в области политической консолидации, так и слишком явная катастрофа современного режима — усиливают советскую опасность. Ситуация, которую мы наблюдаем, являясь средней стадией между успехом и катастрофой, — требует от мира, а в особенности от непосредственных соседей, сугубого внимания, чуткости и силы, силы не только милитарной, но прежде всего внутренней. Следовательно, будущее в огромной степени зависит от нас самих*».

Этими заключительными выводами автор заканчивает свою интересную книгу, нисколько не потерявшую актуальности и после 1½ лет, прошедших со дня ее издания.

Х. А.

ОБЗОР ПЕЧАТИ

La Revue de Prométée

Названный журнал заменил собой прежний ж. „Prométhée", также выходивший на французском языке. До сих пор вышло два номера нового издания. Материал, содержащийся в обоих номерах, богат и разнообразен. Журнал имеет тенденцию стать энциклопедией по вопросам прометейского движения, что нельзя не приветствовать, т. к. отсутствие об'ективных и систематиризованных сведений из прошлого и настоящего прометейских народов дает себя знать, понижая действенность пропагандной акции.

В первом номере помещена обстоятельная статья профессора Варшавского университета *А. Лотоцкого*, в которой генезис прометеизма возводится к общероссийскому конгрессу журналистов в 1905 году, где «инородцы» выдвинули идею союза их стран и переустройства империи на началах федерации. Эта идея, пройдя че-

рез «Союз автономистов-федералистов», пришла в 1917-18 г. г. к своему сегоднешнему виду: стремлению к полному отрыву от России всех нерусских народов и созданию ими своих национальных государств. «*Союз автономистов-федералистов и современная организация угнетенных народов* — пишет автор —*имеют один и тот же девиз: „Все за одного и один за всех в борьбе за нашу независимость“*».

Прекрасную статью в том же номере поместил старый, испытанный друг кавказских народов *Ж. Мартэн*, шеф-редактор газ. „Journal de Genève“. Автор сожалеет, что война в Испании и Китае и европейские дела отвлекают внимание общественности Европы от проблемы Кавказа. «*Кавказа нет на порядке дня*» — заключает он. Но «*Кавказ ждет*» — утверждает автор далее в главе под тем же названием. И он должен ждать, ибо обстоятельства не благоприятствуют открытому выступлению не только отдельных его народов, но и Кавказа в целом. В настоящих условиях всякое выступление будет залито кровью и в решающий момент страна может оказаться бессильной. Но ждать Кавказ может, ибо «*его территория, население и национальный дух существуют*».

«*Нельзя допустить*, — развивает свою мысль Ж. Мартэн — *что горцы Кавказа уже больше не горцы. Ибо нет на свете горцев не пропитанных идеей индивидуальной ответственности и чувством долга выносить решения и осуществлять их. Нет людей более непримиримых (plus rebelles) по отношению к коммунизму, чем горцы... Горцы Кавказа не могут стать действительными коммунистами, они ими никогда не станут. Они ждут часа освобождения*».

В заключительной главе читаем: «*Кавказ возродится, я в том глубоко убежден. Это убеждение претворится в действительность, ибо я знаю, что патриоты отдельных кавказских государств работают совместно, солидарно*». И далее: «*Еслибы в XVIII столетии Грузия, Армения Северный Кавказ и Азербайджан создали единый блок, защищая его под девизом „кто трогает одного, трогает другого“, XIX столетие было бы для них, вместо века порабощения, веком разцвета*».

Недавнюю катастрофу кавказских народов автор об'ясняет также этой раз'единенностью. Распад Закавказской Республики, пишет он, повлек за собой порабощение всего Кавказа и это «*было результатом прежде всего того, что одни опирались на Россию против Турции, другие же на Турцию против России*». И в конце концов «*центробежные силы сделали свое дело разрушения*».

«*Нет*, — дает автор дружеский совет в конце своей статьи — *надо избегнуть опасности гибели в результате раз'единения. Кавказ возродится, я это повторяю, потому, что верю в это. Кавказ возродится к жизни тем более прекрасной, тем более прочной и продолжительной, чем сильнее отдельные его народы проникнутся убеждением жить в согласии*».

В литературном отделе обращают внимание (как в первом, так и во втором номере) статьи д-ра Мир Якуба, в которых дается глубокий анализ поэтического творчества Физули и Шах-Ислама, писавшего под именем «Хатаи».

Некоторый диссонанс в богатое содержание первого номера вносит статья *Ж. Вернера* (Georges Werner), в которой заметна тенденция доказать, что идея «Прометея» может быть использована в качестве оружия против «германской опасности». Правда, автор оговаривается, что статья написана им «*с точки зрения француза*». Но эта точка зрения совсем не совпадает с позициями «Прометея» и противоречит духу идеологической резолюции, принятой расширенным собранием прометейских секций летом т. года. Народы «Прометея» борятся за свое освобождение и прометеизм враждебен только России. Поэтому всему тому, что так или иначе вносит сомнения в это основное положение, не должно быть места, по нашему мнению, на страницах общепрометейского органа. Даже и тогда, если автор, как в данном случае, проникнут искренней симпатией к идее «Прометея». Суб'ективные выводы отдельных авторов не могут дезориентировать читателей относительно действительных целей прометейского об'единения.

Во втором номере, в равной мере содержательном и богатом, обращаем внимание читателей на статью нашего соотечественника, *Айтека Намитока*, являющуюся одновременно предисловием к его труду „*Les Origines des Circassiens*“ (Происхождение черкесов), который в скором времени выйдет из печати в парижском издательстве „*Maissonneuve*“.

Автор говорит о том огромном культурном богатстве, которое северокавказцы донесли до наших дней с самых отдаленных времен истории человечества, и это благодаря тому, что они «*...несмотря на все события, столько раз менявшие облик мира... сохранили... свой язык, свой физический тип и национальный характер*». В силу этого Кавказ представляет собой широкое поле для исследований по этнологии, лингвистике, археологии и антропологии. Автор отмечает, что мало кому, например, известно о том, что в одной только Черкессии (Адыгее) насчитывается более 1500 дольменов и что этот край есть «*одним из наиболее обширных мегалитических* (мегалиты — древние сооружения из огромных камней; к ним принадлежат дольмены Западной Адыгеи — А. Б.) *полей мира*» Кавказ излучал свое культурное влияние на многие народы древности. В частности, влияние Северного Кавказа на хеттитов очевидно, но «*обратное, по Ростовцеву, мало вероятно*».

Затем, ссылаясь на мнение ученых, автор пишет, что к уже известным центрам бронзового века — Туркестану, Эламу, Месопотамии, Египету — следует прибавить и Северный Кавказ, изучение об'ектов которого «*показывает, что прогресс не пришел туда извне, что об'екты, свидетельствующие об этом, не являются ввозными и что, наконец, дата их возникновения не может быть более поздней, чем у параллельных об'ектов других центров развития*».

Переходя к основной теме о происхождении черкесов, автор указывает на их связь с древними фракийцами, кимерийцами, мидянами и касситами,

которые, в свою очередь, были в близком родстве с другими народами Малой Азии и Средиземного моря: пелазгами, этрусками, лигурийцами, либийцами и т. д. — «*создателями той цивилизации, которую греки переняли и развили*». Эллинская культура обязана своим происхождением на три четверти этим предшественникам греков. «*Греческое чудо нельзя об'яснить иначе*» — утверждает автор. Но и в сфере материальной культуры предшественники эллинов достигли многого. Металлургия, культура злаков, разведение лошади, военная колесница — все это также достояние доэллинского мира. Выяснение всех этих вопросов, пишет автор в заключении, прольет свет на то, что «*народы Кавказа более близки друг другу, чем вообще думают*».

Заканчивая на этом наш обзор двух первых номеров „*La Revue de Prométhée*“, мы не можем не отметить прекрасную внешнюю форму, в которую облекся новый журнал.

А.-Б. К.

„Халил Бек Муссаясул — первый черкесский портретист“

Таким заглавием снабжает распространенный немецкий ж. „*Stuttgarter Illustrierte*“ (№ 49, 1938) репродукцию нескольких картин и портретов, написанных нашим соотечественником *Халил-Беком Муссаясулом*, получившим уже широкую известность не только в Германии, где он закончил свое художественное образование, но и во многих других странах Западной Европы. Журнал помещает и фотографию самого художника. Все это в связи с очередной выставкой его картин, которая имела место недавно в Германии. В сопроводительной заметке „S. I.“ между прочим, пишет:

«*Только на чужбине, где Мюнхен стал его второй родиной, Х.-Б. Муссаясул усовершенствовался в искусстве; четыре года в Академии под руководством профессора Грёбера и фон-Хабермана дали его способностям хороший фундамент. Сегодня портреты Муссаясула, а прежде всего картины, посвященные им родине, можно видеть на больших выставках*».

Желаем Халил-Беку дальнейших успехов на поле пропаганды северокавкасского искусства.

А.-Б. К.

Знаменательное признание

В русском эмигрантском журнале «*Сигнал*» (№ 44, 1938) помещен отчет о докладе профессора генерала *Головина*, виднейшего русского военного писателя и мыслителя, пребывающего в эмиграции (в Париже). Доклад был на тему: «*Создающаяся в Европе стратегическая обстановка*». Нужно признать откровенно, что генерал Головин обладает редким среди белых генералов свойством учитывать реальную политическую обстановку. Это свойство даже заставило неисправимого начетчика «белой идеи», генерала Деникина, упорно пребывающего в оценке динамики национальных движений на обанкротившихся 20 лет тому назад позициях, а сейчас, вместе с Милюковым, Керенским и Ко, явно поддерживающего большевизм, обвинить профессора Головина в «пораженчестве» и отсутствии у него национального чувства (см. последнюю брошюру незадачливого белогвардейского «вождя»— «Мировые события и русский вопрос»).

В своем докладе генерал Головин особо останавливается на будущих возможностях России и ожидающих ее судьбах. И на этот раз выводы его отличаются спокойной об'ективностью и он учитывает реальную, хотя и больно бьющую по его национальному самолюбию, обстановку. Эта часть доклада для нас особенно интересна, ибо в ней констатируется безграничное ослабление России в результате событий последних десятилетий — тезис, всегда отстаиваемый нами и упорно отрицаемый— так, «для храбрости» — великодержавным ура-патриотами милюковского типа. Докладчик считает (цитируем по отчету в ж. «Сигнал»):

«*Никто не может сейчас знать как, когда и по какой дороге пойдут события. Даже в самой Германии немецкая точка зрения на русский вопрос еще не установлена, вернее, не выбрана. Существуют сторонники Украйны (симптом: германский термин — Прикарпатская Украина). Но имеется иная точка зрения: подчинение германскому влиянию России в целом.*

В конечном результате окончательный выбор будет зависеть от Гитлера. С большим основанием можно предполагать, что решение Гитлера в основе будет идеологическим. Европа входит в стадию идеологических войн, типа войн религиозных.

В чем же будет заключаться наше „подчинение“ Германии. Можно ожидать, что для Германии будет нужно наше сырье. Может быть Германия захочет оставить нашу страну преимущественно сырьевой базой, без тенденции индустриализации, к тому же весьма сомнительной в СССР. Несомненно Германия пожелает получить преимущественный торговый договор на принципе наибольшего благоприятствования. Вне всякого сомнения, Германия будет добиваться ряда концессий и свободы ввоза в Россию избытка своих технических и интеллигентных сил.

Природа не терпит пустоты. Коммунизм уничтожил государственно интеллектуальный слой нашего народа. До того, как он образуется снова, должно пройти много времени, а государству нужно будет жить и работать. Что этот новый слой России образуется, для нас несомненно. Но что пока его в России нет, это тоже непреложный факт, и вместо него придут извне его заместители. Такова плата нашего поколения за допущение большевизма в России. Придут немецкие врачи, инженеры, архитекторы, агрономы, химики, купцы, учителя, может быть, офицеры. Что же, такой период Россия уже однажды пережила, сумев переварить своей культурой иностранцев, делая из них таких же русских, как и мы. Мало-ли русских немцев честно дрались в 1914—17 г.г. в рядах русской армии?

Наша задача? — Уметь включиться в реальную

жизнь, как она есть, без иллюзий. Нам придется бороться за сохранение нашего национального существа в своем государстве исключительно на деле, а не на словах. Нам будет нужно лечить, строить, учить работать, быть военными не хуже немцев. Да, это и не будет трудным, т. к. к нам явятся люди второго сорта, кому не найдется дела в самой Германии.

Лишь этим путем мы сможем переварить даже наихудшие условия. Лишь этот деловой путь — путь возрождения России.

Наша же задача сейчас: готовить себя для этого делового пути, учиться, готовиться, совершенствоваться, чтобы быть не хуже, а лучше грядущего немца, а сейчас, кроме того, прекратить наши, ослабляющие нас, бесконечные ссоры».

Итак, докладчик предвидит новое «призвание варягов», новое нашествие «немцев», как это было в XVII и XVIII столетиях. Фантазеры никак не хотят согласиться с тем, что Россия отброшена коммунизмом назад, на целые века, и то не в одной какой либо отрасли, а по всем отделам культуры. Докладчик это все и изложил, основываясь на фактах, вряд-ли опровержимых.

Но все это касается собственно России — Великороссии, ибо другие народы не будут участвовать в вербовке специалистов в том виде, в каком это рисует ген. Головин. Для России в ее настоящем виде всякая интервенция или война означает начало конца, ее распад по национальному признаку. И это вне зависимости от тех или иных позиций Германии, ибо проблема Восточной Европы настолько обширна, что ее не в состоянии разрешить воля одного государства, хотя бы и самого могущественного, и, тем более, вопреки стремлениям большинства населения этой части света, выявляющего твердую волю жить самостоятельно в пределах своих национальных границ. Таким образом, специалистов, если они будут нужны каждый из народов Восточной Европы будет получать отдельно и не обязательно это будет монополь одного государства, как равно не обязательно, что это всюду будет производиться в принудительном или полупринудительном порядке. В этом случае будет существовать «конкуренция», а как известно, конкуренция облегчает свободу выбора. Правда, едва ли возможность использовать такую конкуренцию будет уделом Москвы, т. к. распад ее произойдет в результате военного разгрома.

Но если обо всем этом докладчик умалчивает, то это не значит, что он распада России не предвидит. В своей книжке «К чему идет Великобритания», вызвавшей особое недовольство Деникина, он довольно подробно рисует один из вариантов такого распада.

Таким образом, если мы к рассуждениям ген. Головина в упомянутой книжке (где он, по Деникину, между прочим, пишет: — «В отталкивании от Москвы окраин... „складывается черезвычайно благоприятная в стратегическом отношении обстановка для наступления Великобритании не только в Персию, но и в Закавказье. Здесь она легко сможет... образовать малые государства, которые для защиты полученной ими самостоятельности будут заинтересованы остаться в орбите политики Великобритании"») прибавим положения его доклада, то придем к выводу, что в глазах известнейшего русского военного авторитета имперское будущее России представляется безнадежным. А это как раз то, из чего мы исходим в своих расчетах, реализируя национальные веления нашего народа.

А. Ш.

Notiziario Orientale

Идея «Прометея», идея освобождения угнетаемых Россией народов, приобретает в разных странах все большее и большее количество бескорыстных друзей. В фашистской Италии одним из таких друзей является молодой ученый, известный знаток проблем Ближнего Востока и Восточной Европы г. *Лауро Майнарди (Lauro Mainardi)*. Недавно Майнарди приступил к изданию специального органа под названием „*Notiziario Orientale*", посвященого в большей своей части проблемам народов «Прометея».

Перед нами лежит № 2 этого издания. О его характере лучше всего может свидетельствовать передовая статья, подписанная самим редактором. Приводим эту статью целиком:

«*Внимательный наблюдатель восточных проблем не может не обратить внимание в этот знаменательный момент на положение Дальнего Востока, на выявление определенного факта и его последствия, которые отзовутся специальным эхом на ближнем Востоке и даже на востоке Европы. Мы имеем в виду возможный конфликт между Японией и СССР и долженствующее неминуемо наступить разложение центральной большевистской власти, которое вызовет распад русской империи на многие национальные государства.*

Не нужно быть специалистом этих проблем, чтобы предугадать формы русского распада: Украина, Страна Казаков, Кавказ (с 4-мя народами: Армения, Азербайджан, Северный Кавказ или Черкесия и Грузия), Туркестан, Сибирь и т. д. воссоздадутся на основе неуничтожимых исторических прав в виде независимых государств. Все это создаст новую ситуацию в Восточной Европе, на Черном море, на Ближнем и Дальнем Востоке.

Что же касается Итальянской империи, то мы утверждаем, что она полностью заинтересована в каждом изменении status quo в каждом из названных секторов. Но благодаря своему средиземноморскому естеству (...per la sua natura Mediterranea...), она проявляет особенный интерес ко всему тому, что происходит или может произойти на Черном море или Ближнем Востоке. Мы настаиваем на необходимости заняться у нас — не считаясь только с настоящим — историей, географией и экономикой Украины, казачьих земель и Кавказа, чтобы уяснить национальные права этих стран, их потребности и будущее значение в рядах свободных народов...

Уже в прошлом Италия, следуя своему извечному средиземноморскому предназначению, входила с этими странами в глубокий контакт — или бла-

годаря влиянию Рима, легендарные легионы коего попирали снежные вершины Кавказа, чтобы приобрести могущественную империю Армении и славное королевство Грузии, или благодаря духовному влиянию и территориальным приобретениям наших морских республик, которые основали многочисленные цветущие колонии на Украине, Крыму, казачьих землях и Кавказе.

Современная мощь нашей империи, святая миссия международной справедливости, содержащаяся в доктрине фашизма, утверждает нас в том, что прежние полезные отношения будут возобновлены и усилены, когда падение московской тирании создаст свободные государства: Армению, Азербайджан, Черкесию, Грузию, государство казаков и Украину».

В этом же номере „Notiziario Orientale" имеется статья *Мирза-бека Кулатти*, посвященная Имаму Шамилю, затем статья *Франческо Таддеи* (Francesco Taddei) о богатствах Украины, статья *Марчелло Аперио Белля* (Marcello Aperio Bella) о географическом положении Грузии, а также перепечатывается статья из армянской «*Уссапер*», в которой описывается положение армян в Эфиопии.

Данлибергоцы недовольны

Украинские социал-демократы, движимые национальным порывом, решили порвать со II интернационалом. Соответствующая резолюция принята была ими 5 ноября т. г. в Праге на конференции заграничных организаций УСДРП, и, затем, переслана секретариату II интернационала. В резолюции говорится следующее:

«Руководящие органы УСДРП всегда поддерживали постоянные сношения с членами партии на Украине. К сожалению, организованная политическая жизнь на Украине, особенно в течение последних, наиболее тяжелых лет, была разрушена большевистским террором, вследствие чего были чрезвычайно затруднены и какие бы то ни было сношения с Украиной.

«Заграничная конференция УСДРП, заседавшая 5 ноября 1938 г., обсудив внутреннее положение на Украине и международную ситуацию, пришла к заключению, что нормальная политическая жизнь на Украине сможет быть востановлена лишь в том случае, если украинский народ освободится от иноземного господства и оснует свое собственное независимое государство. Конференция проникнута убеждением, что борьба украинского народа за свободу и независимость не может быть успешной без наличия массовых политических организаций.

«Поэтому, принимая во внимание крупные изменения, произошедшие за последние 20 лет во внутренних условиях Украины, конференция ставит себе задачей основание политической партии, которая могла бы охватить широчайшие слои украинского народа — рабочих, крестьян и интеллигенцию. Чтобы иметь возможность начать без промедления подготовительную работу для достижения этой великой цели, конференция постановляет распустить заграничные организации УСДРП, ибо она полагает, что надо заранее устранить идеологические и организационные препятствия для будущего собирания трудящихся людей под знаменем свободы и социалистической справедливости. Одновременно конференция распускает Заграничную Делегацию УСДРП и отзывает представителей партии из Рабочего Социалистического Интернационала».

Как и следовало ожидать, в великодержавном лагере решение украинских социал-демократов вызвало возмущение. Первым, конечно, отозвался немощный «Социалистический вестник». Перепечатывая цитированные нами строки, орган данлибергоцов снабжает их следующим комментарием:

«„Международная ситуация", о которой говорит напечатанная выше резолюция, характеризуется, как известно, открытой подготовкой гитлеровского похода на Украину. В такой ситуации смысл „освобождения" украинского народа от „иноземного господства" и характер грядущего украинского „независимого государства" не может быть тайной ни для кого, даже для тех, кто давно вписал в свою программу борьбу за государственную независимость Украины: пример Чехословакии и, еще уже, Карпатской Руси, ныне об'явленной частью будущей „независимой" Украины, у всех перед глазами. Не может быть поэтому ни малейшего сомнения и насчет истинного политического смысла акта, предпринятого бывшими украинскими социал-демократами: они ренегатски отрекаются от социализма во имя национализма, и притом национализма в его единственно „реалистической" в данных международных условиях — гитлеровской ипостаси. Уходя из Социалистического Интернационала, в деятельности которого они, по правде сказать, уже давным давно никакого участия не принимали, они направляются прямиком в тот же гитлеровский обоз, в котором давно уже пристроились все Солоневичи, Туркулы и прочие черно-и бело-гвардейские „иноземцы". Можно быть уверенным, что подлинные трудящиеся массы Украины за ними в эту клоаку не последуют...»

Мы знаем, что вместо «хитлеровского похода на Украину» растерявшие своих солдат «вожди» «русской» социал-демократии предпочитают сталиновский поход на Европу. Поэтому неудивительно, что дальнейшее пребывание в такой «компании» украинские эс-деки сочли для себя уже невозможным.

KUÇUK HABERLER — ХРОНИКА

ЕЩЕ О КОЛХОЗНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Несмотря на все давно уже пройденные сроки, в которые коллективизация должна была быть закончена, как равно несмотря на многочисленные, полные самохвальства сообщения советской печати о проведении 100% коллективизации, о „ликвидации кулачества как класса" и введении „строгой плановости в колхозную систему" с одновременным уничтожением всех фиктивных колхозов и прочих „злоупотреблений" в отношении принципа „обобществления частной собственности в деревне" — колхозы на Северном Кавказе продолжают находиться весьма далеко от своего советского идеала. Так например, на 10-м году об'явления принудительной коллективизации положение в Карачае представляется „Ордж. правдой" следующим образом:

„Партийные и советские организации обязаны оказывать всемерную помощь колхозникам, желающим иметь в личном пользовании огород, дойную корову, овец, пасеку. Надо, однако, в таких случаях строго соблюдать устав.

Об этом забыли в Карачаевской области. Здесь во многих колхозах нарушают те статьи устава, в которых говорится о количестве скота, находящегося в индивидуальном пользовании колхозников.

Решающую роль в сельском хозяйстве области играет животноводство. Поэтому каждому колхозному двору в горных местностях разрешено по уставу держать 5 коров с молодняком, одну лошадь и 40 овец и коз вместе. В селениях, расположенных на плоскости, каждый колхозный двор может иметь до 3 коров и 20 овец. Устав является законом и его необходимо строго соблюдать.

Но вот в сельхозартели им. Ворошилова, аула Хурзук, Учкуланского района, колхозник Халимат Коджаков имеет в индивидуальном пользовании 12 голов одного крупного рогатого скота. Такое же количество крупного скота имеют колхозники Д. Алиев и Юсуф Хасанов из сельхозартели им. Молотова. У колхозника сельхозартели „Красный Махар" Ирьяза Тебуева в индивидуальном пользовании 11 голов крупного рогатого скота и 75 овец. Колхозник Магомет Байрамуков из колхоза „Красный Учкулан" имеет 27 голов крупного рогатого скота, Ходжай Коркмазов из колхоза „Ударник"—14 голов крупного рогатого скота, 3 лошади и 48 овец.

В ауле Верхняя Мара, Микояновского района, колхозник сельхозартели им. Тельмана Унух Хачиров имеет 7 дойных коров и 42 головы овец и коз. В Усть-Джегутинском районе колхозник артели им. Тельмана Добай Батчаев имеет 8 дойных коров и 2 лошади. В Зеленчукском районе Зекир Батчаев из колхоза им. Евдокимова держит 84 овцы, Була Тикеев из колхоза им. Молотова—86 овец и т. д.

Десятки подобных примеров можно встретить в Малом Карачае и в остальных районах области. Есть колхозники, в личном пользовании которых находится по 100 и больше одних овец."

И далее:

„Руководящие работники областных и районных организаций постоянно сталкиваются с этими фактами нарушения устава сельскохозяйственной артели, но эти факты, видимо, им настолько „примелькались", что на них перестали обращать внимание. Областной земельный отдел, например, составил сводку, свидетельствующую, что в Карачае 83 колхозника имеют овец значительно больше, чем полагается по уставу и 229 колхозников незаконно держат лошадей. Учет (далеко неполный!) сделан просто для очистки совести, ибо никто не принимает мер, чтобы устранить столь ненормальное положение.

Облзо не учел, сколько колхозников имеют в личном пользовании крупного рогатого скота больше, чем предусмотрено уставом. Задача эта оказалась непосильной. Впрочем, у руководителей сельского хозяйства области на сей счет есть пресловутая „об'ективная причина". Оказывается, дело затрудняет „неясность."

— В уставе точно сказано о количестве коров в личном пользовании колхозника, — заявляет старший зоотехник т. Нестеренко.—Но сколько молодняка? Какого молодняка? Нам неясно."

И еше далее:

„При удобном случае, о той же самой „неясности" любят поговорить и в райкомах партии, и в облисполкоме, и в обкоме ВКП(б). Для руководящих работников Карачая стали неясными (или незаметными) даже такие грубейшие факты нарушения сталинского устава, когда иной колхозник имеет в личном пользовании не пять, а десять дойных коров, не одну, а три лошади, не сорок, а сто овец. Надуманной, ничего нестоящей „неясностью", как ширмой, хотят прикрыть нежелание бороться с нарушениями законов государства, стремятся замаскировать отсутствие массовой работы среди колхозников. В Карачаевской области очень плохо раз'ясняют устав сельскохозяйственной артели. В достаточной мере не проводится работа по контрактации лишних телок у колхозников. В результате, государственный план развития животноводства по крупному рогатому скоту недовыполнен колхозами почти на 1000 голов. В станице Кардоникской, например, план контрактации — 239 телок, законтрактировано же только 10.

Нарушения устава сельхозартели в Карачае приняли массовый характер. О них не первый день знают в крайисполкоме и крайземотделе. Когда же эти грубые нарушения устава будут решительно осуждены и исправлены?" („Ордж. пр."— 18-X-1938).

Приблизительно такую же картину являют русские поселения в Карачае. Здесь, по предыдущим заметкам в советских газетах, коллективизация давно уже проведена на 100%. Однако, теперь выясняется, что все это—„дутые цифры". Так например, в станице Кардоникской (Зеленчукский район, Карачаевской авт. области) положение представляется так:

„В станице Кардоникской 916 хозяйств колхозников и 743 единоличных хозяйств. В прошлом году было колхозных хозяйств 829, единоличных—687.

Соотношения между секторами колеблются из года в год, не претерпевая однако существенных изменений. За год колхозный сектор увеличился на 77 хозяйств, единоличный на 86 хозяйств.

В станицу приходят все новые и новые единоличники из разных районов нашего края, из Ростовской области и Краснодарского края.

— „Картошка в Кардонике дешевая, мы на картошку"..."

Оказывается, виноваты монахи и монашки, поселенные в свое время в Карачае царским правительством и ввиду ликвидации монастырей приспособившиеся к новым условиям. Роль их рисуется в следующем виде:

„На картошку" сюда сошлись монахи и монашки из бывших монастырей Зеленчукского и Тебердинского ущелий. Они построили на огородах под Кардоником „кельи из ветвей и сухих листьев и стали жить, яко Иоанн Предтеча, питаясь диким медом и клубнеплодами". К зиме монахи и монашки рассосались по теплым станичным хатам, имея добрый запас клубнеплодов. Отогрелись и развернули общестаничную догматическую дискуссию о свойствах тихоновского и обновленческого движения. На дискуссию с'ехались тринадцать попов и один протоиерей. Спорили по библейски, выразительно.

Но догматический спор быстро перерос в политический. Монахи взялись решать земельные вопросы, вопросы колхозного строительства. 64 монаха по суду было удалено из станицы за открытую антисоветскую агитацию. Но еще осталось в станице не мало монашек и монахов, благоденствующих и по сей день. В прошлом году они провели полный ремонт станичной церкви, затратив 25 тысяч рублей, собранных среди единоличников. Деньги подвергались демонстративному „освящению", как побывавшие в руках маловерных и безбожников.

После принятия страной сталинской конституции монахи и монашки взялись за „комментарии", в результате чего единоличники станицы Кардоникской выступили с требованием переделить колхозную землю

нарезав им, единоличникам, наделы поближе к станице. Пошли ходоки в Зеленчук, в Микоян-Шахар, в край, в Москву.

Тогда же, весной прошлого года, было установлено, что из 687 единоличных хозяйств станицы только 167 в той или иной мере занимаются земледельческ м трудом, некоторая часть работает на золотых приисках, на заготовке леса. Иные копаются на огородах, значительная же часть не смогла назвать определенных занятий, обеспечивающих существование. Эти занятия точно определяются внушительным числом проведенных судебных процессов: спекуляция с очень большим радиусом действия — до Ростова и Баку, спекуляция городскими товарами в станице, вывоз из станицы зерна, жиров и особенно картофеля.

Весь этот монашеский и кулацко-торгашевский нарост на теле станицы Кардоникской образовался в результате многолетнего сознательного попустительства со стороны районных и областных организаций Карачая. Буржуазные националисты, враги народа, стоявшие у руководства областью, целой системой потачек и поблажек оказывали поддержку монахам, беглым раскулаченным и всяким темным элементам, притаившимся в станице. Их пригревали, резервируя в их лице некую „опору", об'единяемую церковными мракобесами." („Ордж. пр." — 23-V-1938).

Таким образом, „буржуазным националистам" Карачая приписывается еще одна вина: покровительство монахам и монашкам. В это уже едва ли кто либо уверует. Тем более, что и там, где нет „буржуазных националистов" и отсутствуют монахи и монашки, положение аналогично. Например, в Наурском районе Орджоник. края, о колхозах коего та же самая „Ордж. правда" пишет следующее:

„Возьмем для примера колхоз „Красный Наур". В нем насчитывается более 510 хозяйств, около 800 трудоспособных. Если послать только половину этих людей в поле, то хлопок может быть убран за несколько дней.

Однако в правлении артели вместо организации колхозников все чаще и чаще поговаривают о найме рабочей силы на сбор хлопка. Здесь упорно не хотят видеть, что более 120 трудоспособных членов колхоза не участвуют в хозяйственных работах. Эта часть колхозников занята исключительно своим личным хозяйством, не заботясь об укреплении артелей. Колхозник Илья Дериглазов с начала года выработал 98 трудодней, а два трудоспособных члена его семьи не имеют в этом году ни одного трудодня. Семья Дериглазова занимается при случае спекуляцией, а сам Дериглазов организовывает пьянки.

Членом колхоза числится Андрей Башлыков. Он имеет 4 бахчи общей площадью свыше гектара и 0,15 га виноградника. У Филиппа Богомолова, выработавшего 86 трудодней, имеется 2 бахчи и виноградник, площадью 1,18 га. По две бахчи и участку виноградника имеют колхозники Иван Цимлянский, Иван Дорошенко, Егор Каюшников. Они выработали в колхозе от 40 до 100 трудодней.

По уставу сельхозартели, принятому колхозом, каждый двор может иметь в своем личном пользовании не более 0,75 га приусадебной земли. Однако, на практике он всячески нарушается. Даже по далеко неполным данным, в колхозе насчитывается 26 хозяйств, имеющих приусадебной земли свыше 0,75 га. Кстати сказать, точного учета таких хозяйств ни правление колхоза, ни Наурский станичный совет не имеют.

Хозяйства с завышенными приусадебными участками земель имеются во всех колхозах района. В колхозе „Новый путь" их насчитывается свыше 30, в колхозе „Заветы Ильича" около 40, в колхозе им Папанина — 18.

Характерно, что владельцами приусадебных земель почти во всех колхозах являются местные жители, а колхозники, приехавшие из других областей Союза, ими во многих случаях не наделены.

В колхозе „Новый путь" не имеют приусадебных участков 120 хозяйств. Только в трех полеводческих бригадах колхоза им. Папанина их не имеют 65 хозяйств, в колхозе им. Калинина — 33 хозяйства. Такая вредная антиколхозная практика деления колхозников на „своих" и „чужих", естественно, вызывает возмущение, сопровождающееся иногда выходами из колхоза." („Ордж. пр." — 24-XI-1938).

Такова колхозная действительность Северного Кавказа как в чисто национальных районах, так и в районах, заселенных русскими колонистами. Как видим, она весьма далека от той, каковую пытается реализировать советская власть. Инстинкт собственности, присущий человеку, преодолевает бумажную силу советских декретов, несмотря на то, что последние сплошь и рядом подкрепляются наганами чекистов.

Но это не все. Последние два примера, описывающие колхозную действительность в русских поселениях, отмечают весьма знаменательное явление, отражение коего можно встретить и в эмигрантской казачьей печати. Мы имеем ввиду ту переселенческую волну, которая может совершенно изменить состав русских поселений на Северном Кавказе. Читая подобного рода советские заметки, мы не находим ничего удивительного в письме „оттуда", напечатанном не так давно в одном из „вольноказачьих" журналов, где автор, знакомая или родственница одного из эмигрантов казаков, сообщает ему, что, возвратясь после долголетнего отсутствия в родную станицу (дело происходило на Дону), она нашла в ней лишь одно знакомое лицо—б. станичного кузнеца, в доме коего она только и могла (и то с большим трудом) найти себе временное пристанище.

Восстановив казачество, советская власть, как видно, действительно хочет превратить его в новое „советское казачество." Массово выселяя прежних казаков на север, она на их место вселяет волны новых переселенцев. О темпах этого процесса могут свидетельствовать следующие слова, относящиеся к Наурскому району: „В нынешнем году колхозы района приняли в свои коллективы 999 приезжих колхозников." Фраза эта взята нами из цитируемой выше заметки „Ордж. правды" от 24 ноября. Таким образом, только в текущем году 4—5 станиц одного только района вобрали в себя 1000 человек новых переселенцев. Учитывая такие „темпы", мы не далеки будем от истины, предположив, что состав казачьих станиц за годы советской власти мог во многих случаях перемениться по несколько раз и „своими", о которых вспоминает „Ордж. правды", по отношению „чужих", т. е. свежих переселенцев, могли оказаться те, кои переселились 5—10 лет тому назад.

Изменяя столь радикально лицо казачества, советская власть стремится несомненно не только предохранить себя от повторения „казачьей Вандеи", но и усилить русские „имперiальные" позиции на Кавказе. Последний момент особо оттеняется фактом превращения в казаков всего русск го населения Северного Кавказа и северного Предкавказья с Доном включительно.

О ФИЛЬМЕ „ДРУЗЬЯ"

На экранах кинотеатров СССР, в частности Северного Кавказа, демонстрируется фильм из жизни Северного Кавказа во время революции. Фильм—сугубо пропагандный и тенденциозный, как вообще все советские фильмы. В нем восхваляется „благодетельная" для Северного Кавказа роль большевизма и русских коммунистов. Подробно о тенденциях фильма нас информирует рецензия, помещенная в одном из октябрьских (11-го окт.) номеров газ. „Ордж. правда". В рецензии читаем:

„Друзья" — это фильм о братстве народов, о великой организующей силе большевистской партии, о том, как, веками натравливаемые друг на друга и порабощенные, горские племена, под влиянием русского революционного пролетариата, обретают общий язык и общее боевое знамя. Труден ли был путь бедняка-ингуша и бедняка-осетина к этому единству? Он был труден, и надо хорошо знать историю и быт горцев Кавказа, надо знать коварную, черносотенную политику русского царизма, чтобы достойно оценить ту колоссальную работу, которую пришлось проделать русскому большевику Алексею, прежде чем „кровные враги" — Бета и Мусса — стали кровными братьями.

Вот они, прославленные „наездники-головорезы" — ингуш Мусса и осетин Бета. Это крохотное поле, которое, по горской поговорке, легко затерять под буркой, принадлежит им двоим, и покуда они спорят о межевом камне — ветер начисто сдувает весь их урожай в пропасть. Так начинается фильм.

Разоренные и обреченные на голод, бедняки вынуждены промышлять на большой дороге. Очень хорошо в трагикомическом плане показаны эти „экзотические" моменты с кинжалами и абреками. В фильме вообще, наряду с глубоко драматическими, острыми сценами, много свежего и подкупающего юмора. Скитальцы-бедняки Мусса и Бета, может быть, в сценарии чем-то отдаленно и напоминавшие классических героев Уленшпигеля — в блестящем исполнении Н. Черкасова и С. Каюкова полноценные и яркие образы горского крестьянства. Совершенно не чувствуешь, что они говорят между собой по-русски, забываешь об актерах и лишь с удивлением думаешь, как это попали на экран твои добрые и знакомые с детства аульские соседи... Параллельно истории бедняков Беты и Муссы, в фильме убедительно рассказана история молодого, энергичного кузнеца-кабардинца Умара, одного из тех, кто в гражданскую войну руководил в горах партизанскими отрядами.

Умар скрывается от преследования князя Анзорова. Шестнадцатый год. Большевик Алексей, в котором зрители с первых же кадров угадывают обаятельный и родной образ Сергея Мироновича Кирова, послан на Кавказ Лениным и Сталиным для подпольной работы.

Спокойно и уверенно, с простыми, человеческими словами появляется Алексей среди горцев. Он открывает им глаза на классовую правду, его железная большевистская воля об'единяет горскую бедноту для грядущих революционных битв, под его влиянием вырастает Умар в закаленного и отважного народного вождя. Немного найдется у нас фильмов, где бы так жизненно и увлекательно, где бы с такой волнующей естественностью был показан образ большевика-агитатора, трибуна и организатора масс."

Короче говоря — „идиллия", из дальнейшего описания которой мы в лице Умара узнаем „Сталина в карманном издании", Бетала Калмыкова. Бета же — это недавно скончавшийся Бета Тибилов, известный керменист. Фильм, повторяем, выдержан полностью в стиле большевистских агиток и не вносит ничего нового в методы не только теперешней советской, но и вообще русской пропаганды. В точно таком свете („культуртрегеров" и „умиротворителей") представляла себя и царская власть. Однако, как мы видели, обмануть этим северокавкасские массы ей не удалось. Не удастся этого достичь и советской власти.

ГОТОВЯТСЯ К 800-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НИЗАМИ ГАНДЖИНСКОГО

В „Бак. раб." от 11-XI 1938 г. появилась следующая заметка председателя Азерб. филиала Акад. наук СССР А. Якубова:

„В 1941 году исполняется 800 лет со дня рождения великого азербайджанского поэта Низами Гандживи.

Научная и литературная общественность всего Советского Союза готовится к празднованию юбилея крупнейшего классика азербайджанской поэзии.

Президиум Академии наук СССР, учитывая огромное культурное, научное и политическое значение этой замечательной даты, принял развернутое решение о подготовке к юбилею Низами.

По решению президиума Академии наук СССР к юбилею будут изданы все романтические поэмы Низами, собранные в его знаменитой „Хамсе" („Пятерица"). Произведения Низами будут изданы полностью на азербайджанском языке с обширными вступительными статьями и комментариями.

Академия наук придает большое значение серьезной научной подготовке этих изданий. С этой целью должно быть начато углубленное изучение старинных рукописей произведений Низами, хранящихся в книгохранилищах и архивах Ленинграда, Баку, Тбилиси, а также в научных учреждениях Лондона, Парижа, Тегерана и других мировых книгохранилищах. Для этого заказываются специальные фотокопии с этих рукописей.

Произведения Низами будут опубликованы также и в русских стихотворных переводах. Для этой работы привлекаются лучшие советские поэты и знатоки творчества Низами.

Президиум Академии наук СССР предложил АзФАН, институту востоковедения и другим своим организациям подготовить к юбилею ряд научных монографий на азербайджанском, русском и других языках. Кроме того, предложено подготовить полное описание всех известных рукописей Низами.

Президиум Академии наук предложил институту истории подготовить в 1939 - 40 годах исследования на темы: „Ганджа XII века" и „Азербайджан в эпоху Низами". Институту истории материальной культуры поручено совместно с Государственным Эрмитажем начать исследование памятников культуры Азербайджана в эпоху Низами. Эрмитаж включает в план своей работы на 1939—40 годы организацию большой выставки, посвященной показу памятников культуры Азербайджана XI XII веков.

Организуется специальная редакционная коллегия при президиуме Академии наук СССР для просмотра юбилейных изданий, посвященных Низами.

Ряд известных востоковедов и ученых Советского Союза готов принять участие в подготовке юбилея Низами. В частности, высказал желание написать большую статью об историческом значении творчества Низами, как великого азербайджанского поэта, директор Эрмитажа академик И. А. Орбели. Такие выдающиеся ленинградские ученые, как академик Мещанинов, профессора Бертельс, Ромаскевич, Дондуа и другие, также полагают написать ряд статей об эпохе и творчестве Низами.

Институт востоковедения, институт литературы Академии наук СССР и „Пушкинский дом" в Ленинграде обязались подготовить ряд работ, посвященных Низами.

Научными сотрудниками института литературы намечена разработка двух важнейших тем: „Низами в русской литературе" и „Низами в мировой литературе".

Большой интерес к юбилею Низами проявляют также литературные и издательские организации Москвы.

На президиуме правления союза советских писателей СССР старшим научным сотрудником института литературы АзФАН тов. М. Рафили был сделан доклад по поводу подготовки к юбилею Низами. Союз советских писателей выделяет бригаду поэтов, которая будет переводить произведения Низами на русский язык. Государственному издательству художественной литературы предложено включить в план 1939—40 годов издание на русском языке всех произведений Низами, а также издать в ближайшее время популярную брошюру о жизни и творчестве великого поэта.

Азербайджанский филиал Академии наук СССР на основе решения президиума Академии наук уже начал подготовку издания наследия великого поэта.

Для изучения эпохи Низами институт, истории археологии и этнографии АзФАН проводит большие археологические раскопки на месте городища Старая Ганджа, находящегося в 4-х километрах к северо-востоку от Киров-абада. В этом городе, как известно, родился, жил и умер Низами, отсюда же он и получил свое прозвище „Гандживи", т. е. Ганджинский. На место раскопок уже выехала археологическая экспедиция.

Наряду с этим, институт готовит хронографию (летопись) Старой Ганджи. Собраны ценнейшие материалы о Старой Гандже, имеющиеся в трудах средневековых арабских, армянских и грузинских историков, географов, путешественников и ученых, и ценные высказывания западно-европейских путешественников, оставивших описание Старой Ганджи.

Изучаются материалы, характеризующие теснейшие культурные и политические связи народов Закавказья в эпоху Низами, которая вошла в историю под именем „золотого века" азербайджанской культуры, в частности, литературные связи Низами и его современника Хагани с великим грузинским поэтом Шота Руставели.

Обследуются и изучаются памятники материальной культуры эпохи Низами на Апшеронском полуострове, в Барде, Шемахе, НахАССР и других районах Азербайджана, как, например, знаменитая Нахичеванская башня, построенная талантливейшим азербайджанским зодчим Абубекром Нахичевани.

Недавно организованным институтом литературы и языка им. Низами ожидается получение из Ленинградского книгохранилища ряда ценнейших материалов о великом поэте. Азербайджанские поэты уже приступили к переводам произведений Низами. Поэтом Мамед Рагимом переводится поэма-роман „Хафт Пейкар" („Портреты семи красавиц") — одна из замечательных жемчужин поэтического наследия великого Низами. Поэт Абдулла Шаик заканчивает перевод 1-й части знаменитой поэмы „Искендер Наме" ("Книга об Александре Македонском"), включающей в себя несколько тысяч стихотворных строк. Начат также перевод „Махсанул Эсрар" („Сокровищница тайн").

В подготовке юбилея Низами, этого подлинного праздника азербайджанской культуры, несомненно примут участие все культурные и общественные организации АзССР и прежде всего союзы советских писателей, композиторов и художников, союз архитекторов, Управление по делам искусств и Центральное управление по охране памятников старины."

Одним словом, Низами из национального поэта будет превращен в „достояние всего советского народа", что также имеет свое значение в процессе руссификации, форсируемом советской властью.

ОБНАРУЖЕНИЕ СТАРИННЫХ РУКОПИСЕЙ

Заря Востока от 29-XI-1938 г. сообщает следующее:

„Недавно в Вагаршапетской (б. Эчмиадзинской) государственной библиотеке была обнаружена рукопись на армянском языке — труд грузинского историка Джуаншера, жившего в VII веке. Джуаншер в своем сочинении сообщает интересные сведения из жизни грузии, армян и албанцев.

На днях Армянским филиалом Академии наук СССР изданы две старинные рукописи, также содержащие весьма ценные сведения об Армении, Грузии и соседних странах. Книги эти — „История войны" и „Дневник Захария Агулеци".

„История войны" написана Абрамом Ереванци и содержит описание войн, которые вели иранцы и турецкие султаны в 1721—1736 годах. В частности автор останавливается на походе Тамаз Кули-хана (известного в истории под именем Надир-шаха) в Грузию. Он описывает его прибытие в Мцхети, переговоры его с грузинскими князьями, его поражение в борьбе с грузинским народом.

„Народ Грузии, — рассказывается в этой книге, — восстал против Надир-шаха. Тогда шах отдал приказ своим войскам — подавить восстание. Однако, побежденный в этой борьбе Надир-шах не осмелился дальше воевать с грузинами; он вернулся в Ереван, а оттуда дальше — в Иран".

В „Дневнике Агулеци" содержится много сведений исторического и экономического характера о Грузии и, в частности, о Тбилиси.

Обе книги переводятся на русский язык и будут изданы Армянским филиалом Академии наук СССР."

ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ФЕЛЬЕТОН

В „Бак.-раб." от 22-XII- 1938 г. напечатан следующий фельетон:

„В конце концов, неважно, как имя героя. Назовем его условно: товарищ Командировочный. Важны факты. Вот они.

Товарищ Командировочный с легким чемоданчиком шагал со станции железной дороги в Сабирабад. Напевая вполголоса романс „Где-б ни скитался я...", он вошел в гостиницу.

— Свободных номеров нет, — ответил заведующий гостиницей тов. Мамедов. — Впрочем, подождите немного.

Товарищ Командировочный присел на свой чемоданчик. Прошел час, потом другой... На улице стемнело. На исходе девятого часа ожидания тов. Командировочному дали номер.

В прелестном номере, беспомощно привалясь к стене, стоял трехногий стул. Матрас на единственной кровати угрожающе ощерился искалеченными пружинами. Тов. Командировочному стало не по себе. Но еще большую тревогу почувствовал он, когда в комнате появились еще четверо приезжих.

— Мм-да... Где спать будем? Одеяло убежало, улетела простыня, а подушка, как лягушка, ускакала от меня, — произнес один из вошедших.

— Никуда не убежала, гражданин, — поправил его зав. гостиницей т. Мамедов. — Есть и одеяла, и простыни, и ковры. Только они у бывшего председателя райисполкома. Стулья и шифоньер тоже имеются. Только они на квартире у нынешнего председателя. А кровать — она у бухгалтера коммунхоза. Так что, граждане, насчет мебели не волнуйтесь. У нас все есть. Вы уж на полу поспите.

— Скажите, клопы здесь водятся? — спросил тов. Командировочный, которому по праву первенства принадлежала кровать.

— Насчет чистоты не беспокойтесь. Если увидите клопа, то только мертвого, — успокоил заведующий гостиницей.

Едва тов. Командировочный улегся, как матрасная пружина впилась ему в бок. Он перевернулся. Три пружины разом вонзились в другой бок, а одна уцепилась за ногу. Он откинулся на спину — и тогда две пружины привинтили его к матрасу. Тов. Командировочный был положен матрасом на обе лопатки. В этот момент он почувствовал укусы. Мощным рывком ему удалось оторваться от матраса. И он увидел на постели клопа. Клоп был, действительно, мертв, но за ним безмолвно двигалась огромная похоронная процессия.

...Утром из номеров понеслись возмущенные крики. У одного из соседей тов. Командировочного пропали фуражка и полотенце, другой безуспешно разыскивал пояс. У работника наркомфина М. украли сапоги.

Артист Т., эффектно задрапированный в древнегреческую тогу из грязной простыни, трагически декламировал:

— Даже брюки, даже брюки
Убежали от меня.

В центре возбужденной толпы стоял тов. Мамедов и твердил цитату из какого-то классика: „гостиница — не уголрозыск".

Махнув рукой, тов. Командировочный выскочил вон из гостиницы. Бессонная ночь наложила свой отпечаток. Его лицо было цитрусового цвета. Придерживая правой рукой чемоданчик, а левой — бьющееся сердце, он бежал к Куре. Не теряйтесь в догадках и не волнуйтесь, сострадательный читатель. Он не хотел броситься в бурную, холодную реку. И не намеревался удить рыбу. Подчиняясь обычаям сабирабадской гостиницы, он спешил к Куре чтобы... умыться и почистить зубы."

Фельетон этот точно отражает советский быт. Доказательством нашего утверждения может послужить корреспонденция в газ. „Ордж. правда" (18-XI-1938), описывающая рестораны гор. Шет-Кала (Ворошиловска). Картина здесь не более утешительна, чем при описании гостиницы в Сабирабаде, хотя корреспонденция отнюдь не является фельетоном Вот что мы в ней читаем:

„Печальная слава идет о ресторанах города Ворошиловска. Все, кто хотя бы раз побывал в одном из трех ресторанов треста общественного питания, уходят возмущенными до глубины души: непомерно высокой стоимостью блюд, скверным качеством их приготовления и поразительно плохим обслуживанием посетителей.

Уполномоченный государственной торговой инспекции тов. Цокота организовал в октябре обследование работы ресторанов. Мы пытались узнать, что выявила инспекция, но, к великому смущению ее работников, они не смогли отыскать в своих канцелярских дебрях даже акт обследования.

Сравнительно недавно орджоникидзевский райком партии назначил комиссию по проверке состояния общественного питания. Эта комиссия тоже написала акт обследования и... все. О работе этой комиссии, ее выводах и предложениях никто так и не узнал.

Безответственно относятся к своим обязанностям и руководители краевого союза работников обществен-

ного питания. Председатель тов. Смирнова хладнокровно взирает на творящиеся в ресторанах безобразия. Крайком союза до сих пор не в состоянии организовать общественный контроль за работой ресторанов и столовых.

Городской трест общественного питания существует с прошлого года. За это время уже успело смениться около десятка директоров. Чуть ли не каждый месяц меняются директора ресторанов. Невероятно большая текучесть официантов, поваров, буфетчиков, уборщиц и т. п. Только в августе, например, в ресторане № 1 было принято на работу и уволено 70 человек. Никакой работы по закреплению кадров не ведется, люди принимаются на работу непроверенные, случайные.

Растраты и хищения в ресторанах приняли прямо-таки колоссальные размеры. По неполным данным, сейчас в трех ресторанах разворовано 125 тысяч рублей. Есть лица, которые, используя запущенный до крайности учет, бесконтрольность, сумели растратить по 15—20 тысяч рублей. Некий авантюрист, подвизавшийся одно время в роли директора ресторана № 1, сделав крупную растрату, скрылся. Только теперь выяснилось, что этот проходимец работал в ресторане под чужой фамилией. Другой скрывшийся растратчик Капустин даже прислал в трест письмо, в котором горячо благодарит его руководителей за то, что они дали ему возможность долгое время безнаказанно воровать.

Сейчас городские рестораны переживают острые финансовые затруднения. Львиная доля оборотных средств разворована, истрачена не по назначению, дебиторская задолженность достигает ста тысяч рублей Большинство поставщиков, которым трест задолжал уже около двухсот тысяч рублей, отказалось от дальнейшего отпуска продуктов ресторанам. Предприятия треста не только не дают никакой прибыли, а наоборот, работают с большим убытком. Например, за сентябрь только один ресторан № 2 дал 15 тысяч рублей убытка! Общий убыток по тресту составляет 98 тысяч рублей.

Трест не имеет никаких запасов продуктов на своей базе. Почти все закупки производятся на городских рынках и в продовольственных магазинах на каждый день и, главным образом, за наличный расчет. Поэтому на продукты в ресторанах сплошь и рядом незаконные наценки. Калькуляторы ресторанов часто не желают считаться с установленными конвенциональными ценами и делают „накидки" на блюда или в зависимости от стоимости купленных на рынке продуктов, или прямо „с потолка".

В меню ресторанов установился определенный стандарт блюд. Ежедневно готовится одна и та же пища. Преобладают порционные блюда стоимостью в 4 — 5 и выше рублей. Рядовые блюда, обычно низкого качества и подозрительно высокой стоимости, готовятся в небольшом количестве. Часто к 4—5 часам дня в ресторанах уже нет ничего, кроме порционных блюд. Овощные, крупяные и мучные блюда бывают очень редко.

Работники ресторанов считают ниже своего достоинства готовить кашу, винегрет, салат, пудding и сладкие блюда Даже стакан чая, кофе или какао вечером в ресторанах найти невозможно.

Много нареканий и жалоб посетителей на плохую работу официантов. Жалобные книги испещрены справедливыми упреками на грубость обслуживающего персонала. Ни работники треста, ни профсоюзные организации ничего не делают, чтобы повысить квалификацию. Среди работников ресторанов не организовано соревнование.

Вместо сдельной оплаты труда процветает уравниловка. Все официанты и повара, вне зависимости от стажа и количества работы, получают одну определенную ставку. Бухгалтерская запущенность, плохой учет вызывают много конфликтов по оплате труда.

Положение с общественным питанием в Ворошиловске нельзя квалифицировать иначе, как явно неудовлетворительное. Должны же, наконец, руководители советских, партийных и профсоюзных организаций города понять, что общественное питание—большое и серьезное дело, за состояние которого они несут прямую ответственность."

Положение, как видим, в обоих случаях, в Сабирабаде и в Шег-Кала, является не только „явно неудовлетворительным", но прямо таки скандальным.

РАЗНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

— В ауле Адыге-Хабль закончился судебный процесс против „врагов колхозного строя" и „буржуазных националистов" Агаржанова Сагида и Дышекова Муклин-Гирея. Оба обвинялись в преследовании русских служащих колхоза им. Сталина в ауле Бесленей и попытке сжечь на корню 600 га колхозной пшеницы. Агаржанов и Дышеков приговорены к расстрелу.

— В Дагестане исключены из компартии Магомед Исхаков и Эмануил Эмануилов (тат). Первый за „проводимую враждебную партии линию" и за то, что „бежал к белополякам, а в партдокументах указывал, что был в плену", а второй—„за смыкание с буржуазными националистами и укрывательство от органов власти врагов народа."

— Совет нар.-комиссаров АзССР „наградил легковыми машинами № 1": „народного артиста СССР, композитора орденоносца Узеира Гаджибекова, профессора-медика Мир-Касимова Мир Асадулла и „поэта-орденоносца" Самеда Вургуна—последнего за пьесу „Вагиф."

— „Ордж. правда" подсчитывает: „На территории нашего края расположено 50 совхозов системы наркомсовхозов и наркомзерна. В хозяйствах наркомата совхозов сосредоточено 27 проц. всего поголовья свиней, имеющихся в крае, 25,8 проц. овец и коз, 15,5 проц. крупного рогатого скота, 16,2 проц. земельной площади, 17,3 проц. выпасов и 35,9 проц. сенокосов. Иначе говоря, около четвертой части сельского хозяйства края сосредоточено в совхозах." Таким образом, уничтожив помещиков, советская власть сосредоточила в системе государственного поместного хозяйства (совхозах) еще большие богатства, чем те, кои находились во времена царизма в руках помещиков.

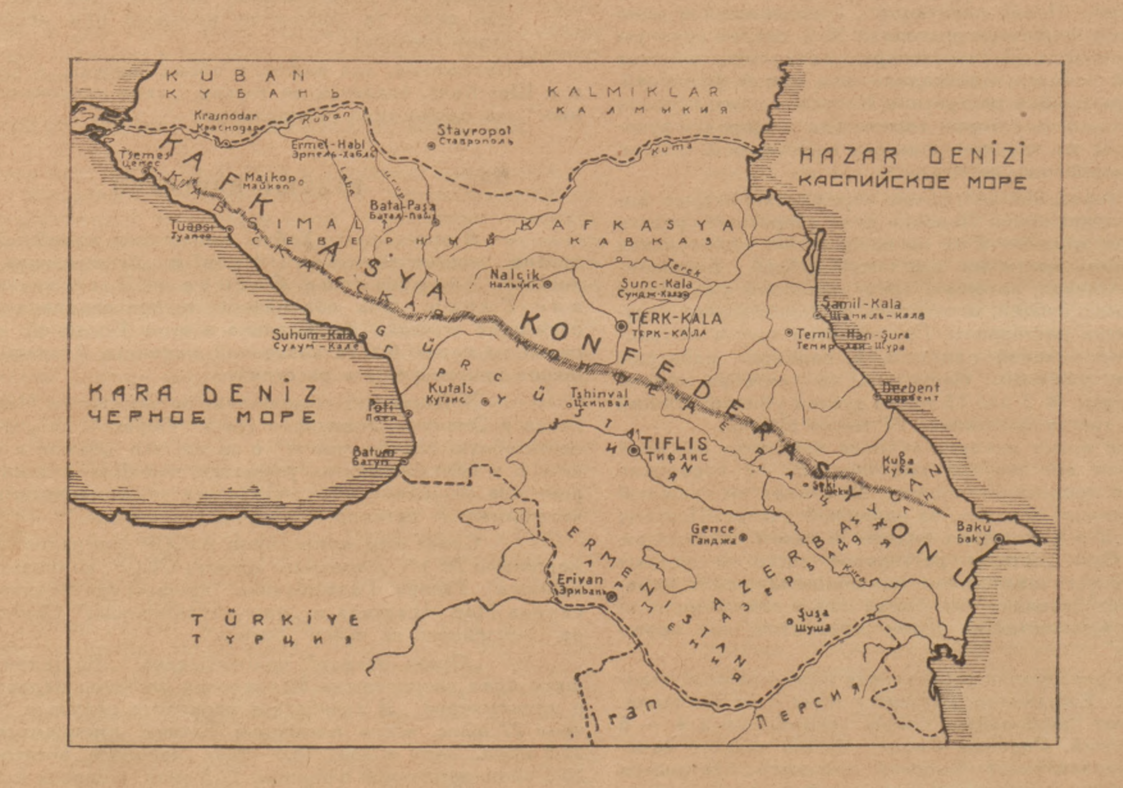
DIKKAT!

İDAREHANEMİZİN YENİ ADRESİ ŞUDUR:

ВНИМАНИЕ!

НОВЫЙ АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Belwederska 44 m. 1—Warszawa (12), Pologne.

Mecmuanın müdürü: BARASBİ BAYTUGAN — Редактор журнала: БАРАСБИ БАЙТУГАН

Müdürün adresi — Belwederska 44 m. 1 Warszawa (12), Pologne — Адрес редактора

Mecmua idarehanesinin adresi — 1, Square Léon Guillot, Paris (15), France — Адрес администрации журнала

DRUK P. SZWEDE, WARECKA 9, TEL. 509-34